

4-69
T-37 8107
49246

Мембри

ПЕРЕВОДЧИКА

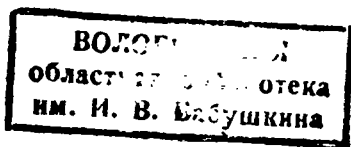
**ВЫПУСК
14**

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

Вып. 14

*Под редакцией
доктора филологических наук
профессора Л. С. Бархударова*

849976

Издательство
«Международные отношения»
Москва 1977

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СБОРНИК
ИЗДАЕТСЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

Редакционная коллегия:

Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров,
А. В. Кунин, Г. Я. Туровер (отв. ред.),
В. Д. Уваров, М. Я. Цвиллинг

Авторы несут ответственность
за аутентичность цитируемого материала.

Т37 Тетради переводчика. Вып. 14. М., «Международ. от-
ношения», 1977.

136 с.

Выпуск 14 «Тетрадей переводчика» продолжает знакомить читателей с проблемами теории и практики перевода, вопросами лексикографии, а также предлагает конкретные решения частных переводческих задач.

В разделе художественного перевода помещены статьи о переводе рифмы Маяковского на итальянский язык, об итальянских переводах «Пиковой дамы» и о переводе на русский язык повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

Сборник представляет интерес для всех лиц, изучающих иностранные языки.

Г 70104—023
003(01)—77 39—77

4

І. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

К. Ю. Амбрасас-Саснава
(Вильнюс)

ЕЩЕ О РАЗДЕЛАХ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Не так давно в отношении перевода считалось, что он своей наукой иметь не может.¹ Подобное мнение по этому вопросу высказал представитель литовской поэзии и критики перевода В. Бложе: «Я несколько скептически отношусь к создаваемой нами «теории перевода». Как бы нам не построить крепость, которую потом самим же придется разрушать... На мой взгляд, в силе остается обыкновенная теория литературы — литературоведение...»².

Не удивительно, что данный вопрос актуален и ныне. Об этом свидетельствует множество книг и статей, среди которых следует назвать статью А. Д. Швейцера «Возможна ли общая теория перевода?»³

Сегодня проблема теории перевода рассматривается уже не с гамлетовских позиций — «быть» ей или «не быть», а в совершенно ином аспекте: каковы части этой науки, какова ее связь с другими лингвистическими и нелингвистическими дисциплинами, каковы теоретические и практические направления работ и исследований этой науки.

Болгарский ученый А. Людсканов науку перевода, ее проблемы делит на универсальные, общие и частные: «... универсальная теория перевода (семиотическая дисциплина на общесемиотическом уровне); общая теория перевода как отрасль универсальной теории (лингвистическая дисциплина на уровне естествен-

¹ А. А. Реформатский. Лингвистические вопросы перевода. «Иностранные языки в школе», 1952, № 6, с. 12.

² В. Бложе. Актуальные проблемы теории художественного перевода. Материалы Всесоюзного симпозиума (25 февраля — 2 марта 1966 г.), т. 1, М., 1967, с. 344.

³ А. Д. Швейцер. Возможна ли общая теория перевода? «Тетради переводчика», № 7, М., «Международ. отношения», 1970, с. 35—46.

ных языков) и частные теории перевода (теория художественного, общественно-политического и научного перевода, перевода устной и письменной речи, включая обыкновенный и машинный перевод), как отрасли общей теории перевода (языковые дисциплины на уровне стилистических пластов (подкодов) естественных языков)»¹.

Однако, как указывает Вл. Россельс, болгарский исследователь не выдерживает принципа: при анализе проблем перевода художественной литературы забывает про языкознание и в дальнейшем оперирует «либо общесемиотическими положениями (а на этом уровне можно решать и литературные проблемы), либо методологией литературного анализа»².

Некоторые советские теоретики перевода основными разделами переводоведения считают общую теорию перевода и частную теорию перевода³. Того же мнения, по-видимому, придерживается и чешский теоретик перевода Иржи Левый, который включил в свою книгу «Искусство перевода» подраздел «Общая и специальная теория перевода»⁴.

Однако научная и практическая переводческая деятельность является настолько обширной и сложной, что упомянутые системы данной дисциплины не могут охватить всего ее многообразия. В связи с этим ученые предлагают новые пути.

Представляет интерес классификация переводоведения, которую дает Ю. В. Ванников в статье «О едином комплексе переводческих дисциплин», где он различает: 1) общую теорию перевода; 2) частные теории перевода; 3) специальные теории перевода; 4) теорию машинного перевода; 5) прикладные аспекты перевода⁵.

¹ Цитируется по: Вл. Р о с с е л ь с. Склонение теории на свои нравы. В сб.: «Мастерство перевода», № 8, М., «Сов. писатель», 1971, с. 418.

² См. там же.

³ См.: Я. И. Р е ц к е р. Задачи сопоставительного анализа переводов. В кн.: «Теория и критика перевода». Л., изд-во ЛГУ, 1962, с. 42; А. В. Ф е д о р о в. Основы общей теории перевода (Лингвистический очерк), М., «Высшая школа», 1968, с. 27—33; Е. Р. Г а ч е ч и л а д з е. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси, Изд. Тбил. ун-та, 1970, с. 118—119; его же. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М., «Сов. писатель», 1972, с. 74—80.

⁴ И. Л е в ы й. Искусство перевода. М., «Прогресс», 1974, с. 32—34.

⁵ Ю. В. В а н н и к о в. Вопросы теории и техники перевода, М., Изд. Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1970, с. 3—14.

В. Н. Комиссаров всю переводческую деятельность делит таким образом: I. «Теоретическое переводоведение включает четыре основных раздела: общие теории перевода, теории эквивалентности, теории переводческого процесса и теории переводческих соответствий»¹. II. «Прикладное переводоведение представляет собой попытку воздействовать на переводческую деятельность, в той или иной степени «управлять» всей деятельностью в целом или какими-то ее аспектами. Сюда относятся все проблемы, связанные с обучением переводу, выработкой всевозможных советов и рекомендаций переводчику, деятельностью редактора, использованием и составлением всевозможных справочников и словарей...»².

Такая четкая и обоснованная классификация теоретических и практических работ является нужной и необходимой.

В. Н. Комиссаров, решая проблему переводческой деятельности с точки зрения всей совокупности актов перевода, соответственно определяет и сам объект переводоведения, который составляют «те аспекты переводческой деятельности, которые присутствуют в любом акте перевода и определяют характер отношений между оригиналом и переводом...»³

Однако переводоведение, с какой бы позиции мы к нему ни подходили — теоретической или практической, — вряд ли сводится к одним только отношениям между оригиналом и переводом. Приведенное выше определение данного объекта науки фактически носит лишь теоретический характер. Таким образом, если к объекту перевода подойти и с теоретической, и с практической точки зрения, определение, данное В. Н. Комиссаровым, можно было бы несколько дополнить: объект переводоведения составляют те аспекты теоретической и практической деятельности, которые присутствуют в любом акте перевода, а также после него, и определяют характер отношений не только между оригиналом и переводом, но и между переводом и читателем. Существуют же такие области переводческой деятельности, как например, история перевода, критика перевода, методика перевода, библиография перевода и т. п., которые невозможно строго отнести к работам теоретического либо практического

¹ В. Н. Комиссаров. О разделах переводоведения. «Тетради переводчика», № 11, М., «Международ. отношения», 1974, с. 9.

² Там же, с. 10.

³ Там же, с. 10.

характера. Их объем и назначение легко могут выйти за пределы тех или иных рамок, на которые указывает Комиссаров в приведенной выше цитате. Очевидно, на основании изложенного представляется возможным говорить о следующей, охватывающей как теоретический, так и практический аспекты классификации переводоведения:

- I. Общая (универсальная) теория перевода.
- II. Специальная теория перевода.
- III. Практика перевода.
- IV. История перевода.
- V. Критика перевода.
- VI. Методика преподавания перевода.
- VII. Библиография перевода.
- VIII. Редактирование перевода.
- IX. Смежные науки, помогающие решать разные переводческие проблемы.

I. **Общая (универсальная) теория перевода** должна включать не только предложенные В. Н. Комиссаровым четыре основных раздела — общие теории перевода, теории эквивалентности, теории переводческого процесса и теории переводческих соответствий, но и все другие общетеоретические проблемы и вопросы, которые возникают в настоящем и, конечно, будут возникать в будущем. Этот раздел может включать в себя лингвистические, литературоведческие, стилистические и другие проблемы, если они решаются в общетеоретическом плане.

Советские ученые в последнее время примерно так характеризуют объект общей теории перевода и ее задачи: она должна включать в себя и рассматривать наиболее общие положения и систему принципов, которая определяется при исследовании произведений различных жанров, назначения и переведенных с одного языка на другой. Такие выводы, принципы и критерии подходят для всех языков и являются самыми универсальными. В этом плане довольно точно и конкретно высказался А. Д. Швейцер: «...как языкознание изучает любые речевые произведения, независимо от их жанра, общая теория перевода охватывает все разновидности, которые присущи переводу вообще, несмотря на специфику тех или иных жанров»¹. «Общая теория перевода имеет свой ясно очерченный объект изучения —

¹ А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973, с. 9.

это процесс перевода во всей его совокупности и во всем его многообразии с обязательным учетом всех влияющих на него факторов»¹.

II. **Специальная теория перевода** исследует самые различные закономерности перевода с одного конкретного языка оригинала на какой-либо другой язык перевода. В зависимости от того, какой на уровне языка оригинала является единица перевода, язык перевода можно рассматривать не только с точки зрения принятой в современном языковедении иерархии уровней языка (исследования уровня фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения и текста), но и в стилистическом отношении. Поэтому второй круг тем и проблем специальной теории перевода касается отдельных жанров перевода: художественной, устной речи, языка научных, публицистических, технических текстов, канцелярских документов и т. д.

В свою очередь произведения художественной литературы могут еще подразделяться, с точки зрения теории литературы, на прозу и поэзию. Причем проза также может быть разнородной: роман, новелла, повесть, рассказ. И еще более разнообразны жанры устного народного творчества: сказка, причитание, пословица, загадка, поговорка и т. д. Поэзия также неоднородна в отношении стихосложения и содержания: гекзаметр, белые, силлабические и другие стихи и здесь же эпос, баллада, сонет, реплика, ода, гимн, песнь и т. д. Драма также может своеобразно классифицироваться: комедия, трагедия, героическая драма, лирическая драма и т. д. Соответствующим образом можно классифицировать и литературу других жанров и стилей.

Короче говоря, в этом разделе предлагается помещать на правах двух самостоятельных подразделов то, что Ю. В. Ванников считает частными теориями перевода и специальными теориями перевода.

III. **Практика перевода.** Говоря о любой науке, зачастую указывают на две ее стороны — теоретическую и практическую и их тесную взаимосвязь. В самом деле, к теории перевода особенно близка его практика. К этому разделу следовало бы отнести различного рода учебники как для средних школ, так и для высших учебных заведений, справочники и прочие издания, предназначенные для переводчиков-практиков.

¹ Там же, с. 16.

IV. История перевода. Пересмотр вопроса о месте и значении перевода в современной науке неизбежно привел к усилению интереса теоретиков и практиков перевода также к истории перевода. Все сколько-нибудь значительные труды в области перевода обычно содержат разделы, посвященные истории перевода¹. История перевода исследует развитие и выработку критериев, законов и принципов перевода от конкретных до самых общих, факторы, которые воздействовали на то или иное отношение к переводу, условия формирования требований к переводчикам.

История перевода, в свою очередь, может включать определенные разделы и подразделы, поскольку исторический аспект также является разнородным. Он зависит от основы классификации. Эта основа может быть **т е р р и т о р и а л ь н о й**, когда описывается или анализируется деятельность переводчика какого-либо государства или материка; **с о ц и а л ь н о й**, когда исследуется деятельность переводчиков определенной эпохи и периода общественного развития; **ж а н р о в о й**, когда исследуются переводы устной речи, публицистики, газетной речи, документов, научных работ или литературные переводы прозы (новелл, романов, повестей), поэзии (эпоса, поэм, баллад, стихотворений, сонетов), драмы (комедий, трагедий и т. д.); **я з ы к о в о й**, когда в историческом аспекте анализируются переводы с какого-либо одного языка оригинала на другой язык перевода, например, с английского на литовский и т. п.

V. Критика перевода. Эта область переводоведения охватывает все основные его разделы: теорию, историю, практику, методику преподавания, библиографию и редактирование. Критика перевода занимается анализом работ теоретиков, историков, переводчиков, а также деятелей других отраслей данной науки. Критик перевода может также сказать веское и нужное слово о хранимом, издаваемом или библиографируемом материале, связанном с какой-либо областью перевода. И особенно критика перевода необходима его практике. Ее задача — своевременно подме-

¹ Ср.: G. Mounin. *Teoria e storia della traduzione*. Torino, 1965; R. Klopper. *Die Theorie der literarischen Übersetzung*. München, 1967; E. A. Nida. *Toward a Science of Translating*. Leiden, Netherlands, 1964; G. Mounin. *Die Übersetzung. Geschichte, Theorie, Anwendung*. München, 1967; А. В. Федоров. *Основы общей теории перевода*. М., «Высшая школа», 1968; Г. Р. Гачечиладзе. *Введение в теорию художественного перевода*. Изд. Тбил. ун-та, 1970.

тить врагов перевода: отступление от общих и конкретных принципов перевода и прежде всего от норм литературной речи.

VI. Методика преподавания перевода. Это также обширная область переводоведения, и она подразделяется на группы и подгруппы: методика преподавания перевода в средних, специальных и высших школах; методика преподавания перевода прозы и поэзии, синхронного и последовательного перевода, устного и письменного перевода, а также методика обучения другим видам перевода.

VII. Библиография перевода. Библиография необходима для каждой отрасли науки, в том числе для теории и практики перевода. Как в Советском Союзе, так и за рубежом выпускаются различные библиографические издания¹ или в сборниках статей помещается составленный на различных основах библиографический материал по вопросам теории и практики перевода. Библиографию перевода в соответствии с основными разделами данной науки возможно разбить на несколько разделов и подразделов: общая теория перевода, специальная теория перевода, практика перевода, критика перевода, история перевода, редактирование перевода, а также разделы для синхронного, последовательного и других видов перевода.

VIII. Редактирование перевода. В одном ряду с теорией и практикой перевода идет постоянно развивающаяся, неотделимая от них третья область переводоведения — редактирование перевода. Редактирование может исследоваться как в теоретическом, так и в практическом плане.

IX. Смежные науки, помогающие решать разные переводческие проблемы. Теория перевода тесно связана с рядом других вспомогательных наук. «Она оперирует категориями поэтики, такими, как структура произведения, образность, контекст (включая историко- и национально-культурный контекст), стиль, литературный язык, жанры-проза, драматургия, поэзия (в том числе стиховедческая проблематика — метр и ритм, рифма и эвфония), категориями эстетики, такими, как восприятие и воспроизведение (интерпретация), категориями лингвистики, такими, как фонология, семантика, синтаксис, ономастика,

¹ См.: K.-R. Bausch, J. Klegraf, W. Wilss. The Science of Translation: An Analytical Bibliography (1962—1969), Tubingen, 1970; A. Popovič. Umelecký překlad v ČSSR. Matica Slovenská, Martin, 1974 и др.

лингвостилистика, наконец, категориями психолога и творческого процесса. Много точек... — с семией и кой, которая изучает знаковые системы и их соотношение»¹.

Таким образом, для того чтобы рассмотреть переводоведение в действительно широком, по словам В. Н. Комиссарова, «глобальном» масштабе, соответственно определить направления его исследования, прийти к определенным решениям и выводам, мы, естественно, должны иметь дело не только с оригиналом (языком оригинала и текстом оригинала), а тем самым с переводом (языком перевода и текстом перевода) и самим процессом перевода, всеми актами этого процесса, но и с названными Вл. Россельсом и множеством еще не названных областей науки, скажем, с математической лингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой, а если говорить о машинном переводе, то и с целым рядом математических дисциплин. И это еще не весь круг наук, с которыми сталкивается на практике теоретик перевода. Ведь действительность требует постоянного расширения этого круга. Соответственно МП (машинный перевод) также может иметь свою теорию, историю, практику, методiku, библиографию и другие необходимые разделы перевода. МП может входить в общее переводоведение или составить отдельную систему.

Каждая классификация разделов переводоведения, если подходить к ней с определенных позиций, является полезной. Прежде всего она полезна уже самым фактом своего существования. Однако всякая классификация, даже самая совершенная, имеет свои недостатки: в ней может не выдерживаться принцип распределения, либо окажется неохваченной разносторонняя и сложная переводческая деятельность. Подобные недостатки той или иной классификации всегда были и будут иметь место, но для практиков, например библиотечных работников, библиографов, преподавателей, авторов учебников и специалистов ряда других областей крайне необходима какая-то конкретная, пусть и не свободная от недостатков, но стабильная, определенная классификация разделов переводоведения, так как многообразие подчас мешает не столько самой теории, сколько практике. Поэтому следовало бы принять какую-то основополагающую

¹ Вл. Россельс. Опыт теории художественного перевода. В кн.: И. Левый. Искусство перевода. М., «Прогресс», 1974, с. 5.

систему, которой могли бы руководствоваться в своей повседневной работе представители упомянутых и многих из неупомянутых специальностей.

Д. И. Ермолович
(Москва)

ТИПИЧНОСТЬ СИТУАЦИИ И ПЕРЕВОД НА УРОВНЕ СООБЩЕНИЯ

Теория уровней эквивалентности перевода начала развиваться сравнительно недавно, однако она, на наш взгляд, открыла столь широкие перспективы в теории перевода, что даже весьма, казалось бы, частные вопросы переводоведения получили в свете этой теории большую глубину и потребовали к себе самого пристального внимания.

Хочется сразу предупредить читателя, что, как ни велик соблазн проиллюстрировать положения этой концепции на самых разных уровнях переводческой эквивалентности, в данной статье мы ограничимся некоторыми явлениями, касающимися эквивалентности только на одном уровне — уровне сообщения.

Возможно, предварительно следует в двух словах напомнить о подходе теории уровней к анализу эквивалентности.

Прежде всего, какие бы отрезки текстов на разных языках ни сравнивались, за основу такого сравнения берется их содержательная структура как совокупность всех «элементарных смыслов» понятийного денотата.

Далее, сама содержательная структура отрезка рассматривается как многоплановая, то есть распадается на смысловую информацию нескольких уровней: 1) уровень языковых знаков, 2) уровень высказывания, 3) уровень сообщения, 4) уровень способа описания ситуации, 5) уровень цели коммуникации. Каждый последующий уровень считается занимающим более высокое место в иерархии уровней, чем предшествующий.

Теория уровней эквивалентности требует от полноценного перевода передачи релевантной информации текста на максимальном объективно достижимом числе уровней, начиная с уровня цели коммуникации¹.

¹ Наиболее целостное и подробное изложение теории уровней эквивалентности можно найти в работе: В. Н. Комиссаров. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). М., «Международ. отношения», 1973.

В этом требовании, на наш взгляд, заключается одно из главных достоинств теории уровней, ибо постулат о примате содержательной структуры текста над его формой и высших уровней эквивалентности над низшими лишает теоретической базы буквализм, а необходимость достижения эквивалентности на максимальном числе уровней, не сужая творческой инициативы переводчика, преграждает путь излишне вольной трактовке текста.

Однако в данной статье, как уже было сказано, нас интересует уровень сообщения. В дальнейшем, говоря о том, что эквивалентность установлена на каком-либо содержательном уровне, мы будем иметь в виду, что она сохраняется и на всех вышележащих уровнях смысла¹.

При переводе на уровне сообщения эквивалентность заключается в тождестве ситуации, которую сообщения описывают. В то же время сами сообщения, описывающие одну и ту же ситуацию, «могут отличаться друг от друга характером и количеством признаков, упоминаемых в сообщении, направлением отношений между признаками, характером связей между отдельными частями сообщения, порядком следования этих частей и стилистической характеристикой сообщения»².

Например, два русских сообщения:

а) «То замирающее выражение лица... вдруг осветилось счастливою, благодарною, детскою улыбкой» (Л. Толстой, «Война и мир»)

б) «Она глядела как дитя, радовалась чему-то как дитя, ... как бы сейчас чего-то ожидая с самым детским нетерпеливым и доверчивым любопытством» (Ф. Достоевский, «Братья Карамазовы»)

— описывают почти одинаковые ситуации. С другой стороны, Толстой и Достоевский тем и отличаются друг от друга, что даже одинаковые ситуации они описывают разными сообщениями. Так что тождество ситуаций есть, хотя и необходимое, но не достаточное условие эквивалентности сообщений.

В каком же случае можно считать верным перевод сообщения, не сохраняющий тех же, что и в оригинале, признаков ситуации и отношений между ними?

Этому вопросу и посвящена настоящая статья.

¹ В данной статье термины «информация», «смысл», «содержание» употребляются как синонимы.

² В. Н. Комиссаров. Указ. соч., с. 137.

Очевидно, если имеется возможность подобрать в переводе сообщение, в котором признаки ситуации сохраняются, а ее восприятие читателем не нарушается, то такой перевод следует признать эквивалентным.

Однако точно так же, как не всегда приживается растение, пересаженное из одного места в другое, язык перевода может иногда оказаться чужеродной почвой для сообщений, описывающих ситуации из жизни другого народа. В таком случае за «пересаженным» сообщением необходим особый уход (дополняющие, поясняющие детали), с тем чтобы оно стало доступно читателю¹.

Впрочем, нас интересуют не столько методы, сколько причины подобной переработки сообщений в переводе. Причины эти, на наш взгляд, кроются в самой описываемой ситуации.

Огромную роль при этом играет типичность или нетипичность ситуации для языка, то есть то, имеются ли в языке характерные сообщения для ее описания или нет. Характерные сообщения — это такие сообщения, которыми носители языка отдают предпочтение перед всеми другими возможными сообщениями при указании на ту или иную ситуацию.

1. Передача ситуаций, типичных как для ИЯ, так и для ПЯ²

В каждом языке, очевидно, можно обнаружить целый набор сообщений, почти однозначно определяемых ситуацией. Если быт и условия жизни народов близки, то в их языках наверняка находятся сообщения, описывающие идентичные ситуации.

Сравните, например, такие сообщения на английском и русском языках³:

¹ Если продолжить аналогию, то в ряде случаев требуются поиски нового сорта того же «растения», более приспособленного к иному «климату», то есть замена самой ситуации. Однако это относится уже к переводу на более высоких уровнях.

² ИЯ — исходный язык, то есть язык оригинального текста, ПЯ — язык перевода.

³ Примеры взяты из произведений Джека Лондона, О. Генри, Альфреда Сатро и Стенли Хотона. Для тех цитат, которые сохраняют сюжетные связи или содержат имена собственные, в скобках

You are not serious? Вы шутите, конечно?
What brings you here? Какими судьбами (вы здесь)?

На наш взгляд, если два сообщения различных языков однозначно (разумеется в конкретном контексте) определяются одной и той же ситуацией, есть все основания считать их эквивалентными, даже если они описывают ее как бы с разных точек зрения.

Действительно, трудно не признать эквивалентными, например, следующие пары сообщений — в описываемой ситуации нельзя и сказать ничего иного:

Now, Amelia, you mustn't give way. (S.Houghton) Ну-ну, Амелия, не расстраивайся.

I never heard of that. Первый раз слышу!

Do I look all right? У меня приличный вид?

Могут возразить: бывают же случаи, когда теоретически возможно передать ситуацию с сохранением структуры иноязычного сообщения. Не слишком ли мы «отходим от текста», переводя, скажем, *My choice is to be final?* (A. Sutro) как: «За мной будет последнее слово?», если можно передать это «ближе» к исходному сообщению: «Мой выбор будет окончательным?»

Первый вариант перевода предпочтительнее потому, что он, являясь сообщением, более характерным для данной ситуации, чем второй, гораздо быстрее и надежнее доводит до читателя заложенную в ней мысль. А теория уровней исходит как раз из главенствующей роли содержания, а не формы¹.

приводится фамилия автора. В ряде случаев использованы опубликованные переводы этих авторов на русский язык, и в скобках указана фамилия переводчика. Переводы примеров из А. Сатро и С. Хтона выполнены автором статьи.

¹ Этого можно было бы и не подчеркивать особо, если бы не участвовавшие в последнее время попытки теоретического обоснования буквалистских концепций — как прямые, так и косвенные. См., например, статьи: М. Г а с п а р о в. Брюсов и буквализм (По неизданным материалам к переводу «Энеиды»). В кн.: «Мастерство перевода», № 8, М., «Сов. писатель», 1971; В. А. Д м и т р е н к о. Максимальность в переводе. «Тетради переводчика», № 11, М., «Международар. отношения», 1974. В. А. Дмитренко провозглашает критерием адекватного перевода... процентное отношение совпадающих по структуре единиц оригинала и перевода к общему числу таких единиц! В. А. Дмитренко приводит и образчик «максимального» перевода, в котором плоды его концепции не заставляют себя долго ждать: В доме Марковальдо... кончились последние хворостины», «Марко-

Сравните два варианта перевода следующего предложения:

I wouldn't mind betting that I'm not the first in this house to be carried to the cemetery. (S. Houghton)

1) Готов побиться об заклад, что меня не первого в этом семействе понесут на кладбище.

2) Да я еще кое-кого из вас переживу, уж будьте уверены!

В первом варианте все образы оригинала сохранены, во втором — нет, хотя оба сообщения отражают одну и ту же ситуацию. И все же второй вариант более вероятен в речи современного носителя русского языка при описании данной ситуации, следовательно, теснее с нею связан, и, как это ни парадоксально, точнее ее передает. Что же касается первого варианта, то такая манера выразиться настолько безнадежно устарела, что уже малопонятна. (Об английской фразе этого сказать никак нельзя: перифраз *to be carried to the cemetery* вместо *to die* прозрачен и тривиален.)

Наиболее красноречиво говорят о нежелательности безоговорочного сохранения признаков ситуации в переводе те примеры, где «следование оригиналу» искажает смысл или вызывает нежелательные ассоциации. Вот один из таких случаев:

Their bodies were covered with fur. (J. London)

Так как речь идет о людях, то перевод «Их тела были покрыты мехом» по меньшей мере ввел бы читателя в заблуждение. Поэтому другого пути, кроме поисков сообщения, типичного в данном случае для русского языка, просто нет:

Их одежда была сшита из меха. (Пер. Н. Волжиной)

Надо заметить, что иногда такое сообщение основывается на совершенно иных образах, чем сообщение оригинала, например:

вальдо выдыхал... рывками, похожими на проблески гениальности», «Он сунул четыре-пять газет между пиджаком и рубашкой» (с. 27), «берется за свою работу», «карканье пилы по дереву» (с. 31).

John Law *was abroad* in the town seeking eagerly for the hungry and homeless, for by such was his barred domicile tenanted. (J. London). В городе *хозяйничал* господин Закон, он охотился за сырыми и голодными, ибо это — обычные поселенцы упомянутого уютного места за решеткой. (Пер. Р. Гальпериной)

I'd make them *sit up*. (J. London) Тут они у меня *попляшут!* (пер. С. Займовского)

Только пристальный анализ ситуации — и никакой иной критерий, а тем более связанный с формальной близостью текстов, — позволяет в этих случаях сделать вывод об эквивалентности перевода исходному сообщению.

Большой интерес представляют собой такие соответствия, которые отличаются какой-то предметно-образной деталью.

At other houses the doors were slammed *in my face*. (J. London) Были и такие дома, где двери захлопывались *у меня перед носом*. (Пер. Р. Гальпериной)

Подобные примеры могли бы дать богатый материал для сопоставления языковых средств в различных языках. Не любопытно ли, что в одном и том же случае англичанин и русский передают ситуацию с помощью совершенно разных деталей. Сравните:

They even held one sturdy little boy aloft so that he could see, *over the shoulders of his elders*, the tramp who wasn't going to get anything to eat in this house. (J. London) Кто-то поднял на руки упитанного бутуза, чтобы и он *через головы взрослых* мог полюбоваться на человека, которого в этом доме не намерены были покормить. (Пер. Р. Гальпериной)

ЗаклЮчить этот раздел хотелось бы одним примером, выразительность которого убедительнее всяких теоретических построений показывает, что только путем использования собственных ресурсов языка перевода, а не копированием элементов исходного сообщения, можно достичь равноценного воздействия на читателя:

After a couple of minutes he looked up with an *I-thought-you-were-gone expression* on his face, and demanded: — "Well?" (J. London) Прошла минута, другая — и он воззрился на меня: *какого, дескать, черта тебе еще надо?* «Ну!» — властно гаркнул он. (Пер. Р. Гальпериной)

2. Передача ситуаций, типичных только для ИЯ

Как уже было сказано, типичность ситуации означает наличие в языке одного либо нескольких сообщений, предпочитаемых всем другим теоретически возможным (то есть не противоречащим грамматической и смысловой сочетаемости) способам описания этой ситуации. Поэтому *н е т и п и ч н о с т ь* ситуации означает не то, что она вообще чужда образу мышления носителей данного языка (хотя и это не исключено), а то, что все теоретически возможные нормативные сообщения для ее описания могут быть использованы с одинаковым успехом¹.

Те случаи, когда ситуация типична только для ИЯ, вызывают, на наш взгляд, наибольшие трудности у переводчика. По сути дела, это означает, что в языке перевода не находится характерного сообщения для ее описания. Взять хотя бы такой пример:

He was ... indeed as splendid a fellow as one could meet within a day's ride... (J. London)

Выделенное выражение означает простую мысль: «такие люди встречаются редко». Но подобрать для нее характерное сообщение не так-то легко. Казалось бы, аналогичное выражение *хоть полсвета обойдешь* намного сильнее оригинала; выражение *такие люди на дороге не валяются* имеет в данном случае «лишнюю» коннотацию («не стоит ими пренебрегать»).

Очевидно, единственный выход — описать ситуацию «нехарактерным» сообщением:

Это был... в общем превосходный парень, какие встречаются не так уж часто... (Пер. С. Займовского)

Здесь можно усмотреть некоторую потерю, однако в любом случае она объясняется абсолютно объективными причинами, а вовсе не небрежностью или невниманием переводчика.

Как мы увидим далее, иноязычный текст нередко дает возможность компенсации таких потерь, так что оплакивать их не стоит. Если же искусственно создать сообщение по

¹ Иначе говоря, типичные ситуации описываются сообщениями, принадлежащими сфере языка, а нетипичные — такими сообщениями, которые являются произведениями *п е ч и*.

образцу подлинника (типа «...каких не встретишь и за день верховой езды»), оно искажило бы функциональные характеристики текста, создав иллюзию индивидуального (авторского) стилистического приема.

Сохранение образности каждого, даже малейшего отрезка оригинала нельзя рассматривать как необходимое условие эквивалентности. Подчас это просто невозможно.

How you can be gallivanting about in the street with your grandfather lying *dead and cold* upstairs, I don't know. (S. Houghton)

С этими словами мать обращается к не в меру резвой дочери. Желая подчеркнуть кощунственность ее поведения (в доме покойник), она использует два синонимичных определения (*dead and cold*), когда могла бы сказать просто *dead*. Но сохранить такой прием в русском языке не представляется возможным по одной простой причине: так у нас не говорят.

Ну как ты можешь носиться по улице, когда твой дедушка лежит наверху *мертвый!*

Говорить о нарушении эквивалентности здесь все же не стоит. «Утраченную» функциональную особенность английского сообщения можно восполнить другими средствами — в данном случае, например, простой постановкой восклицательного знака.

Следующий пример, который мы хотели бы разобрать, показывает, однако, что необразный («описательный») перевод далеко не всегда является выходом из положения.

Рассказ О. Генри «Башмаки» начинается такой фразой:

John de Graffenreid Atwood ate of the lotus, root, stem, and flower. (O. Henry)

Выражение *eat of the lotus* значит «пребывать в состоянии отрешенности, удалиться от дел, забыть о прошлом». Примерно так и можно было бы передать эту ситуацию, не типичную для русского языка, если бы не дальнейшая авторская игра на фразеологизме, которая проходит через всю новеллу. Посмотрим, как выглядит процитированная фраза на русском языке:

Джон де Граффенрид Этвуд *объедался лотосом сверх всякой меры: ел корни, стебли и цветы.* (Пер. К. Чуковского)

К сожалению, ситуация не передана. Впрочем, здесь играет роль не только уровень сообщения, но как более низкие, так и более высокие уровни смысловой структуры: это и затрудняет задачу переводчика. Мы не исключаем возможности эквивалентного перевода на уровне способа описания ситуации (то есть путем привлечения другой, более удобной ситуации для выражения той же общей мысли) или даже на уровне цели коммуникации (когда общая мысль отрезка текста заменяется на другую, но функционально равноценную). Но, по нашему мнению, эквивалентность может быть достигнута и на уровне сообщения, если приведенный выше перевод дополнить подстрочным примечанием, разъясняющим, что лотос в античной мифологии считался цветком, дарующим забвение и праздность.

К сожалению, никаких универсальных рекомендаций для воссоздания нетипичных ситуаций дать нельзя. Единственное условие — учет функций всех уровней смысловой структуры текста.

3. Передача ситуаций, типичных только для ПЯ

Может оказаться так, что описываемая в ИЯ ситуация, не являясь для него в полном смысле слова типичной, типична для ПЯ и описывается в нем характерными сообщениями. Грубо говоря, перевод может быть более идиоматичен, чем оригинал.

Обычно при этом теоретически возможен перевод на уровне высказывания, но, во-первых, как уже отмечалось в п. 1, предпочтение менее характерного сообщения более характерному приводит к тому, что ситуация хуже доносится до читателя и обедняется фактура текста, а во-вторых, неразумно было бы не использовать сравнительно редкий шанс компенсировать потери, часто неизбежные при обратном соотношении ситуации и сообщения (см. п. 2).

Насколько регулярно проводят в жизнь это правило опытные переводчики, можно судить из следующего примера.

If I gave you something to eat now, *I'd never see you again*. Oh, I know your kind. Look at me. I owe no man. I have never descended so low as to ask anyone for food. (J. London) Я вашего брата знаю. Вас накорми, а потом ищи ветра в поле. Посмотри на меня. Я никому ни гроша не должен; я в жизни ни у кого крошки хлеба

не попросил и счел бы это за унижение. (Пер. Р. Гальпериной)

В п. 2 был приведен пример ослабления признака ситуации: *dead and cold* — *мертвый*. Показателен пример обратного соотношения: когда признак ситуации усиливается в переводе. В приводимом ниже отрывке нас интересует лишь одно слово, но весь он важен для уточнения ситуации.

My wealth dates back ten years; till then I had known *hunger*, and every kind of sorrow and despair. I had stretched longing arms to the world, but not a heart opened to me. (A. Sutro)

Итак, герой живописует те годы, которые он провел в бедности. Это, так сказать, вопль души, общее впечатление от тех лет. Ситуация, следовательно, такова: «Я был беден, и это было ужасно».

Рассмотрим следующую фразу из этого отрывка:

I had known *hunger*.

Ситуация прямо-таки диктует вариант:

Я знал *и голод, и холод*.

Ведь именно эти, и только эти слова донесут до русского читателя смысл горьких признаний героя.

Бывает так, что не типичная для иностранного языка ситуация удивительно точно описывается каким-нибудь ходовым фразеологическим выражением в языке перевода.

Вот два выразительных примера:

She'll come fast enough after her share of what grandfather's left. You know how hard she can be when she likes. Where she gets it from I can't tell. (S. Houghton) *Как миленькая прибежит* за своей долей дедушкиного наследства! Ты же знаешь, какая она бывает нахальная, когда захочет. И откуда только это у нее!

I'm not going to have them wasted. (S. Houghton) *Не пропадать же добру!*

Русские переводы напрашиваются сами собой, и почти начинаешь сомневаться: уж не переводил ли автор с русского? Впрочем, сомнения быстро рассеиваются, когда, продолжая перевод, начинаешь «распутывать» дальнейшие ситуации.

Проблема ситуации в переводе далеко не исчерпывается вопросами типичности ситуации и характерности сообщения. В этой работе мы почти не затрагивали особенностей индивидуальных авторских сообщений, где смысловая структура текста многократно усложняется.

Хотелось бы предостеречь читателя от вывода, что в данной работе главным критерием эквивалентности перевода провозглашается тождество ситуации и игнорируется структура высказывания. Только если перевод на уровне языковых знаков и высказывания объективно невозможен (то есть при сохранении релевантного содержания этих уровней нарушается смысл более высоких уровней), оправдано установление эквивалентности на таком высоком уровне, как уровень сообщения, когда ситуация объявляется минимальным компонентом смысловой структуры, подлежащим передаче.

В свою очередь, когда верное воссоздание ситуации не обеспечивает адекватного понимания всего текста, только перевод на более высоком уровне может быть признан эквивалентным.

Мы хотели только показать, насколько важную роль играет в переводе определяемая объективными факторами типичность ситуации и что иногда именно она вызывает необходимость в переводе на уровне сообщения.

II. ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман
(Москва)

АКТУАЛИЗАЦИЯ И ПЕРЕВОД

В современной художественной прозе и газетно-публицистическом стиле английского языка все явственнее обозначается стремление к актуализации нейтральных языковых средств в экспрессивных целях. Под актуализацией понимается такое использование языковых средств — употребительных слов, сочетаний слов, морфологических элементов и синтаксических конструкций, которое имеет целью привлечь внимание читателя. Это достигается неожиданным использованием обычных языковых средств, контрастом между автоматизированной нормой и актуализированным нарушением схемы. Благодаря актуализации раскрываются потенциальные экспрессивные возможности языка, которые «выдвигаются» вперед и тем самым приобретают стилистическую значимость. Таким образом, «выдвижение» и деавтоматизация нейтральных языковых элементов создают контраст между ними и неактуализированными элементами, то есть создают напряжение, нужный стилистический эффект. Матезиус определяет актуализацию как функциональную нагрузку «языковых средств и раскрытие стилистических возможностей языка»¹.

Современные лингвисты все больше и больше занимаются вопросами актуализации — экспрессивными возможностями морфологии и синтаксиса, вопросом необычной сочетаемости, употреблением слова в несвойственной для него стилистической среде, стилистическим эффектом разложения фразеологизма и т. п. Советские лингвисты писали об актуализации еще полвека тому назад, указывая на то, что язык часто выступает «не нейтральной средой или системой обоз-

¹ В. М а т е з и у с. Язык и стиль. В сб.: «Пражский лингвистический кружок», М., «Прогресс», 1967, с. 404.

начений, а художественно значимым элементом воздействия»¹. Вопросами актуализации широко интересовались лингвисты пражского лингвистического кружка, например, Матезиус, Мукаржовский, Гавранек, Скаличка и др.

Хотя актуализация ярче всего выступает в языке художественной прозы, не говоря уже о поэзии, она находит себе применение и в газетно-публицистическом стиле, во всех его подвидах. Однако в разных стилях языка к ней прибегают по разным причинам и в разных целях. В стиле художественной речи она выполняет функцию стилистического приема. В стиле газетно-публицистическом к ней прибегают не столько в целях экспрессивности, сколько для привлечения внимания. Следует также отметить, что актуализация языковых элементов всегда является окказиональной. Это вполне закономерно, так как стилистический эффект актуализации создается неожиданностью употребления данного языкового средства и носит индивидуальный характер.

Как уже говорилось, актуализируются именно стилистически нейтральные средства языка, например, артикль. В нижеследующем примере, взятом из той главы «Записок Пиквикского клуба», в которой описывается дуэль между мистером Уинклем и доктором Сламмером, ясно выступает актуализация определенного артикля благодаря его пятикратному повтору.

“What’s all this?” said Doctor Slammer, as his friend and Mr Snodgrass came running up. — “That’s not the man.”

“Not the man!” said Doctor Slammer’s second.

«Not the man!» said Mr Snodgrass.

«Not the man!» said the gentleman with the campstool in his hand.

«Certainly not,» replied the little doctor. «That’s not the person who insulted me last night.»

Степени сравнения тоже могут актуализироваться и в таком случае приобретают «функциональную нагрузку», как говорит Матезиус в этой же статье. Ярким примером могут служить всем известные слова Алисы из книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» (Lewis Carroll “Alice in Wonderland”).

¹ В. М. Ж и р м у н с к и й. Вопросы литературы. Л., «Academia», 1928, с. 173.

"Curiouser and curiouser," said Alice.

Переводчица П. Соловьева в своем переводе прибегла к тому же приему.

«Странче и странче», — сказала Алиса.

В нижеследующем примере актуализируется превосходная степень прилагательного *only*, поскольку она явно идет вразрез с его семантикой, так как значение прилагательного *the only* не допускает никакой градации.

"Hell, Throc, you know damn' well it's the *onliest* way," Morse encouraged. (J. Hoffenberg)

Компенсация в переводе может идти по линии усилителей. Например: «...это самый, что ни на есть, единственный путь...»

Столь же интересна актуализация относительного прилагательного *winning*, не допускающего, как и все относительные прилагательные, степеней сравнения (например, *the winning horse*, *the winning side*). Употребление превосходной степени этого прилагательного чрезвычайно экспрессивно благодаря нарушению нормы.

Eisenhower was summoned to office when American politics had become excessively cantankerous and his above-politics politics proved to be the *winningest* of all. ("Newsweek", 1974)

Эйзенхауэр был призван на пост президента в то время, когда в политической жизни США шла ужасная грызня, и его политика «быть выше политики» оказалась самой выигрышной.

В этом случае компенсация идет по линии выбора слов в предложении, поскольку слово *выигрыш* не содержит дополнительной экспрессивности, и по линии усиления.

Ниже следует еще один пример актуализации превосходной степени.

She is the *wellest* wife in the world until she is sick, which isn't often, and then she is the sickest wife in the world. (J. Steinbeck)

Разложение фразеологизма тоже является одним из видов актуализации. Вставной элемент сразу привлекает к себе внимание.

Right from the start of her second concert, she displayed a keen-edged technique in Bach's "A Minor Suite". And with the Schumann "Sonata No. 2 in G. Minor" and a Chopin group, she came into her romantic own—unleashing a tempest of vivid coloration. ("Newsweek", 1967)... а играя Шопена, она окунулась в свою стихию — романтизм.

Как известно, повтор является весьма употребительным стилистическим приемом, основная его функция — эфатическая. Благодаря повтору выделяется то слово, которому автор придает особое значение. При актуализации путем повтора выделяется не отдельно значимое слово или слова, а создаются бросающиеся в глаза цепочки, которые состоят из однородных членов, форм, постпозитивов и т. п. Таким примером актуализации может служить повтор в нижеследующем отрывке.

Normally they (the spectacles) were in the hip pocket of her breeches, and they *had been lain upon, leant upon and sat upon* so often that she lived in a permanent state of bankruptcy. (J. Tey)

В данном примере актуализируется повтор постпозитива и пассивной формы и однородные члены приобретают особую экспрессивность.

Не менее экспрессивными являются окказиональные образования с префиксами и суффиксами. Очевидно чаще других актуализируется отрицательный префикс *un-*. Ниже приводятся несколько случаев его необычного употребления.

They came out together into the *unfresh* and humid air. (Gr. Greene)

Необычным прилагательным *unfresh* автор подчеркивает тяжелый, душливый, влажный воздух Африки.

В следующем примере из другого романа Грэма Грина в образованном им прилагательном *unhelpful* сталкиваются противоположные значения префикса и суффикса, которые находятся в оппозиции друг к другу. В результате такого неожиданного сочетания прилагательное приобретает интенсивное эмоциональное значение.

"But Aunt Augusta... you must tell me exactly what happened"! "I'm trying to, but you continually interrupt

with *unhelpful* exclamations." Я пытаюсь, но ты все время перебиваешь меня своими бестолковыми (ненужными) восклицаниями.

И в третьем примере из романа Л. Бромфилда столь же необычно прилагательное *unpretty*. Оно тоже приобретает большую эмоциональную нагрузку и гораздо выразительнее обычных сочетаний:

a pretty story = not a very pretty story.

An *unpretty* story for a professional lady-killer like you.
(L. Bromfield) *Более чем некрасивая* история для такого профессионального сердцееда, как вы.

Префикс *un-* может естественно актуализироваться не только в прилагательных, но и в наречиях. И в этом случае его употребление является очень неожиданным благодаря столкновению отрицательного префикса с семантикой наречия *placidly*.

Franny *unplacidly* crossed her legs. (J. D. Salinger)
Фрэнни с явным раздражением закинула ногу на ногу.

В этом случае в переводе пришлось прибегнуть к конверсиву.

Однако особый интерес представляет актуализация суффиксов. Следует сразу сказать, что актуализируются стилистически немаркированные, то есть нейтральные суффиксы. Стилистическая маркированность суффикса не допускает его актуализации, так как этому мешает заложенное в нем эмоциональное значение. Эффект актуализации суффиксов заключается в неожиданном для читателя присоединении знакомого и прочно утвердившегося в его сознании суффикса к слову, с которым в обычном представлении этот суффикс не связывается. Эта неожиданность и непредсказуемость создают стилистический эффект: чем неожиданнее образование, тем сильнее стилистическое воздействие.

Словообразовательные суффиксы в каждом языке носят национальный характер. Это по существу проявляется не только в различном «наборе» суффиксов в каждом языке, но и в разной степени продуктивности соответствующих суффиксов.

Из всего богатства словообразовательных суффиксов английского языка выбраны два исключительно продуктивных и поэтому трудных для передачи в переводе суффикса: суффикс существительного *-er* и суффикс прилагательного

-able. Суффикс **-er** образует существительное — агент действия фактически от любого глагола. В современном языке уже широко употребляется существительное *muster*, образованное от модального глагола *must* (*he is a muster он требовательный человек, он любит командовать*). Именно такая универсальность этого суффикса сделала его значение предельно абстрактным, как бы полностью его грамматикализовала, сделала его признаком существительного-деятели. С другой стороны, безграничная широта его применения открывает возможность его использования в экспрессивных целях.

В отличие от суффикса **-er**, суффикс **-able** не абстрактен и семантически полноценен. Во всех образованных с его помощью прилагательных присутствует модальное значение. Этот суффикс тоже нередко употребляется в стилистических целях для окказионального образования новых слов, обладающих большей или меньшей долей экспрессивности.

Отсутствие в русском языке соответствующих суффиксов заставляет переводчика прибегать к трансформациям, обычно к декомпрессии. Например:

According to a report circulating among U. N. agencies what Western Europe is drawing from its former colonies is only about equal to what Europe is losing to the United States, which is the *net gainer* from the brain drain. (The "New York Times", 1966) Согласно докладу, разосланному всем агентствам ООН, количество специалистов, которых Западная Европа получает из своих бывших колоний, приблизительно равняется тому количеству специалистов, которые уезжают из Европы в США. Таким образом, США — единственная страна, которая *полностью выигрывает* от этой утечки мозгов.

Сочетание *net gainer*, образованное от термина *net gain*, переводится путем замены частей речи.

Существительные, образованные при помощи суффикса **-er**, иногда являются сложными словами, а иногда столь тесно семантически связаны со своим определением, образованным соположением, что приближаются к сложному слову.

The Mahlerian cult has now established itself firmly upon the concert life of Great Britain. Gigantic orchestras and choirs are financially justified as Mahler's symphonies are now guaranteed *hall fillers*. ("Morning Star",

1969) Культ Малера теперь прочно утвердился в концертных программах Великобритании. Гигантский состав оркестра и хора оправдывает себя с финансовой точки зрения, поскольку симфонии Малера неизменно собирают полный зал.

Отдельную группу таких новообразований составляют существительные с отрицательным префиксом *non-*, например, *non-gipper*, *non-tipper*, *non-signer* и т. п. Перевод таких существительных тоже требует замен, трансформаций и нередко декомпрессии.

A proposal made by a Tory ought to make it a *non-runner* for Labour. ("Daily World," 1965). Предложение, выдвинутое консерватором, обычно *неприемлемо* для лейбористов.

Various schemes have been put forward to outlaw taxi gratuities. The taxi drivers themselves respond to the *non-tipper* with a selection of crisp, four-letter Anglo-Saxon words. ("The London News", 1968) Выдвигались разные планы запретить таксистам брать чаевые. Но сами таксисты награждают *пассажира, не дающего на чай*, отборной, хлесткой руганью.

Также трудны для перевода существительные с постпозитивом, образованные с помощью суффикса *-er*.

He certainly wasn't a *runner-away* by nature. (J. Tey) По своей природе он был не из *тех, кто избегает трудностей*. (Он был не *трус*.)

Также требует описательного перевода неологизм *sun-downer(s)* — «люди, занимающиеся частной практикой в послеслужебное время».

Суффикс *-er* нередко актуализируется в современном литературном языке. Такие образования носят окказиональный характер, поражают эффектом своей неожиданности, но естественно далеко не все они остаются в языке, как, например, остались неологизмы *non-tipper*, *hard-liner*, *non-signer* и др.

Стилистический эффект очень ярко выступает в существительном *smiler* в следующем примере.

Did it matter that an opponent had once dubbed him the *smiler* with the knife? (M. Sinclair) Разве имело какое-нибудь значение, что один из его политических противников назвал его *убийцей с улыбкой на устах*?

В нижеследующем примере наблюдается своеобразная конвергенция: выразительность окказионально образованного суффиксом *-er* существительного подчеркивается употреблением определенного артикля.

The many dislikers of Lady Montdore said that she kept Polly too much in the background... (N. Mitford)
Все те, кто не любил леди Монтдор, а их было много, утверждали, что она вечно держала Полли в тени.

Эмфаза, заключенная в актуализированном сочетании *the many dislikers*, компенсируется вводным предложением, а перевод естественно сделан при помощи декомпрессии.

Интересно отметить такие случаи, когда окказионально образованное существительное является омонимом уже существующего в языке нейтрального существительного с другим значением. Существительное *crier* давно существует в языке как производное от глагола *to cry* в значении кричать. Словарь БАРС дает следующие его значения: 1. крикун; 2. редк. глашатай; 3. чиновник суда. В романе Стейнбека существительное *crier* образовано им от глагола *to cry* в значении плакать и воспринимается как экспрессивное и очень разговорное.

“Have you ever seen mother cry, Tom?” “No, not that I can remember. No, she is not a crier.” «Том! Ты когда-нибудь видел, чтобы мать плакала?» «Нет, не могу припомнить. Нет, она не из тех, кто плачет».

По контексту здесь едва ли приемлемо слово *плакса*. Компенсация производится при помощи разговорной структуры. И здесь имеет место декомпрессия в переводе.

Аналогичный пример встречается и в другом романе Стейнбека.

She is a waiter — I can see that now. And I guess she had at lengthy last grown weary of waiting.

В некоторых случаях процесс образования окказиональных существительных с суффиксом *-er* является сложным. Существительное образуется от глагола с прямым дополнением, расположенных в обратном порядке: *package-leaver*, *bottle-orderer*, то есть построенных по той же модели, что и *hall-filler* в ранее приведенном примере.

The immediate bottle-orderer was often starting on a drink, and might not intend to pay, or couldn't. (A. Hayley)

Существительное *bottle-orderer* является, несомненно, экспрессивным, автор включает его во внутреннюю речь персонажа — одного из администраторов отеля.

Приезжий, который, взяв номер, тотчас же *заказывает себе бутылку виски*, — это один из тех, кто собирается «запить», и, возможно, не намерен, или не может заплатить за все выпитое.

В переводе, к сожалению, актуализация не компенсирована.

Такого же типа и следующий пример:

I had sized up the Taylor woman as a *package-leaver* as soon as she joined us. (D. Du Maurier)

И в этом случае наблюдается конвергенция; помимо окказионального неологизма *package-leaver* употребляется разговорное пренебрежительное сочетание *the Taylor woman*.

Я сразу понял, что с *этой особой Тейлор не оберешься хлопот* — она вечно будет все терять и забывать.

В переводе сохранена та же степень разговорности.

Как известно, одной из характерных черт современного английского языка является употребление глаголов с постпозитивами, от которых тоже, как указывалось, образуется существительное — агент действия. Существительное *looker-upper* образовано от такого глагола. Оно очень интересно своей структурой: оба его элемента — и глагол, и постпозитив — «обросли» суффиксом *-er*.

“Marta said that you wanted something looked up.”
“And are you a *looker-upper*?” “I am doing research, here in London. Historical research, I mean”... (J. Tey) «Марта говорила, что вам нужно отыскать какую-то справку.» «А вы что же, такой *отыскиватель*?» «Я занимаюсь здесь в Лондоне исследовательской работой. Историческими исследованиями, я имею в виду».

В этом случае при переводе сделана попытка воспользоваться таким же шутливым новообразованием.

По такой же модели построено и существительное *dreamer-upper* в примере из романа А. Мэрдок. Для характеристики любви писательница образует три существительных — агента действия.

What a *trouble-maker* it (love) is. What a *dreamer-upper* of the impossible, what an *embracer* of the feet

of the unattainable. Сколько бед может любовь натворить! Заставляет мечтать о невозможном. Припадать к стопам недостижимого.

Для перевода этого несколько вычурного высказывания пришлось прибегнуть к всевозможным трансформациям.

Глаголы во фразеологизмах тоже могут «порождать» такие существительные; при этом происходит своеобразный распад фразеологизма благодаря номинализации глагола, его переходу в разряд существительных.

She is a great, great *faller* in love, you know. (N. Mitford)

Несомненно, а *great faller in love* во много раз выразительнее и ярче, чем синонимичный вариант *She always falls in love*.

Как явствует из приводимых примеров, основы, к которым присоединяется суффикс деятеля, необычайно разнообразны. Следует отметить, что он может образовывать существительное не только от глаголов, но и от других частей речи, например, от существительного или числительных:

Guests — even *party-ers* and *stay-out-lates* — were back in their rooms and most likely to be sleeping. (A. Hailey) Приезжие — даже *гуляки* и *полуночники* — уже вернулись и, вероятно, спали в своих номерах.

Русские существительные носят очень разговорный характер, и в какой-то мере этой разговорностью компенсируется структурное своеобразие оригинала. Следует отметить, что в оригинале слово *party-ers* написано через дефис, что выделяет его и подчеркивает его необычность.

Числительные тоже попадают в орбиту этого суффикса. По образцу существительного — исторического термина *the forty-miners* — образовано существительное *nine-to-fivers*. Употребление его с прилагательным *consistent* придает ему большую выразительность.

He also resented — as one of the hotel's most consistent *nine-to-fivers* — the idea of working all night. (A. Hailey) Поскольку он был одним из постоянных служащих отеля, *работавших с девяти до пяти*, его раздражала мысль, что придется работать всю ночь напролет.

В этом случае актуализация, созданная таким новообразованием, не передана в переводе.

Интересный структурный характер имеет сложное существительное *up-since-dawners*.

“...a crowded corridor of *up-since-dawners*”. (J. Tey)
Коридор был полон *студентов, поднявшихся ни свет, ни заря*.

Компенсация и в этом случае производится при помощи разговорного фразеологизма *подняться ни свет, ни заря*.

Особая, подчеркнутая экспрессивность, как уже указывалось, достигается конвергенцией, то есть сочетанием целого ряда стилистических приемов или типов актуализации. Яркой иллюстрацией этого явления служит следующий пример.

...the devoted service of the *moaners, groaners, shrug-it-offerers, take-it-with-a-smilers*. (P. Johnson).

В этом примере суффикс *-er* образует четыре существительных: два простых и два сложных. (Морфологическая оформленность дает основание считать последние сложными словами.) Эти четыре существительных распадаются на две пары не только по своей структуре. Два первых являются синонимической парой. Два других являются, если можно так назвать их, «фразовыми» существительными. Они как бы образованы от фразовых эпитетов: *shrug-it-offer*; *take-it-with-a-smile* (attitude). Однако автор идет еще дальше по пути своеобразного употребления фразового существительного, превращая последний элемент в агента действия: *offer* — *offerer*; *smile* — *smiler*. В тексте речь идет о доброжелательных советах директору школы в связи с возникшими там неприятностями.

Давались доброжелательные советы; *кто вздыхал, кто сокрушался, кто предлагал от всего отмахнуться, а кто — не принимать близко к сердцу*.

Компенсация идет по линии повтора, параллелизма и разговорных фразеологизмов. К сожалению, в переводе нет никакого нарушения принятых форм.

Из приведенных примеров видно, как разнообразны модели, по которым создаются окказиональные образования с суффиксом *-er*, а также, что их необычность и неожиданность далеко не всегда могут быть переданы в переводе. Актуализация суффикса *-er* идет сугубо национальным путем и часто, увы, не может быть полноценно передана в переводе.

Суффикс **-able** тоже принадлежит к числу очень продуктивных суффиксов. При его помощи фактически можно образовать прилагательные почти от всех переходных глаголов. Но, как будет далее показано, с его помощью можно образовывать прилагательные и от существительных. (Естественно, что при его рассмотрении авторы не будут касаться заимствованных французских прилагательных, образованных при помощи этого суффикса, как, например, *admirable, remarkable, irrepairable* и т. п.) В качестве примеров таких производных прилагательных можно привести следующие: *a quotable book, an actable play, a climbable hill* и т. п. Перевод таких прилагательных отнюдь не прост. В русском языке нет суффикса прилагательного, при помощи которого с такой же легкостью и свободой можно было бы создавать новые прилагательные. Только в отдельных редких случаях прилагательные с таким суффиксом имеют постоянные эквиваленты в русском языке, как например, прилагательное *washable*, которому соответствует русское прилагательное *моющийся*. Гораздо чаще для их передачи приходится прибегать к описательному переводу, то есть к декомпрессии.

The war had become simply the war and battles were no more than a part of a slow progression to an *untimable* end. (J. Aldridge) Война стала просто войной, и сражения стали лишь частью медленного продвижения к концу, *наступление которого никто не мог предсказать*.

В этом случае прилагательное пришлось перевести целым придаточным предложением с модальным глаголом.

He was waiting for the last batch of the purified uranium with *unfillable* time on his hands. (C. P. Snow) Он ждал последней партии очищенного урана, и *поэтому у него было много свободного времени, которое он не знал чем заполнить*.

Перевод *unfillable time* только сочетанием *много свободного времени* был бы неполным, поэтому пришлось его дополнить придаточным предложением, которое передает всю психологическую ситуацию.

Суффикс **-able** нередко используется в рекламах и рекламных рецензиях для привлечения внимания, а также благодаря сжатости таких окказиональных неологизмов.

London Conversation is an interesting and *listen-*

able record. ("Morning Star", 1967) Беседы о Лондоне— интересная пластинка, которую приятно слушать.

The songs of the film, old and new, are *hummable* and the setting is colourful enough. ("Morning Star", 1967) Песенки этого фильма, как старые, так и новые, *хорошо мурлыкаются*, а постановка очень красочная.

Нижеследующий пример взят из предисловия к словарю-справочнику "A Dictionary of English Literature" (Homer Watt and William Watt).

This book was written to fill the need for a general reference work in English literature which would be *usable, readable, portable*, and inexpensive. Эта книга была написана для того, чтобы удовлетворить потребность в справочнике по английской литературе общего характера — *удобном, лежо читаемом, портативном* и недорогом.

Суффикс *-able* может присоединяться и к глаголам с постпозитивами, например, (un) get-at-able (*не*)доступный; так же образованы прилагательные put-downable, un-put-downable.

After a great weight of *put-downable* books by generals on how they won the war, here is an *un-put-downable* one about some of the men who helped them do it. ("The Spectator", 1960) После огромного количества тяжело-весных и «нечитабельных» книг, написанных разными генералами о том, как они выиграли войну, наконец появилась «читабельная» книга о тех, кто помог им это сделать.

В этом случае можно было использовать такие же разговорные эквиваленты в русском языке.

Как уже отмечалось, суффикс *-able* образует прилагательные от существительных, но значительно реже, и в таких случаях актуализация суффикса выступает особенно заметно.

The lanes were not passable, complained a villager, not even *jackassable*. ("National Geographic", 1973) Тропинки еще непроходимы, пожаловался один крестьянин, по ним *не только человеку, но даже ослу не пройти*.

Конечно, высокая степень неожиданности в образовании прилагательного *jackassable* явно рассчитана на юмористи-

ческий эффект, который как-то передается противопоставлением человеку осла.

В цепочке прилагательных из романа У. Коллинза два образованы от глаголов, а третье — от существительного *small talk*. Юмористический эффект создается также перифразами: *a creature of the male sex, по such convenience in the house*.

All through their visit (in consequence of Mr Fairlie's invalid condition) we produced no such convenience in the house as a *flirtable, dansable, small-talkable* creature of the male sex. Во время их пребывания в нашем доме (из-за болезненного состояния мистера Фэрли) мы никак не могли предоставить им «такой приятный предмет», как существо мужского пола, *с которым можно было бы флиртовать, танцевать и вести легкую беседу*.

Создавая новые слова с суффиксом *-able*, авторы иногда тоже присоединяют его через дефис (ср. *party-ers*), подчеркивая таким образом его необычный, чисто окказиональный характер.

Three days later I was sitting against a rock and working the crossword puzzle, when suddenly I got cross-eyed trying not to stare at the most *stare-able* woman I have ever seen in my life. (R. Heinlein) Три дня спустя я сидел (на пляже), прислонившись к скале, решая кроссворд. Вдруг я буквально окосел, глядя украдкой на такую *сногшибательную* женщину, какой я никогда не видывал.

В настоящей статье авторы стремились показать, что стилистически немаркированные словообразовательные элементы могут широко актуализироваться, то есть служить средством создания большой выразительности благодаря неожиданности своего использования.

АМЕРИКАНСКИЙ СЛЭНГ XX В. В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Для переводов современной американской литературы актуальны проблемы адекватной передачи американского экспрессивного просторечия (слэнга), широко вводящегося в текст многими американскими авторами XX в. Как известно, адекватный перевод предполагает учет всех особенностей единиц языка оригинала (их денотативной и коннотативной семантики, структурных особенностей и т. д.) и подбор эквивалентных единиц языка перевода. В отношении перевода единиц слэнга выполнение этих задач представляется особенно сложным, так как вопрос о том, что составляет специфику слэнга, является в лингвистической литературе дискуссионным.¹

В цели данной работы входит:

- 1) попытка сформулировать некоторые, существенные для перевода особенности языка слэнга;
- 2) попытка выяснения — через сопоставительный анализ лексических систем английского и русского языков, — насколько, в принципе, возможна адекватная передача американского слэнга в русском переводе;
- 3) анализ, в свете проведенного исследования, ряда конкретных примеров переводов единиц слэнга в художественной литературе.

Поиски специфических особенностей слэнга могут быть, хотя бы отчасти, связаны с исследованием мотивов социальной оценки слэнга. Факты использования единиц слэнга в речи вызывают крайне разнообразное отношение, зависящее от конкретной речевой ситуации; однако, взятый на уровне языка, вне конкретной ситуации (= контекста) употребления, слэнг и в теоретических исследованиях, и в прикладных лексикографических трудах (где оценка выражается с помощью ряда кодифицированных средств) оценивается как пласт лексики, находящийся за пределами

¹ «Слэнг принадлежит к числу наиболее изученных или, во всяком случае, наиболее подробно описанных и в то же время наиболее спорных слоев лексики» И. В. А р и о л ь д. *Стилистика современного английского языка*. Л., «Просвещение», 1973, с. 113.

литературного языка,¹ но не являющийся диалектным.² Судя по материалу словарей и специальных исследований, в русском языке существует лексика, социальная оценка которой подобна социальной оценке американского слэнга; эта лексика охватывается принятыми в русской лексикографической практике пометами «грубое просторечие», «жаргон» и «арго».³ Можно предположить, что специфика американского слэнга и русского экспрессивного просторечия, с которой связана социальная оценка слэнга и просторечия, определяется тем, какие именно отличия позволяют противопоставить единицы слэнга и просторечия единицам литературного языка.

Как единицы американского слэнга, так и единицы русского экспрессивного просторечия предстают как образования вторичного порядка, возникшие на основе единиц литературного языка. Можно выделить два класса единиц слэнга и, как показывает сопоставительный анализ, подобные им два класса единиц русского просторечия соответственно двум типам преобразований единиц литературного языка.

1. Единицы, полученные путем преобразований формальной стороны единиц литературного языка при сохранении их содержательной стороны:

а) единицы, подобные единицам литературного языка, полученные с помощью частичного изменения формальной стороны последних, а именно как следствие

— фонетического варьирования единиц литературного языка: *апуһоо* от *апуһоу*; *gidget* от *gadget*; «*паря*» от *парень*;⁴

¹ См., например: И. Р. Г а л ь п е р и н. *Stylistics*. М., «Высшая школа», 1971; предисловия к различным словарям английского и американского слэнга (E. P a r t r i d g e. *A Dictionary of English Slang*. Ldn., 1949; Н. W e n t w o r t h, S. B. F l e x n e r. *Dictionary of American Slang*. N. Y., 1960.

² М. М. М а к о в с к и й. Языковая сущность современного английского слэнга. «Иностранные языки в школе», 1962, № 4, с. 102—112.

³ См., например: А. А. М и л л е р. Автореферат канд. дисс. на тему: «Стилистически сниженная лексика и ее отражение в двуязычных словарях», Алма-Ата, 1972.

⁴ Примеры русского экспрессивного просторечия приводятся нами на основании материала канд. диссертации Л. И. С к в о р ц о в а на тему: «Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (на материале русской лексики послеоктябрьского периода)». М., 1966. Примеры американского слэнга приводятся по словарю: Н. W e n t w o r t h, S. B. F l e x n e r. *Dictionary of American Slang*. N. Y., 1960.

— словообразовательного варьирования единиц литературного языка: *soph* — *sophomore*; *footsie* — *foot*; «женатик» — *женатый*, «психодром», «курилка», «читалка»

б) единицы, полностью отличные от единиц литературного языка, полученные в результате полного изменения формальной стороны последних (замены ее новой). Здесь можно выделить

— новообразования (*original creations*); *burrole* — *the human ear*; «кирять» — *пить*;

— заимствования: *calaboose* — из исп. *calaboso* — *тюрьма*; *boondock* — *гора* из тагальского языка; *чоботы* из укр. *чоботи* — *сапоги*; «буза» — *чепука* из татарского *буза* — молодое пиво.

II. Единицы, полученные путем преобразований содержательной стороны единиц литературного языка при сохранении их формальной стороны. Эти единицы возникают как результат варьирования единиц литературного языка на лексико-семантическом уровне:

grease Ia: *rendered animal fat*¹

Slang 1. Bribe money, protection money

2. Butter

3. Nitroglycerine, dynamite

4. Influence, pull;²

«будка» — лицо

«копыта» — ноги и т. д.

Можно, по-видимому, считать, что ряд единиц английского и русского языков не только характеризуются одинаковой социальной оценкой, но и обладают сходными особенностями, противопоставляющими их, соответственно, английскому и русскому литературным языкам.

Тем не менее, перевод единиц американского слэнга на русский язык в ряде случаев крайне труден. В особенности это справедливо по отношению к переводу единиц американского слэнга, полученных в результате лексико-семантического варьирования единиц литературного языка. Какими же причинами того, что, несмотря на наличие сходных

¹ "Webster's Seventh New Collegiate Dictionary." Springfield (Mass.), 1967.

² H. W e n t w o r t h, S. B. F l e x n e r. *The Pocket Dictionary of American Slang*. N. Y., 1968.

по своим характеристикам лексических единиц, адекватный перевод не всегда возможен?

I. И единицы американского слэнга, и единицы русского экспрессивного просторечия образованы с помощью лексико-семантического варьирования ограниченного числа слов литературного языка. Вероятность того, что один из лексико-семантических вариантов слова явится слэнговым или экспрессивно-просторечным, определяется принадлежностью этого слова¹ к одной из ряда лексико-семантических групп. Списки лексико-семантических групп слов, дающих при варьировании слэнг, для английского и русского языков примерно совпадают. Это лексико-семантические группы названий органов и частей тела животных и человека; растений и их плодов; четких геометрических форм; различных вместилищ; приспособлений и инструментов; обозначений масс вещества; названий лица; названий животных и т. д. Однако сравнение состава пар соответствующих друг другу лексико-семантических групп в английском и русском языках показывает, что между ними существуют значительные различия. Отнюдь не все слова, входящие в какую-либо лексико-семантическую группу, дают слэнг или экспрессивное просторечие при варьировании; и если в английском языке в число слов, имеющих слэнговые лексико-семантические варианты и по своему основному значению относящихся к лексико-семантической группе названий инструментов, входят *battle-ax*, *lock*, *skate*, *scREW*, *scib*, то в русском это — *рубильник*, *паяльник*, *костыль*, *грабли*. Русские слова, соответствующие по своему основному значению английским *battle-ax* и *skate*, не имеют экспрессивно-просторечных лексико-семантических вариантов и поэтому не могут использоваться при переводе. Русское *винт*, эквивалентное по своему основному значению английскому *scREW*, входит в экспрессивно-просторечное употребление только в составе устойчивого словосочетания *нарезать винта*, но само слово также не имеет экспрессивно-просторечных лексико-семантических вариантов.

Расхождения в составе лексико-семантических групп слов, дающих слэнг и экспрессивное просторечие, иногда очень незначительны, но все же они есть. Например, в современном английском языке большое количество слэнговых значений в группе слов, обозначающих животных, имеет *cat*, соответствующее как русскому *кошка*, так и русскому

¹ В его основном значении.

кот. В русском экспрессивном просторечии используется только кот.

Таким образом, можно утверждать, что первая причина трудностей адекватной передачи единиц американского слэнга на русском языке — это расхождение состава лексико-семантических групп слов, дающих слэнг в английском, и экспрессивное просторечие в русском языке.

II. В целом направление лексико-семантического варьирования слов, результатом которого является появление, соответственно, единиц американского слэнга и русского экспрессивного просторечия, в английском и русском языках совпадает. Между основным, литературным и производным, слэнговым или экспрессивно-просторечным лексико-семантическим вариантами слова устанавливаются регулярные соотношения следующих типов:

1. часть тела — человек: англ. beard (slang): an intellectual person; an egghead; русск. «борода» — старик, просто бородатый мужчина;
2. приспособление — человек: plug — an inept, unskilled, clumsy person; «фитиль» — высокий, худой человек;
3. животное — человек: animal — any ugly, vulgar or sexually aggressive person; «легавый» — сыщик;
4. растение — человек: pansy — a male homosexual; an effeminate male; «лопух» — неприспособленный к жизни человек, растяпа;
5. помещение (вместилище для чего-л.) — место обитания людей: pen — a prison of any kind; «мешок» — тюрьма;
6. приспособление — часть тела человека: block — the head; «рычаги» — руки;
7. вместилище — часть тела человека: cap — the human hip; «лохань» — лицо;
8. часть тела животного — часть тела человека: hoof — a person's foot; «щупальцы» — руки; «дыхало» — горло;
9. масса вещества — действие: dirt — cheating; «баланда», «лапша» — вранье;
10. масса вещества — отдельный предмет: weed — cigar; «кожа» — бумажник;
11. носитель свойства — свойство: Bible — the truth; «буза» — ерунда, чепуха;
12. животное — другое животное: goat — a race horse; *esp.* an inferior race horse; «дракон» — собака.

За соотношениями основных (литературных) и производ-

ных (слэнговых) лексико-семантических вариантов стоят, очевидно, некоторые оппозиции экстралингвистического мира (как он членится человеком — членом языкового и культурного коллектива), актуальные для носителей как русского, так и английского языка:

- очевидно, наиболее существенная оппозиция «не-человек-человек», реализующаяся в максимальном числе противопоставлений (1—9);
- внешнее — внутреннее (11)
- континуум (множество) — дискретная единица (10)
- конкретное — абстрактное (9, 11).

Основой для лексико-семантического варьирования, результатом которого является слэнг или экспрессивное просторечие, служат прагматические компоненты значения слова — то есть семантические ассоциации или коннотации, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие неязыковые факторы. Они сильно различаются у совпадающих или близких по значению слов разных языков или даже одного и того же языка¹. Естественно, что те второстепенные компоненты значения английских и русских слов, на основе которых возникают единицы слэнга и просторечия, часто совпадают даже в тех случаях, когда эти слова эквивалентны друг другу в своих основных значениях. Поэтому, хотя лексико-семантическое варьирование слов, обладающих эквивалентными основными значениями в двух языках, направлено одинаково, результаты его различны — полученные слэнговые и экспрессивно просторечные лексико-семантические варианты слова в английском и русском языках уже не эквивалентны.

Так, например, для образования слэнга в английском языке используется *grandfather*, для образования экспрессивного просторечия в русском — *дед*. Эти слова эквивалентны по своим основным значениям: *grandfather* и *дед* — отец отца или матери. Однако в английском языке основой для образования единицы слэнга служит ассоциативный компонент «преклонный возраст». Так появляется слэнговое *grandfather* 1. *an elderly man*. В русском для образования экспрессивного просторечия используется другой прагматический компонент: *дед* — это вообще старший, тот,

¹ См.: "Supplementary Components" у Ю. Найды: *Eu. N i d a. Theory and Practice of Translation. Leiden, 1969.*

кого слушаются, поэтому *ded* получает экспрессивно-просторечное значение «руководитель (часто научный руководитель), шеф».

В английском *juice* в качестве прагматических компонентов, служащих основой для образования слэнга, выступает, во-первых, представление о том, что *juice* жидкость, которую пьют; отсюда слэнговое *juice* — *liquor, esp. whisky*; во-вторых, представление о способе получения сока — его давят, выжимают, то есть применяют какое-то физическое воздействие по отношению к источнику сока; отсюда другое слэнговое значение слова: *juice* — это деньги, полученные нечестным путем, с помощью воздействия на их обладателя: *juice* — *money used or obtained from gambling, extortion, blackmail or bribery*. В русском языке используются другие прагматические компоненты: «сок» — это самое вкусное, квинтэссенция того, что содержит плод; отсюда экспрессивно-просторечное «сок» как выражение высокой положительной оценки («самый сок!»).

Наоборот, эквивалентные для двух языков прагматические компоненты значения часто имеют слова, не совпадающие (хотя иногда близкие друг другу) по своим основным значениям. Так, и английское *clock*, и русское *циферблат* вызывают ассоциацию с лицом, и действительно, слэнговый и экспрессивно-просторечный варианты этих слов в английском и русском языках соответственно имеют значение «лицо».

Таким образом, вторая причина затруднений при передаче единиц американского слэнга — несовпадение прагматических компонентов значения слов, эквивалентных по своим основным лексико-семантическим вариантам, что приводит к расхождению результатов лексико-семантического варьирования этих слов в английском и русском языках.

Как же решаются проблемы адекватной передачи конкретных единиц слэнга, возникающие в связи с указанными причинами, в переводческой практике? Задача перевода единицы американского слэнга на русский язык является, как следует из всего сказанного, комплексной: она включает учет основного значения слова литературного языка, от которого образована единица слэнга, учет использованных при ее образовании прагматических компонентов значения, а также денотативное значение самой полученной единицы слэнга.

Как показывает анализ текста, при переводе единиц

слэнга на русский язык обязательно выполняется только одна задача — найти эквивалент денотативного значения единицы слэнга. Поэтому в ряде случаев способ ее образования не учитывается вообще, а в тексте ей соответствует единица литературного языка:

You've got a goddam *bug* today — you know that? Слушай, в тебя сегодня прямо какой-то *бес вселился!*

In any case he surely was concerned over the possibility that the *bug* Franny had might bitch up the whole weekend. Во всяком случае, его, безусловно, беспокоило то, что *блажь*, напавшая на Фрэнни, может изгадить им весь конец недели.

You can be the *big shot*. Тебя — командиром.

That stuff's sort of *flitty*. По-моему, это тоже какое-то *извращение*, ей-богу.

...and that she was a *big-shot* cheer-leader did not faze him. ...но то, что она была таким *большим мастером* среди чирлидеров, уже не производило на него такого впечатления.

При этом в тех случаях, когда единица слэнга не несет особой семантической нагрузки в тексте и потеря ее не изменяет его смысла, а перевод ее затруднителен, она в русском тексте не передается вообще.

This *guy* Brughman thinks I ought to publish the goddamn paper somewhere. Знаешь, этот самый Брауман считает, что я должен напечатать свое сочиненьишко.

Эквивалентная по своему денотативному значению единице американского слэнга единица лексики русского языка может характеризоваться и тождественной социальной оценкой, но при этом отличаться от единицы слэнга своим способом образования:

She was small and had dark bangs, and for a short girl she had a *terrific* figure. Это была маленькая девушка с темной челкой и *потрясной*, несмотря на рост, фигурой.

I stuck around in the *can* for a while thinking about old Jane. А я еще поторчал в *умывалке*, вспомнил старушку Джейн.

But she simply couldn't march any more with these girls — they were *freaks*. And she wasn't. Но она боль-

ше не могла маршировать рядом с этими девчонками— они просто *уродки*. А Люси — нет.

Во всех этих примерах единица американского слэнга передается эквивалентной по значению и по оценке экспрессивно-просторечной единицей русского языка, которая образована, однако, не лексико-семантическим, но формальным варьированием исходной единицы литературного языка.

Встречаются случаи передачи, кроме денотативного значения и оценки, также и способа образования единицы слэнга и прагматических компонентов значения исходной единицы литературного языка:

The bartender was a *louse*, too. А сам хозяин бара тоже *скотина*.

You are aces, *Ackley kid*. Ты молодчина, Экли, *детка*.

Well, it's interesting any way. All that *stuff*... Во всяком случае, очень занятно. Вся эта *штука*...

Возникает вопрос, какой тип передачи единиц слэнга можно считать наиболее близким к адекватному?

Существенно то, что отличия американского слэнга от литературного языка, определяющие оценку слэнга, обнаруживаются не только при сравнении единиц слэнга и единиц литературного языка в плане парадигматики. Сравнение функционирования слэнга и литературного языка обнаруживает различия в плане социальной ситуации использования слэнга по сравнению с социальной ситуацией использования литературного языка. Круг ситуаций использования слэнга в речи уже, чем круг ситуаций использования единиц литературного языка. Примерно подобный круг ситуаций характерен для употребления единиц русского экспрессивного просторечия. В целом эти ситуации можно охарактеризовать как ситуации неформального общения (общение происходит дома или же в каких-либо временных эквивалентах дома, а также в таких общественных местах, в которых поведение человека не жестко регламентировано; говорящие равны друг другу по своему социальному статусу или же связаны дружескими или родственными отношениями и т. д.). Использование в речи единиц, обладающих структурными характеристиками американского слэнга или русского экспрессивного просторечия, является

знаком того, что общение происходит в определенном социальном контексте.

Поэтому можно считать, что передача единиц слэнга в русском тексте с помощью единиц литературного языка, эквивалентных единицам слэнга по денотативному значению, равно как и опущение единиц слэнга в переводе, хотя и не искажает смысла текста, лишает его специфического социального контекста. При передаче единиц слэнга, образованных с помощью лексико-семантического варьирования, через единицы русского экспрессивного просторечия, полученных путем формальных преобразований, хотя и сохраняется социальный контекст, теряются те многочисленные культурные коннотации, на основе которых создается слэнг и которые, очевидно, актуальны для носителей языка.

По-видимому, наиболее адекватным следует считать такой перевод, при котором единицы русского экспрессивного просторечия построены на тех же прагматических компонентах значения, что и единицы слэнга.

Т. Д. Жеру
(Кишинев)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ И ВИДЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Под лексической сочетаемостью понимается способность данного слова синтаксически связываться со словами из ограниченного списка. Мы относим к области лексической сочетаемости устойчивые сочетания типа «глагол + имя существительное без предлога». Они относятся к наиболее употребительным устойчивым сочетаниям в разговорной речи, новейшей беллетристике и прессе и составляют основную трудность в практике лексикографии и в процессе овладения иностранными языками. Эти сочетания приблизительно соответствуют фразеологическим сочетаниям в классификации В. В. Виноградова, глагольным предложениям в классификации Х. Касареса, фразеологическим сериям в классификации Ш. Балли.

Данные сочетания являются одним из наиболее распространенных типов устойчивых сочетаний испанского и португальского языков и представляют собой одну из специфических черт этих языков. Среди них наибольший удельный

вес имеют устойчивые сочетания — эквиваленты глагола.

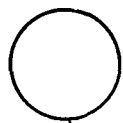
УС — эквиваленты глагола обозначают действие и функционируют в предложении аналогично простым глаголам, то есть в семантико-синтаксическом отношении являются их эквивалентами. Глагольный компонент этих сочетаний, как правило, имеет относительно общее значение и сочетается с широким кругом существительных. Именные компоненты сочетания очень разнообразны по семантике. Большинство из них являются именами действия, хотя встречаются также и имена конкретно-предметного значения и качества.

Значение сочетания в целом складывается на основе семантического взаимодействия компонентов. Причем глагол имеет более или менее абстрактное значение и указывает на действие обобщенно, а конкретное значение действия содержится в существительном, которое придает сочетанию семантическую законченность. Сочетание может быть эквивалентом глагола как части речи, даже если не существует синонимичных простых глаголов, а в ряде случаев — даже если именной компонент не является отглагольным.

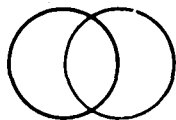
Под эквивалентностью УС глаголу мы понимаем не соотносительность его с тем или иным конкретным глаголом, а эквивалентность сочетания глаголу как части речи. УС — эквиваленты глагола обозначают в целом действие и функционируют в предложении в роли одного члена.

В компаративной лингвистике особое место занимают сопоставительные переводческие исследования. Цель подобных исследований заключается в изучении системы отношений, которая устанавливается между речевыми произведениями двух языков в результате осуществления переводческого процесса¹.

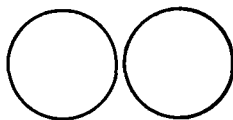
Отношения между двумя языками можно схематично представить следующим образом².

совпадение

пересечение

несовпадение

¹ В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., «Международные отношения», 1973, с. 198.

² Данная схема находит подтверждение в работе Л. С. Бар-

Центральное место в сопоставительных переводческих исследованиях занимает вопрос: как ведется данное исследование — от формы к содержанию или от содержания к форме. Мы, вслед за Л. С. Бархударовым, считаем, что сопоставительные переводческие исследования должны вестись от содержания к форме, так как при переводе передается не форма, а содержание, вследствие чего семантические факторы являются доминирующими.

Объектом нашего исследования послужили УС (около 5 тыс. примеров), извлеченные из переводов современной художественной литературы на испанском и португальском языках.

Мы рассмотрели наиболее продуктивные глаголы этих языков: *dar* — *dar* и *hacer* — *fazer*, которые имеют самый широкий круг сочетаемости.

Хотя мы специально выбрали близкородственные языки, чтобы показать своеобразие переводческих соотношений в этих языках, модели этих соотношений можно отнести к любой паре переводимых языков.

В результате сопоставления было выявлено 3 типа переводческих соответствий.

I. Переводческие соответствия (совпадения): а) полные; б) частичные; в) варианты.

II. Переводческая трансформация (дифференциация и интеграция смысла).

III. Переводческие несоответствия (лжесовпадения или псевдосовпадения).

Проанализируем каждый вид соответствий.

I. Переводческие соответствия

а) Полные соответствия характеризуются тождеством смысла, а также совпадением формальных (структурных) и содержательных (лексико-семантических) элементов двух языков. Например:

испанский язык

dar ánimo
dar un abrazo

португальский язык

dar ânimo
dar um abraço

х у д а р о в а «Язык и перевод». М., «Междунар. отношения», 1975, с. 74, где автор в целом все типы семантических соответствий сводит к трем основным: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) отсутствие соответствия.

dar una bofetada	dar uma bofetada
dar comienzo	dar começo
dar consejos	dar conselhos
dar un empujón	dar um empurrão
dar un grito	dar um grito
dar muestras	dar môtstras
dar órdenes	dar ordens
hacer cálculos	fazer cálculos
hacer un esfuerzo	fazer um esforço
hacer gestos	fazer gestos
hacer preguntas	fazer perguntas
hacer un señal	fazer um sinal

б) При частичных соответствиях имеет место замена УС эквивалентным ему по смыслу глаголом. Например:

испанский язык

португальский язык

dar alcance	alcançar
dar saltos	saltar
dar muestras	mostrar
hacer comparaciones	comparar
hacer elogios	elogiar
hacer preguntas	perguntar

в) При вариантных соответствиях наблюдаются различные вариации лексико-грамматической структуры УС в пределах лексико-семантического инварианта. Необходимым условием варьирования является отсутствие смыслового различия при тех или иных модификациях семантической структуры УС. Основные расхождения касаются в основном синонимических вариаций на одну и ту же тему. Например:

испанский язык

португальский язык

dar asco	dar asco, causar asco, dar nojo, ter nojo, fazer nojo
dar lástima	dar lastima, causar lastima, ter lastima, dar pena
hacer un gesto	fazer um gêsto, fazer um sinal

II. Переводческая трансформация (пересечение смысла)

Под трансформацией понимается семантическое инвариантное преобразование. Смысловой инвариант определяется как одинаковая в равнозначных высказываниях совокупность элементарных смыслов — сем. В связи с этим при сохранении общего смыслового инварианта (набора сем) возможны различные трансформации семантической структуры высказывания¹. Трансформация семантической структуры проявляется в переразложении смысла, явлении широко известном в теории перевода. При семантической трансформации имеет место явление дифференциации или интеграции смысла. Одна и та же информация может быть представлена в разных языках с различной степенью дифференциации: то, что в одном языке представлено недифференцировано, в другом языке нашло дифференцированное выражение. При дифференциации отдельные имплицитные компоненты содержательной структуры УС одного языка находят адекватное эксплицитное выражение того же содержания в другом языке. Под имплицитным выражением понимают обычно такие случаи, когда отдельные компоненты содержания высказывания не находят специального выражения с помощью формальных средств языка². Такое явление обусловлено спецификой данного языка, выявляющейся только при сопоставлении с другим языком, который располагает эксплицитным выражением аналогичного содержания.

Интеграция смысла (испанский язык)

dar un golpe
dar (unos) golpes
dar (unos) golpes

Дифференциация смысла (португальский язык)

dar um sôco (mûtto) наносить удары кулаком
dar uns bolos наносить удары рукой
dar umas tapas давать пощечины

¹ В. Г. Г а к. К проблеме инварианта при переводе. Тезисы докладов конференции. В сб.: «Вопросы теории и методики преподавания перевода», ч. I, М., 1970, с. 61—63.

² К. Г. К р у ш е л ь н и ц к а я. К проблеме имплицитного выражения в аспекте перевода. Там же, ч. II, М., 1970, с. 23.

dar (unos) golpes

dar umas sacetadas нанс
сить удары дубинкой,
палкой, кастетом

dar golpes

dar encontros толкать

Проведя анализ по семам, можно выделить две группы сем:

- 1) инвариантную или общую сему (сема удара);
- 2) дифференциальную сему (способ и место удара).

Была переведена только инвариантная сема, а дифференциальные семы, основанные на видовых отличиях предмета, не были переведены.

III. Переводческие несоответствия

Переводческие несоответствия имеют место при буквальном переводе, который проявляется в виде кальки¹. Переводчик, введенный в заблуждение общими свойствами и признаками контактирующих языков, в особенности типологически близких, отождествляет все остальные свойства этих языков. В результате в сознании переводчика устанавливается произвольная система соответствий, которая известна под названием «третьей системы» и для которой характерен один план содержания с двумя планами выражения, так как в ней смешиваются дифференциальные показатели первичного и вторичного языков. Со временем буквальный перевод может стать нормой и утвердиться в виде кальки. По замечанию В. Ю. Розенцвейга, «калька — это интеграция, тенденция к обобщению семантических элементов».

Приведем несколько примеров переводческих несоответствий.

испанский язык

португальский язык

dar apuro (dar prisa)

dar apuro

dar baño (darse un baño,
darse baños)

dar banho

¹ Э. Хауген рассматривает кальку как проявление интерференции: «Интерференция предполагает идентификацию моделей в другом языке, которая проявляется в виде кальки» (доклад Э. Хаугена на VIII Международном конгрессе лингвистов в Осло).

dar puntapiés (dar de pun- tapiés)	dar pontapés
hacer adios (dar adios)	fazer adeus
hacer petición (pedir)	fazer pedido
hacer pruebas (dar pruebas)	fazer provas

Наибольший интерес с переводческой точки зрения представляют переводческая трансформация и переводческие несоответствия (псевдосовпадения). Последние являются «ложными друзьями» переводчика. Этот вид ошибок может проникать в язык настолько глубоко, что псевдосовпадения уже перестают восприниматься как нарушение нормы перевода. Псевдосовпадения являются результатом того, что в процессе языковых контактов и при наличии двуязычия происходит унификация семантических систем двух языков, то есть осуществляется единообразная категоризация действительности. Все это указывает на процесс конвергенции, происходящий в результате постоянных переводческих контактов.

Г. В. Чернов
(Москва)

ЕЩЕ РАЗ О СХЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Существуют по крайней мере две схемы организации синхронного перевода на международной конференции.

Первая схема — схема прямого перевода — применяется в Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждениях. При этой схеме число кабин соответствует числу рабочих языков заседания или сессии. Например, при пяти официальных языках, принятых на заседаниях органов ООН, работают кабины следующих языков: английского, французского, русского, испанского и китайского. В каждой кабине на каждом данном заседании работает бригада переводчиков, которая обязана обеспечить перевод со всех остальных четырех языков на языки своих кабин. Предполагается, хотя это правило не всегда выдерживается на практике, что синхронный перевод осуществляется переводчиком на свой родной язык. Обычно в кабину назначаются два переводчика. Предполагается также, что их общая комбинация языков позволит им вдвоем осуществить перевод с четырех языков непосредственно

на родной язык. Это значит, что, допустим, один переводчик русской кабины должен знать английский, французский и испанский языки, а второй — английский и китайский языки. Аналогичное правило применимо ко всем другим кабинам.

Вторая схема организации синхронного перевода получила название перевода через ведущий язык или схемы «с главным переводчиком», с «пилотом». Эта схема обычно применяется в Советском Союзе и в других социалистических странах. Рассмотрим ее на примере Советского-Союза. При наличии этой схемы один из рабочих языков конференции (у нас это русский язык) объявляется ведущим, осевым языком. Это значит, что число кабин всегда будет на одну меньше, чем количество рабочих языков конференции или конгресса. При пяти рабочих языках — русском, английском, французском, испанском и немецком — на конференции будут лишь четыре кабины: английская, французская, испанская и немецкая. Бригада переводчиков (обычно это три человека) в каждой кабине будет осуществлять перевод с русского языка на язык своей кабины, если оратор выступает по-русски, и с иностранного языка на русский, если оратор выступает на данном иностранном языке. Во втором случае три остальные кабины переводят на язык своей кабины не непосредственно речь оратора, а русский перевод его речи, который осуществляется первой, «осевой» или «ведущей» кабиной. Переводчик ведущей кабины становится «главным переводчиком». Таким образом, во всех случаях, когда оратор выступает не на русском языке, на остальные иностранные языки осуществляется двухступенчатый перевод. Любая из кабин, то есть любой переводчик в каждый данный момент конференции может стать «главным переводчиком». Каждый переводчик в бригаде осуществляет перевод попеременно либо со своего иностранного языка на русский язык, либо с русского языка на иностранный.

Прежде чем перейти к сравнительной оценке той и другой схемы организации синхронного перевода, введем понятие языковой комбинации в синхронном переводе. Под комбинацией мы будем понимать перевод, осуществляемый синхронистом с одного исходного языка (ИЯ) на другой конкретный язык перевода (ПЯ), например, перевод с английского языка на русский язык. В этом случае можно сказать, что переводчик работает в англо-русской комбинации.

Можно также говорить о количестве комбинаций, в которых работает данный синхронный переводчик. Например, одним из официальных требований, предъявляемых к синхронному переводчику в ООН, является работа не менее чем в двух языковых комбинациях. Как правило, это должно быть сочетание комбинаций перевода с двух иностранных языков на родной язык. При работе по схеме, принятой в ООН, переводчик будет работать в *к о н в е р г е н т н ы х* комбинациях. При схеме, принятой в Советском Союзе, переводчик работает во *взаимообратимых* или *р е в е р с и в н ы х* комбинациях.

Недостатки двуступенчатой схемы перевода, схемы с «главным переводчиком», подробно рассмотрены А. Д. Швейцером¹. К ним он относит:

1. Потери в объеме и точности передаваемой информации. «Хотя наибольшие потери имеют место в первом звене цепочки, они сравнительно незначительны, поскольку они приходится (или во всяком случае должны приходится в идеале) главным образом на долю избыточной информации. Лишенный значительной части избыточной информации² текст становится гораздо более уязвимым, так как самые незначительные в процентном отношении потери могут оказаться весьма весомыми с точки зрения смыслового содержания переводимого высказывания» (с. 84).

2. «... Любые искажения в ... переводе» «главного переводчика»... неизбежно дублируются во всех каналах» (с. 85).

3. «Главный переводчик» испытывает дополнительные трудности, как например, необходимость рассчитывать собственный перевод не только на восприятие, но и на воспроизведение его другими переводчиками, что существенно влияет на ритм и темп перевода (с. 85).

4. «Особую трудность представляют собой частые переключения с одного вида работы на другой (например, с пе-

¹ А. Д. Швейцер. К вопросу о наиболее рациональной схеме синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 4, М., «Междунар. отношения», 1967.

² Е. А. Тихомиров указал автору на то, что избыточная информация, по его мнению, будет теряться в синхронном переводе только если 1) темп речи оратора — выше среднего и 2) квалификация переводчика низкая. В качестве доказательства выдвигается успешное осуществление синхронного перевода на Генеральной Ассамблее и в Совете Безопасности ООН на стенограмму. Поэтому, по мнению Е. А. Тихомирова, этот недостаток не абсолютный, а относительный.

ревода с русского на английский на перевод с английского на русский» (с. 85).

5. «Серьезные технические трудности порой возникают в связи с необходимостью быстро переключать каналы на пульте управления, особенно при обмене краткими репликами (например, во время встреч «за круглым столом»)» (с. 85).

Одноступенчатая схема, принятая в ООН и в ряде других международных организаций, в идеале рассчитана на то, что каждый синхронист переводит с двух или более иностранных языков на свой родной язык. Эта схема теоретически должна обеспечить перевод более высокого качества, особенно в стилистическом отношении.

А. Д. Швейцер, выдвигая свои аргументы, высказывается в пользу перехода у нас в стране к одноступенчатой схеме перевода, принятой в ряде международных организаций. При всей реальности тех трудностей, на которые указывает А. Д. Швейцер, попытаемся, однако, показать, что одноступенчатая схема возможна лишь при небольшом количестве рабочих языков конференций (до четырех языков) и, следовательно, в наше время становится все менее и менее применимой на практике по мере развития широких международных контактов и выхода на международную арену новых языков.

А. Д. Швейцер с сожалением указывает на то, что двуступенчатая схема с «главным переводчиком» «соответствует подготовке большинства наших синхронных переводчиков, которые умеют переводить лишь в пределах одной пары языков, из которых один обязательно русский» (с. 85). Он призывает советских синхронистов, работающих, как правило, в реверсивных комбинациях, осваивать две или три конвергентные комбинации. Е. А. Гофман¹ выступает за двуступенчатую схему синхронного перевода, схему с «главным переводчиком», указывая на то, что она экономнее: при равном количестве рабочих языков требуется на одну кабину меньше и, следовательно, на одну команду меньше, чем при одноступенчатой схеме.

Попытаемся показать, что эти аргументы выдвигаются применительно к небольшому числу рабочих языков конференций — до четырех. При наличии одноступенчатой схемы перевода в пределах четырех рабочих языков на кон-

¹ Е. А. Гофман. К истории синхронного перевода. «Тетради переводчика», № 1, М., «Междунар. отношения», 1963, с. 23.

ференции на каждое заседание в кабину назначаются обычно два человека (в системе ООН). Таким образом, при наличии четырех рабочих языков (обозначим число рабочих языков буквой L), то есть при $L = 4$, количество переводчиков в команде в целом будет $2L$ (в нашем примере: $2 \times 4 = 8$). При двухступенчатой схеме перевода количество кабин будет всегда $L - 1$, в нашем примере: $4 - 1 = 3$ кабины. С учетом, однако, некоторых дополнительных трудностей работы по схеме с «главным переводчиком» (см. выше замечания А. Д. Швейцера), при двухступенчатой схеме перевода на кабину назначаются обычно три человека. Число переводчиков в этом случае будет $3 \times (L - 1)$, в нашем примере 9 человек ($3 \times 3 = 9$). Таким образом, количественный аргумент уже при $L = 4$ оказывается несостоятельным.

Картина, однако, существенно изменится, если рассматривать не количество синхронистов, которые традиционно заняты в команде на конференции при первой или второй схемах организации перевода, а исходить из числа языковых комбинаций, которые вся команда в целом должна обеспечить. Эмпирически число языковых комбинаций при обеих схемах организации синхронного перевода составляет:

*Одноступенчатая схема
(Прямой перевод)*

$$L(L - 1) \quad (1a)$$

*Двухступенчатая схема
(С «главным переводчиком»)*

$$2(L - 1) \quad (1b)$$

Отсюда нетрудно вывести более общие формулы зависимости числа рабочих языков конференции — L , среднего числа комбинаций, приходящихся на одного переводчика в команде, — q , и числа переводчиков, которые должны находиться одновременно на рабочем месте при заданном числе рабочих языков — n (укажем попутно, что число q можно рассматривать как показатель квалификации команды).

Прямой перевод

$$q = \frac{L(L - 1)}{nL}; \quad q = \frac{L - 1}{n} \quad (2a)$$

Схема

с «главным переводчиком»

$$q = \frac{2(L - 1)}{n(L - 1)}; \quad q = \frac{2}{n} \quad (2b)$$

Если при этом ввести коэффициент k к числу переводчиков n , зависящий от принятых или научно обоснованных

норм охраны труда¹, мы получим полную формулу расчета числа переводчиков на кабину:

$$\begin{aligned}n &= k \frac{L-1}{q}; & n &= k \frac{2}{q} = \frac{2k}{q}; \\n &= \frac{k(L-1)}{q} \quad (3a) & n &= \frac{2k}{q}; \quad (3b)\end{aligned}$$

Нетрудно увидеть, что при схеме с «главным переводчиком» — двуступенчатой схеме, принятой в СССР и социалистических странах, — число переводчиков на кабину зависит только от заданного показателя q , квалификации команды и от коэффициента охраны труда k , но не зависит от числа рабочих языков конференции.

Напротив, при схеме с прямым переводом, при равных заданных величинах k и q , количество переводчиков на кабину n прямо пропорционально числу рабочих языков L и возрастает с ростом числа рабочих языков конференции.

Если теперь применить эти формулы к числу рабочих языков в 5, 10 и более (как известно, оборудование Кремлевского дворца съездов позволяет осуществлять перевод одновременно на 29 языков, то есть работать при $L = 30$ при двуступенчатой схеме перевода), нетрудно увидеть, до каких величин, практически превосходящих все границы реальности, возрастают основные данные при схеме прямого перевода.

При $k = 2$ (что будет означать, например, что в данной языковой комбинации работают 2 синхрониста, сменяя друг друга поочередно через каждые полчаса) и при $q = 2$ (что будет означать, что каждый из синхронистов данной бригады работает в двух языковых комбинациях: конвергентных или обратимых — в зависимости от схемы перевода)

— при схеме с «главным переводчиком» (по формуле 3b)

$$n = 2$$

¹ Таких норм, к сожалению, не существует, насколько нам известно, нигде в мире. По традиции принято считать, что через 20 или 30 минут непосредственного перевода в кабине переводчик должен смениться и отдыхать в течение 40 или 60 минут. Некоторые считают достаточным 30-минутный отдых, а в Секретариате ООН вообще официально считается, что переводчик должен находиться на своем рабочем месте непрерывно в течение всего заседания. При этом, правда, формально, ограничивается число заседаний в неделю. Исходя из традиции, можно считать, что коэффициент k может быть равным числу 2 или 3.

всегда, то есть на кабину всегда требуется 2 переводчика;
— а при схеме прямого перевода (по формуле 3а)

$$n = L - 1,$$

то есть n непосредственно зависит от числа рабочих языков.

Практика показывает, что существующим в настоящее время верхним пределом квалификации команды является, вероятно, число, не превышающее 1,5 (хотя выше в нашем примере мы и исходили из идеального числа $q = 2$). Это то число, которое в среднем приходилось на бригаду синхронистов на заседании органа ООН на протяжении 60-х годов, когда синхронный перевод, как правило, шел на четырех официальных языках (в те годы перевод на китайский язык и с китайского языка, как правило, не осуществлялся). Поскольку в системе ООН коэффициент $k = 1$, применяем формулу 2а, и при $n = 2$, $L = 4$, получаем:

$$q = \frac{L-1}{n} = \frac{4-1}{2} = 1,5$$

Практика показывает, что, несмотря на то, что в Секретариате ООН есть некоторое число синхронистов, способных работать в шести комбинациях (допустим, с трех языков переводить на два языка)¹, необходимость обеспечить перевод на пять языков в последние годы привела к нарушению «идеальной» схемы прямого перевода, применявшейся в ООН в 60-е годы. Возникла необходимость использования двуступенчатого перевода: чаще всего с китайского языка на английский язык (таким образом, английский становится «главным», «осевым» языком), а с английского языка — на остальные официальные языки ООН, хотя при $L = 5$ среднее число комбинаций на одного синхрониста в бригаде будет равно всего лишь 2.

Идеальная схема прямого перевода,² как правило, нарушается во всех случаях, когда в число рабочих языков конференции включаются так называемые «редкие» языки: восточные языки или языки малых европейских стран. И в самом деле, трудно представить себе, чтобы в Норвегии можно было найти синхронистов, переводящих с хинди на арабский, а в СССР — с арабского на шведский, финский или

¹ В 60-х годах на службе в ООН состоял один переводчик, работавший в 20 комбинациях: он переводил со всех пяти официальных языков ООН на четыре европейских языка, но это был уникальный случай.

норвежский и обратно. Таким образом, можно прийти к выводу, что схема прямого перевода может применяться лишь при небольшом числе рабочих языков конференции, при $L = 4$.

Если в Организации Объединенных Наций среднее число комбинаций $q = 2$ уже сейчас вызывает большие трудности, нетрудно себе представить полную невозможность организовать синхронный перевод по международной одноступенчатой системе при большем числе языков. Отсюда простой вывод: сколь бы ни был прав А. Д. Швейцер, указывая на трудности и недостатки двухступенчатой системы с «главным переводчиком», эта схема неизбежно остается единственно реальной и перспективной схемой в наше время. Если мы хотим обеспечить высокое качество синхронного перевода¹, то достигнуть этого можно, очевидно, не путем увеличения среднего числа комбинаций, хотя некоторое увеличение этого числа на переводчика, вероятно, необходимо, но, главным образом, путем повышения качества перевода на «ведущий» или «осевой» язык.

В заключение укажем также, что приводимые выше формулы дают возможность рассчитывать общее число переводчиков-синхронистов, необходимых для обеспечения работы конференции, при заданных исходных данных: q , k и L , а также исходя из того, что при схеме прямого перевода число кабин равно числу рабочих языков, а при двухступенчатой схеме — на одну меньше:

тогда — при схеме прямого перевода:

$$N = \frac{kL(L-1)}{q} \quad (4a)$$

а при схеме с «главным переводчиком»:

$$N = \frac{2kL}{q} \quad (4b)$$

¹ По мнению М. Н. Рыгалова, схема с «главным переводчиком» имеет то практическое преимущество, что она представляет собой своего рода механизм с встроенной гарантией качества, своего рода саморегулирующуюся систему, позволяющую очень быстро выявлять малоквалифицированного переводчика в команде.

III. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

З. Н. Волкова
(Москва)

• ПЕРЕВОД И СЕМАНТИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА

Никто не сомневается в ценности средневекового литературного наследия. В настоящее время широко известны бессмертные памятники средневековья: «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Песнь о Роланде», «Тристан и Изольда», «Песнь о Нибелунгах», ирландские и скандинавские саги, песни скальдов и многие другие произведения.

Однако, будучи культурным достоянием всего человечества, эти тексты, написанные на языке оригинала, доступны, как правило, лишь специалистам, а общеизвестными они стали благодаря переводу. Естественно, что в таких условиях, когда переводчик фактически является единственным связывающим звеном между текстом и читателем, его роль и ответственность повышаются. В этом случае проблема адекватности перевода встает особенно остро.

Правильный перевод средневекового текста зависит от его правильной интерпретации. С одной стороны, текст является объектом внутрilingвистической системы, так как отражает фонетическую, грамматическую и лексическую систему языка. С другой — как объект духовной культуры он описывает внетекстовую действительность, являясь элементом семиотической системы.

Следовательно, оптимальная интерпретация текста, от которой во многом зависит правильность перевода, основана на сочетании собственно лингвистических и семиотических факторов.

Лингвистическая система средневековых младописьменных языков, будучи хорошо известна благодаря многочисленным описаниям, практически не вызывает затруднений у переводчика или филолога, интерпретирующего текст. Основная трудность возникает при соотношении слов и реалий, то есть на уровне «денотат — десигнант». Иначе говоря, переводчик сталкивается с проблемой: в какой степени

соответствует семантика выбранного им слова или словосочетания любого современного языка (то есть языка средневекового текста на современном этапе его развития или современного иностранного языка, на который переводится средневековый текст) семантике корреспондирующего слова или словосочетания в средневековом тексте.

Вопрос об адекватности перевода приобретает наибольшую важность, когда речь идет о передаче так называемых ключевых слов, то есть слов, относящихся к морально-этическому нормативу и определяющих семантику текста.

Известна взаимосвязь языка и общества, истории народа и истории языка. Исторические изменения присущи как языку, так и говорящему на нем народу. Каждая общественно-историческая формация накладывает отпечаток на язык. То или иное понимание исторических реалий сказывается в языке, что, прежде всего, проявляется в семантике текстов и отчасти в изменении значений слов. Это справедливо и для текстов феодального периода.

Остановимся на нескольких переводах ключевых слов «Песни о Роланде». Это старофранцузское произведение, записанное в XII в., до сих пор пользуется большой популярностью. Существует много переводов поэмы на различные языки, особенно на французский. Однако, как справедливо отмечает Дж. Джоунз, «любой современный перевод «Песни о Роланде» искажает или делает неясными ее преобладающие черты, характер, потому что уделяет недостаточно внимания семантическим изменениям»¹.

В центре наших интересов вопрос о том, как именно передаются ключевые слова, то есть вокабулы, соотносимые с морально-этическим нормативом в «Песни о Роланде», в авторитетных переводах.

Морально-этический норматив эпических песен представлен наивысшей воинской доблестью, храбростью. Это были основные качества, которые характеризовали идеального средневекового рыцаря². Идея «лучше погибнуть, чем бежать с поля боя» отражена в «Песни о Роланде» около 30 раз. В четырех тысячах стихах Песни имеется 1024 словопользования, так или иначе соотносимых с понятием «доблести». Однако слова, означающие «доблесть», «доблестный» в Песни, могли утратить это значение в последующие ис-

¹ J. Jones. La Chanson de Roland and Semantic Change. «Modern Language Quarterly», 1962, v. XXIII, p. 46—47.

² L. Gautier. La Chevalerie. P., 1960, p. 34—36.

торические периоды. В некоторых случаях сами лексемы перестают входить в словарный состав современного французского языка, как, например *isnel смелый, быстрый*, *maueviz смелый, горячий*; в других происходит семантический сдвиг: ст. фр. *fier смелый, яростный* > совр. фр. *fier гордый*; ст. фр. *vertuus доблестный* > совр. фр. *vertueux добродетельный*, то есть обладающий добродетелью в современном смысле этого слова. Реже слова *hardi, vaillant* сохраняют значение «доблестный», «смелый».

Интересно сопоставить переводы старофранцузских слов, передающих идею «доблестный» в «Песни о Роланде»¹, на современный французский и русский языки, выполненные Ж. Бедье², Л. Готье³ и Б. Ярхо⁴.

1. *Hardi* (4)⁵ > совр. фр. *hardi смелый*. Переводы Бедье: *hardi*⁶ (4); Готье: *hardi* (2), *vaillant* (2) *смелый*; Ярхо: *неустрашимый, смелый, прегордый, отважный*.

2. *Riche* (14) > совр. фр. *riche богатый*. Переводы Бедье: *riche* (7), *haut* (1) *высокий*, *fort* (1) *сильный*, *puissant* (5) *могучий*; Готье: *riche* (3), *puissant* (8), *riche et puissant* (1), *grand* (1) *большой*, *gascon* (1) *гасконец*; Ярхо: *могучий* (4), *богат* (1), *властный* (1), *силен* (1), *кичливый* (1), *знатный* (1). В пяти случаях (строки 2198, 1625, 555, 527, 542) перевод отсутствует.

3. *Combatauz* (3) > совр. фр. *combattant сражающийся*. Переводы Бедье: *hardi* (2), *combattant* (1); Готье: *vaillant* (1) и перифразы: *sans peur à la bataille* (1) *бесстрашный в бою* и *mieux fait pour la bataille* (1) *лучше приспособленный к бою*; Ярхо: *боевой* (1), *храбрый боец* (1), *рубака* (1).

4. *Curteis* (3) > совр. фр. *courtois куртуазный, вежливый*. Переводы Бедье: *courtois* (3); Готье: *courtois* (2),

¹ З. Н. Волкова. Некоторые принципы описания системы значений в диахронии. В сб.: «Научные труды МГПИИЯ им. М. Тореза», № 65, М., 1972. К проблеме диахронической преемственности компонентов семантического поля. В сб.: «Проблемы изучения иностранных языков», М., 1974.

² «La Chanson de Roland». Publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par J. Bédier, Paris, 1944.

³ «La Chanson de Roland». (Traduction et commentaire par L. Gautier), Tours, 1872.

⁴ «Песнь о Роланде» (По Оксфордскому тексту. Перевод со старофранцузского, вступительная статья и примечания Б. И. Ярхо), М.-Л., 1934.

⁵ В скобках указано исчерпывающее число словоупотреблений в тексте «Песнь о Роланде» в приведенном выше издании Ж. Бедье.

⁶ Включаем перифразы с морфологически родственным существительным *hardiesse* и т. п.

indulgent (1) *снисходительный*; Ярхо: *учтивый* (2), *мягче* (1).

5. Maneviz (1). Не имеет морфологического коррелята в совр. фр. языке. Переведено Бедье как *ardent горячий*; Готье — как *prêt готовый*; Ярхо — как *страховит*.

6. Bachelier (3) > совр. фр. *bachelier бакалавр*. Перевод Бедье: *bachelier* (3); Готье: *bachelier* (2), *jeune* (1) *молодой*; Ярхо: *отрок* (2), *юнец* (1).

7. Os (1), соответствующее совр. фр. *osé дерзкий*, Бедье и Готье переводят *osé*; Ярхо — как *в ум тебе взбрело*.

8. Noble (9) > совр. фр. *noble благородный*. Бедье переводит только как *poble*; Готье — также, за исключением одной перифразы с *hardi смелый* и *fier гордый*; Ярхо: *знатный* (3), *благородный* (3), *добрый* (1), *непобедимый* (1), *именитый* (1).

9. Isnel (7) не имеет морфологического коррелята в совр. фр. языке. Перевод Бедье: *rapide* (3) *быстрый*, *agile* (3) *проворный*, *vite* (1) *быстро*; Готье: *rapide* (6), *brave* (1); Ярхо: *быстрый* (3), *проворный* (2), *скорый* (1), *легче и скорее* (1).

10. Fort (8 — о людях) > совр. фр. *fort сильный*. Во всех случаях во французских переводах употреблено *fort*; Ярхо переводит: *силен* (5), *могуч* (1), *крепок* (1); перевод *fort* в ст. 3839 отсутствует.

11. Guereier (2) > совр. фр. *guerrier воин* передано Бедье как *guerrier*; Готье: *au service* (1) *на службе*, *hardi et fier* (1) *смелый и гордый*; Ярхо: *воитель*.

12. Bald (1) не имеет морфологического коррелята в совр. фр. языке. Во французских переводах соответствует *joyeux радостный*, в переводе Ярхо — *весел*.

13. Orguillus (9) > совр. фр. *orgueilleux гордый*. Перевод Бедье: *orgueilleux* (6), *fier et hardi* (1), *plein de rage, d'orgueil et de hardiesse* (1) *полн ярости, гордости и храбрости*, *ardent et rapide* (1) *горячий и быстрый*; Готье: *orgueilleux* (6), *terrible et fier* (1) *ужасный и гордый*, *rapide et sauvage* (1) *быстрый и дикий*. В ст. 2211 *orguillus* заменено на *haubert латы*. Ярхо переводит: *гордец* (2), *надменный* (1), *пречванный* (1), *горделивый* (1), *дики и бегучи* (1), *спесив и горд* (1), *храбр и горд* (1), *горд, яростен и зол* (1).

14. Fier (28) > совр. фр. *fier гордый*. Перевод Бедье: *fier* (21), *orgueilleux* (2), *hardi* (3), *fier et hardi* (1), *plein de rage, d'orgueil et de hardiesse* (1) *полн ярости, гордости и смелости*; Готье: *fier* (20), *terrible* (2), *ужасный*, *terrible et fier* (1), *belle* (1) *прекрасная*, *glorieux* (1) *славный*, *farouche* (1) *свирепый*, *ils ont assez de vaillance* (1) *у них достаточно храбрости*, *bête orgueilleuse, féroce, épouvantable* (1) *зверь*

гордый, свирепый, ужасный (о леопарде); Ярхо: *гордый/горд* (6), *прегордый* (2), *горделив* (1), *спесив* (1), *отважный* (2), *смел* (2), *спесив и горд* (1), *храбр и горд* (1), *зол* (1), *горд, яростен и зол* (1), *грозен* (1), *буйный* (1), *величав* (1), *с отважной повадкой* (1), *победой горд* (1), *надменный* (1) (о персонаже, а не о его речи как в оригинале), *суров* (1), перифраза: *надменно и свирепо* (1). В двух случаях перевод *fiere* отсутствует (ст. 895 и 1888).

15. *Vaillant* (10 — о людях) > совр. фр. *vaillant* *смелый*. Бедье переводит исключительно *vaillant*; Готье — 9 раз как *vaillant* и один как *brave* *смелый*; Ярхо не повторяет переводы: *храбрый, смелый, храбр, смел и храбр, удал, отважный, благородный, латный, муж великих сил, бароны-господа*.

16. *Vertuus* > совр. фр. *vertueux* встречается в тексте однажды и переведено Бедье как *puissant* *могучий*; Готье — *intrépide* *смелый*; Ярхо — *доблестный*.

17. *Vertudable* (1), этимологически родственное *vertuus*, не вошло в словарный состав современного французского языка. Переведено Бедье как *vaillant*, Готье — перифразой *d'un très vigoureux coup* (*разит врага*) *очень сильным ударом*, Ярхо — *ратоборный*.

18. *Franc* (57) > совр. фр. *franc*: 1. *франк, франкский* (52). В «Песни о Роланде» *franc* употребляется наравне с *franceis* *французы*, когда речь идет о национальной принадлежности героев. В этом случае Бедье переводит ст. фр. *franc* современным дериватом 31 раз, 21 раз — как *français* *французы*; Готье употребляет в переводе *franc* 11 раз, *français* 39 раз, а также прибегает к заменам: *toute l'armée* *вся армия*; *ils* *они*. Переводы Ярхо более разнообразны: *франк/франкский* (34), *французский* (1), далее: *рыцарь, кметь, полк, франкское войско, франкские бойцы, франкская рать, французский барон, барон* и местоимения *те, он* (о Карле Великом). В семи случаях перевод отсутствует (ст. 321, 587, 1212, 2907, 2932, 3196, 3694). 2. *свободный* (5). Бедье переводит трижды как *franc*, один раз как *de France* *из Франции* и *poble* *благородный*. Готье — дважды как *franc*, один раз *de France*, а также *libre* *свободный*, *de noble race* *благородной расы*. Ярхо переводит: *вольный* (3), *отважный* (1), *свободный* (1).

19. *Prouz* (20 — о воинах) соответствует совр. фр. *preux* *богатырь, храбрый*. Бедье переводит *preux*, за исключением *sage* *мудрый* и *de très grande prouesse* *обладающий очень большой доблестью*. Переводы Готье: *preux* (11), *brave* (3), *vaillant* (2) и перифразы с *prouesse* (2) *доблесть* и *valeur* (2)

доблесть. Ярхо: *смел* (3), *храбрый*¹ (2), *храбр* (2), *благородный* (2), *удалой* (2), а также: *знаменитый*, *отважный*, *горд*, *честен*, *премудр*, *боец*, *герой*, *хорош народ наш ратный*. В ст. 986 перевод *groz* отсутствует.

20. *Gentil* (15) > совр. фр. *gentil милый, любезный*. Перевод Бедье: *gentil* (9), *poble* (4), *haut* (1) *высокий*, *mieux pé* (1) букв. «лучше рожденный»; Готье: *gentil* (1), *poble* (10), *gentilhomme* (2) *дворянин*, *vaillant* (1), *grand*, *poble* (1) *великий, благородный*. Ярхо: *знатный* (4), *высокородный* (3), *благородный* (2), *державный* (2), *родовит* (1), *муж великих сил* (1), *как рыцарю пристойно* (1). В ст. 2363 *gentil* не переведено.

21. *Vassal* (31) > совр. фр. *vassal вассал*. Перевод Бедье: *vassal* (13), *vaillant* (11), *baron* (2) *барон*, *hardi* (1) *смелый*, *chevalier* (1) *рыцарь*, *guerrier* (1), *preux* (1). Перевод *vassal* в ст. 133 отсутствует. Этот стих объявлен Бедье «locus desperatus». Готье переводит: *vassal* (14), *vaillant* (2), *soldat* (8) *солдат*, *baron* (3), *brave* (2) *смелый*, *chevalier* (1), *sans peur* (1) *без страха*. Ярхо переводит: *вассал* (20), *доблестный вассал* (1), *отважный вассал* (1), *рать* (2), *слуга* (2), *боец* (1), *вой* (то есть воин) (1), *смелый* (1), *герой* (1), *храбр* (1).

22. *Chevalerus* (1) соответствует совр. фр. *chevaleresque рыцарский*. Бедье перевел перифразой со словом *chevalerie рыцарство, рыцарский подвиг*; Готье — *chevaleresque*; Ярхо — перифразой *рыцарь хоть куда*.

23. *Bar* (*baron*) (103) > совр. фр. *baron барон*. Перевод Бедье: *baron* (72), *preux* (16), *puissant* (1) *могущественный*, *vaillant* (11), *hardi* (1), *raien* (1) *язычник*; в ст. 2617 *bar* не переведено. Перевод Готье: *baron* (90) *vaillant* (3) *brave* (1), *émir* (1) *эмир*, *puissant* (1), *Roland* (1) *comte* (1), *граф*, *preux* (1), *chevalier* (1), *sire* (1) *сеньор*, *il* (1) *он*. Ярхо переводит: *барон* (43), *боец* (5), *баронский* (1), *баронат* (1), *витязь* (2), *воин* (1), *рыцарь* (4), *славен* (1), *геройски* (1), *как надлежит барону* (3), *паладин* (3), *вассал* (3), *франк* (2), *кметь* (2), *господин* (1), *знатный* (1), *властелин* (1), *государь* (1), *граф* (1). В остальных 26 случаях перевод *bar* отсутствует.

24. *Bon* (51) > совр. фр. *bon хороший, добрый*. Перевод Бедье: *bon* (43), *vaillant* (3), *hardi* (1), *vrai* (1) *истинный*, *beau* (1) *прекрасный*. В ст. 1301 и 3116 перевод *bon* отсутствует. Готье переводит: *bon* (38), *poble* (5), *beau* (2), *meil-*

¹ В ст. 794 речь идет о Джержере, в то время как Ярхо относит характеристику к Джерину.

leur (1) *лучший*, excellent (1) *превосходный*, pareil (1), *подобный*, âme bonne (1) *добрая душа* (это о доблестных рыцарях Роланде и Оливьере, готовящихся к предстоящему тяжелому бою!). В ст. 1344, 158 перевод bon отсутствует. Ярхо переводит: *добрый* (17), *лихой* (2), *отменный* (2), *прочный* (2), *древний* (1), *легко* (1), *острый* (1), *чудный* (1). В остальных случаях перевод bon отсутствует.

Переводы ключевых слов в «Песни о Роланде», то есть лексем, соотносимых с морально-этическим нормативом феодального периода, часто не совпадают в трех рассмотренных вариантах. Каждая из 25 лексем имеет своим основным значением «доблестный», «характеризующий доблестного рыцаря». Однако это значение многих старофранцузских лексем не пережило средневековья и было изменено даже в сохранившихся в современном французском языке старофранцузских словах. Несмотря на это обстоятельство, во французских переводах четко прослеживается принцип «сохранения» старофранцузской лексемы, характерный не только для Ж. Бедье, но и для Л. Готье. Последний «реконструирует» оксфордский список «Песни о Роланде» за счет других рукописей этого текста более позднего периода и нередко отличных по форме. При этом «реконструируемый» текст нередко содержит слова и строки, не принадлежащие наиболее раннему списку, положенному в основу переводимого текста. Поэтому в переводе Л. Готье имеет место замена терминов морально-этического норматива, например: riche на gascon *гасконец*, ber на comte *граф* и т. п.

Перевод Б. Ярхо более разнообразен. Автор предлагает наибольшее число эквивалентов ст. фр. вокабул. В то же время этот перевод наименее полный, то есть в нем больше лакун, чем во французских вариантах¹.

Основные принципы перевода рассмотренных вокабул, соотносимых с морально-этическим нормативом, следующие.

1. **Семантически неполный перевод.** Ст. фр. franc передано: *рыцарь, кметь, боец, те* (местоимение). В переводе Л. Готье ст. фр. ber соответствует il *он*, а ст. фр. bon — pareil *подобный*. В этом случае перевод не противоречит оригиналу, а лишь неполно передает содержание (ослабление смысла).

2. **Семантически неточный перевод.** Ст. фр. vaillant

¹ Имеется в виду лишь пропуск ключевых слов в переводе, а не сам текст перевода.

соответствует: *латный, бароны-господа*; ст. фр. franc передается как: *франкская рать* (почему именно рать?), *барон* (для обозначения титула барона имеется специальное старофранцузское слово *ber/baron* — З. В.). Ст. фр. ber переведено Л. Готье как *émir эмир*, и *sire сеньор*, а Ж. Бедье — как *раіеп язычник*. Л. Готье переводит *vassal* как *барон*.

В данном случае в тексте оригинала подчеркиваются боевые качества воина, то есть речь идет, прежде всего, о его доблести. В рассмотренных переводах на первый план выступает иная характеристика воина, также присущая ему, но не главная для переводимых контекстов. Таким образом, вместо основного признака объекта указан один из сопутствующих, но также свойственных ему.

3. Неверный перевод. Смысл перевода противоречит оригиналу. Ст. фр. franc передается как *он*, то есть Карл Великий. В данном контексте (ст. 1704) речь идет не об императоре Карле, а о франках, так что перевод неверен. Найм разит сарацина Мальпрамиса как доблестный воин: *сум хуме вертудабле*. Л. Готье переводит: *d'un très vigoureux coup очень сильным ударом*, то есть речь идет о другом объекте (ст. 3423). Ст. фр. *vassal* передано Б. Ярхо как *рать*, хотя в тексте говорится обо всех людях Карла Великого, а ст. фр. *ber* — как *государь*. Однако *ber* никогда не имело такого значения.

4. Усиление. Многие ст. фр. слова, которые сохранились в современном языке и не утратили сему «доблестный», все же подверглись семантическому «ослаблению», как например, *vassal*. Поэтому правомернее, исходя из семантики ст. фр. *vassal*, переводить последнее не просто как *вассал*, а как *доблестный вассал, отважный вассал*; ст. фр. *cumbatanz* — не просто как *воин*, а как *храбрый воин*. Ст. фр. *gentil* Ж. Бедье перевел как *grand, noble великий, благородный*. Во многих других случаях во французских переводах приводилось только *noble благородный* как коррелят ст. фр. *gentil*. Хотя *grand, noble* не раскрывают полностью семантику *gentil*, все же их парное употребление правомернее, чем употребление одного *noble*.

5. Употребление исторических слов. Можно считать очень удачным перевод средневековых лексем историческими коррелятами, так как последние, как и средневековые вокабулы, соотносимые с морально-этическим нормативом, в большей степени синкретичны и семантически емки, чем современные корреляты. Французские филологи передают *proz* как *ргеих богатырь, доблестный воин*. Б. Ярхо пере-

вел ст. фр. *vassal* древнерусским *храбр*, означающим «воин», «доблестный рыцарь».

Итак, основным недостатком перевода средневекового текста¹ является «осовременивание» его смысла, происходящее в большинстве случаев из-за экстраполяции современных категорий в средневековье. Разумеется, многие категории средневековой культуры, получившие отражение в текстах, утрачены в настоящее время. Поэтому не всегда возможен точный перевод. В этом случае одним из решений проблемы перевода является перифрастический перевод; то есть передача содержания описательными конструкциями. К такому переводу часто прибегает Б. Ярхо. При этом ст. фр. слову соответствует иногда словосочетание, иногда более сложная синтаксическая конструкция. Наиболее существенным моментом при переводе является передача содержания без искажения, а не формальные соответствия.

Для адекватного перевода средневекового текста необходимо учитывать его специфические особенности, то есть семантику ключевых слов. Любой перевод должен быть не только доступным для читателя, но и исторически верным.

Н. М. Павлова

(Ростов-на-Дону)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ КАК КОМПОНЕНТ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА

Целью данной статьи является попытка провести сопоставительный анализ значений стилистически маркированных слов при их переводе с английского языка на русский. Решение вопроса адекватной передачи словарного значения, осложненного, с одной стороны, отнесенностью этого слова к стилистически сниженным пластам лексики, а с другой стороны, эмоциональными нюансами, является исключительно сложной и деликатной задачей. Как справедливо замечает А. В. Федоров, «в области грамматики у лингвиста, занимающегося сопоставлением, более твердая почва под

¹ Мы не затрагиваем проблемы перевода так называемых «темных мест».

ногами, чем в области лексики, и более очевидны критерии для обобщения наблюдений. В лексике же каждый элемент, каждое явление имеет более индивидуальный характер, а все они, вместе взятые, с большим трудом поддаются обобщению в сопоставительном плане в силу огромного своего разнообразия и пестроты¹. Однако попытка провести такое сопоставление является правомерной. Она основывается на конкретных наблюдениях удач и неудач переводчика. Эти факты требуют специального анализа, объяснений, обобщений.

Материалом для анализа послужила известная повесть Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»². Эта книга привлекла и продолжает привлекать огромное внимание лингвистов, литературоведов, критиков как отечественных, так и зарубежных (К. Чуковский, Вл. Россельс, А. Кунин, В. Хомяков, Д. Костелло и многих других). Повесть Сэлинджера переведена на 17 языков³, и в каждой стране это произведение нашло отклик у широкой массы «рядовых» читателей и «читателей-специалистов».

В плане сопоставительной стилистики, насколько нам известно, эта повесть специально не изучалась, однако признание достоинств перевода и попытка проникнуть в мастерскую переводчика⁴ свидетельствуют о больших возможностях такого анализа. Следует сразу оговорить, что проблема перевода интересует нас только в тех случаях, когда она «становится проблемой сравнительной стилистики двух языков, языка оригинала и языка перевода»⁵. Мы остановимся на случаях, представляющих наибольший интерес в плане данного исследования, — на наиболее типичных словоупотреблениях, нарочито навязчиво повторяемых автором, а следовательно, включенных в его посылку в качестве эстетически значимых элементов.

¹ А. В. Федоров. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., «Высшая школа», 1971, с. 15.

² J. D. Salinger. The Catcher in the Rye. M., Progress Publishers, 1968. Перевод с английского Р. Райт-Ковалевой. М., «Молодая гвардия», 1965.

³ "A Salinger Bibliography by Donald M. Fiene. Wisconsin Studies in Contemporary Literature, v. 4, No. 1, 1963.

⁴ См., в частности: Вл. Россельс. В мастерской переводчика. «Тетради переводчика», № 3, М., «Международ. отношения», 1966.

⁵ И. Р. Гальперин. Перевод и стилистика. В сб.: «Вопросы теории и методики учебного перевода». М., Изд-во Акад. пед. наук. М., 1950, с. 136.

Повесть Сэлинджера представляет собой страстный монолог подростка, изливающего истерзанную душу читателю, вовлекающего его во все свои мытарства и неудачи и требующего от читателя активного сопереживания. Холден Колфилд, герой повести — шестнадцатилетний парень, чуткий, добрый, легко ранимый, с неуравновешенной психикой, эксцентричными порывами, мыслями, языком. Язык Холдена, являющийся целью нашего исследования, представляет собой формально выраженную сущность, являющуюся реализацией всех других вышеперечисленных характеристик героя. Именно специфика речи Холдена раскрывает перед нами и его сомнения, и незрелость его ума, и его отношение к действительности, представляющее собой сложную гамму чувств, где презрение может граничить с безразличием, а любовь — с ненавистью. Однако главное, что обращает на себя внимание читателя, «слушающего» сбивчивую речь Холдена, — это специфика молодежного жаргона, в котором сосуществует, своеобразно переплетаясь и взаимодействуя, с одной стороны, яркость, образность, эмоциональность, а с другой стороны, — уродство языка и ущербность речи, когда навязчивое повторение одного элемента нередко свидетельствует о скудости мысли и убогом словаре. Ведь язык и сознание образуют неразрывное единство; «сознание ... с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока существуют люди»¹.

Речь Холдена — это художественный образ «реальной» речи героя, художественное изображение речи соответствующей социальной среды. Речь персонажа становится явлением эстетическим², входит в изображение характера в целом и тем самым становится носителем стиля³. Нам представляется правомерным мнение о том, что, исследуя художественное произведение, «необходимо подойти к нему как к самобытному, имеющему свой «закон», свою собственную

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 3, М., Политиздат, 1955, с. 29—30.

² «Эстетика — это наука о красоте и безобразии, о любви и ненависти, о счастье и горе, о грусти и ярости, о высоком и низком, о смешном и трагическом, — иными словами, это наука о всех наших высших духовных, социальных чувствах, при помощи которых мы оцениваем окружающий нас мир, выражаем свое к нему отношение». (А. Н у й к и н. Еще раз о природе красоты. «Вопросы литературы», № 3, 1966, с. 106)

³ См. об этом: А. Н. С о к о л о в. Теория стиля. М., «Искусство», 1968, с. 197.

необходимость и свободу явлению; изучение связей произведения с иными реальностями выступает в этом случае лишь как подступы к работе»¹.

Из вышесказанного очевидно, что, с одной стороны, язык Холдена следует рассматривать как явление социальное, отражающее его принадлежность к определенному социальному типу (поэтому каждое, особенно стилистически маркированное слово героя, несет специфическую сложную информацию), а с другой стороны, необходимо учитывать внутренние закономерности самого произведения, глубинные законы его строения: характеры, композицию, речевой поток, то есть все то, что дает право переводчику строить русский текст непосредственно, как первичный, оригинальный². Именно этим правом нередко и с успехом пользуется Р. Райт-Ковалева, находя адекватные замены при переводе и сохраняя все основные оттенки информации, заложенные в оригинале. Так, на с. 103 читаем: ... break his goddam jaw. В сочетании goddam jaw помимо информации, связанной с предметно-логическим значением сочетания — *проклятая челюсть*, заложена эмоционально-оценочная информация. Контекст-ситуация дает основание расшифровать ее как фамильярно-презрительную. Перевод этого сочетания на русский язык словом *морда* представляется адекватным, так как в нем сохранена вышеупомянутая оценочность, которая в данном контексте является главенствующей. Далее на с. 210 автор описывает воспоминания Холдена о том времени, когда он водил маленькую Фиби гулять в парк и кататься на каруселях, которые она особенно любила: You couldn't get her off the goddam thing. Из контекста-ситуации очевидно, что Холден вполне доброжелательно относится и к самой карусели, и к пристрастию Фиби. Однако слово goddam вносит в данное высказывание определенную эмфазу, которую можно охарактеризовать как добродушно-снисходительную. Поэтому русский перевод: «Бывало, никак ее не стащишь», сохраняющий эту эмоциональную атмосферу, представляется удачным.

Остановимся еще на одном примере из многих: Then she sat down on my goddam lap (с. 110). Это описание отвратительной сцены в номере, когда Холден попал в переплет с девицей из «штата» гостиницы. Данная ситуация дает ос-

¹ В. В. Кожин о в. Зачем изучать литературное произведение? В сб.: «Контекст. 1973», М., «Наука», 1974, с. 192.

² См. об этом: Вл. Россельс. Указ. соч., с. 8.

нование для следующей интерпретации. Очевидно, что Холден был обескуражен, напуган и взбешен чрезмерно агрессивными действиями девицы. Эти эмоции концентрируются в английском слове *goddam*. Однако едва ли было бы правильно перевести это предложение так: «затем она села на мои чертовы колени». Неправильно потому, что в русском варианте ясно прослеживается эмоциональная направленность слова *чертовы* на слово *колени*. А это искажает всю ситуацию. Поэтому перевод Р. Райт-Ковалевой — «и вдруг плюхнулась ко мне на колени» — является интересной стилистически выдержанной находкой.

Однако в переводе повести немало случаев, когда стремление переводчицы строить русский текст, исходя только из общей атмосферы повествования, а не из конкретных слов, приводит к нагнетанию эмоциональной атмосферы или к ее явному смягчению. Начнем анализ с первого случая, то есть с чрезмерной концентрации эмоций. В оригинале на с. 135. Салли следующим образом отзывается о волосах Холдена. *And your hair's so lovely*. На что Холден реагирует (про себя): *Lovely my ass*. В русском переводе читаем: «А у тебя такие чудные волосики!» «Волосики» — лопнуть можно!» (с. 102). Переводчица использует уменьшительно-ласкательную форму *волосики* в качестве эквивалента нейтрального английского слова *hair* для того, чтобы в следующей реплике Холдена заставить героя возмутиться этой слащавой манерой Салли выразаться. Такой переводческий прием, нередко оправдывающий себя (см. выше), в данном случае излишен, так как слово *lovely* уже само по себе могло вывести Холдена из себя. Ведь так и было на самом деле. Для Холдена слово *lovely* в устах мещанки Салли звучало слащаво-вульгарно не потому, что оно относится к низким словам по общей оценке, а вследствие окраски, приобретенной им в вульгарной, с точки зрения Холдена, среде, где оно обращалось и откуда это слово стало ему известно¹ (ср. с русскими словами *шик*, *шикарный*, *чудненький* и т.п.). Таким образом, перевод: «У тебя такие чудненькие волосы! «Чудненькие» — лопнуть можно» был бы гораздо ближе к истине и не потребовал бы от переводчицы дополнительных усилий, в результате которых происходит нагнетание несуществующих эмоций. Причем в предлагаемом нами варианте стилистические характеристики высказывания пол-

¹ См. об этом: Л. А. Булаховский. О слове как предмете изучения. «Русский язык в школе», № 3, 1955, с. 9.

ностью сохранены. В равной мере Холден не приемлет слова типа *marvellous, grand* и т. п., которые в устах той же Салли звучат искусственно, сентиментально, вульгарно. Следует отметить, что при всей своей несобранности и эксцентричности Холден безошибочно угадывает в людях фальшь, неискренность, душевную пустоту. И неслучайна активно отрицательная реакция Холдена на слова типа *grand*. Известный лингвист, специалист по стилистически сниженным пластам лексики Э. Партридж отмечает, что слова *grand* следует избегать главным образом потому, что оно заменяет мысль лентяю (*a lazy man's substitute for thought*)¹.

Следует остановиться на ряде примеров того как переводчик вводит дополнительные, и нередко активно недоброжелательные, эмоции — личные выпады, не запланированные автором повести. Так, на с. 61 мы читаем: ...when I heard his *goddam stupid* footsteps. Русский перевод звучит так: «...как он *мерзавец* подходит». Можно предложить несколько вариантов перевода, передающих недоброжелательное отношение Холдена к Стрэдлейтеру (переводчица неоднократно демонстрировала свое мастерство именно в этом плане), но исключающих личное оскорбление, которое делает героя более агрессивным, чем он есть на самом деле. Эту мысль подтверждают следующие примеры: 1. ...in that *goddam* Ed Banky's car (92) «в машине этого *подлого* Бэнки»; 2. ...with Stradlater in that *damn* Ed Banky's car «с этим *подлым* Стрэдлейтером в этой *чертовой* машине». Во-первых, английские примеры объединяет однотипность модели, то есть «чертыхание» в адрес машины, которая помогла совершиться злу. В русских переводах личные выпады распределяются между Бэнки и Стрэдлейтером. Причем, если в первом примере это еще можно как-то объяснить, то во втором переводчица явно «переиграла», употребив слова с активным отрицательно эмоциональным зарядом не по адресу и в двойной дозе. На подобное «переигрывание» переводчицы совершенно справедливо указывал Вл. Россельс².

В дополнение к вышеприведенным примерам остановимся еще на одном случае перевода, отличающемся особенным усилением эмоционального накала: Hold the *sonuvabitch* up! Hold it up, for *Chrissake!* (197) «Держи ее, *чертову* куклу,

¹ E. Partridge. Usage and Abusage, Baltimore, 1963, p. 140.

² См.: Вл. Россельс. Указ. соч., с. 15.

крепче держи, *так ее и так*). Что касается соотношения английского *sonuvabitch* и русского *чертова кукла*, то оно представляется адекватным во всех стилистических измерениях, в частности, по стилистической отнесенности этих единиц (сниженный пласт) и по эмоциональной коннотации (грубо-неодобрительно). Возражение вызывает передача междометия *for Chrissake* русским выражением *так ее и так*, в котором, несмотря на его эвфемистический характер, явно прослеживается довольно ядреное семантическое наполнение. Адекватным был бы перевод типа *Черт возьми!*, тем более, что автор перевода не раз прибегал к этой модели (с. 52, 66, 98 и мн. др.).

Заслуживают также внимания случаи перевода, объединенные тенденцией (вольной или невольной) смягчать выражения героя, то есть видоизменять стилистические коннотации при переводе. Так, на с. 57 герой говорит: *...sitting agound on our ass*; перевод дан такой: «торчать дома». Нельзя сказать, что перевод нейтрален. Слово *торчать* в значении «быть, находиться» включает в свою семантическую структуру неодобрительный оттенок значения. Однако в оригинале, помимо неодобрения, ярко выражена эмоция грубости, вульгарности, поэтому перевод типа «протирать зад дома в кресле» был бы тем выражением, которое так естественно звучит в устах Холдена и ему подобных подростков. Тот же недостаток (игнорирование грубости выражения в английском варианте) присущ следующему примеру: *I doubt if he ever even gave anybody a feel* (59). В русском переводе читаем: «едва ли до кого-нибудь дотронулся». Более подходящим по вышеизложенным причинам представляется вариант: «наверное, никого и не тискал никогда». Может быть, переводчица сознательно избегала слов типа *зад*, *тискать* и т. п. как шокирующих русского читателя. Если так, то это — излишняя осторожность, во-первых, потому что эти слова довольно широко используются в русской литературе, а во-вторых (и это главное!), такие слова и существуют для того, чтобы именно шокировать, иначе многое теряется из специфики «стиляжного» жаргона, а следовательно, герой предстает перед нами в несколько видоизмененном, облагороженном виде.

В непосредственной связи с последним замечанием находится тот факт, что переводчица стремилась «сгладить углы» косноязычной речи Холдена. Поэтому его собственное замечание — *I have a lousy vocabulary* (34) «не хватает слов» (русский перевод) — не вполне оправдано примени-

тельно к Холдену в русском варианте. Однако это замечание абсолютно справедливо применительно к настоящему Холдену, к такому, каким его создал Сэлинджер. Речь сэлинджеровского героя полна слэнговых словечек, вульгаризмов, идиом типа *sort of, kind of*¹ и просторечных речений типа *and all, and everything* и т.п., которые являются словами-паразитами. Так, сочетание *and all* употреблено в повести 339 раз, то есть в среднем около двух раз на каждую страницу (не считая синонимического выражения *and everything*, которое удвоило бы эту цифру). И в то же время в русском переводе это сочетание в подавляющем большинстве случаев никак не передается. Причем в данном случае дело не в том, что теряется какая-то информация, заложенная в этой единице. Теряется, на наш взгляд, гораздо большее: стилистическая окраска речи (а следовательно, и характера) героя, одним из элементов которой является навязчивое повторение сочетания *and all*, заполняющего паузы в речи Холдена, который не терпит пустоты, но не всегда может вовремя подыскать точное слово. Эта характеристика речи подростков не является чем-то типично американским, недоступным пониманию русского читателя. Само существование термина «слова-паразиты» говорит о достаточной распространенности этого явления в русской речи. Речь «русского» Холдена облагорожена в определенной мере, в частности за счет того, что из его естественного лексикона вынесен весь «мусор». Это — несомненное игнорирование стилистических норм, общих для сравниваемых языков. Такие русские слова, как *вообще, все такое* и т. п. смогли бы быть стилистически адекватными заменителями сочетания *and all*. С другой стороны, автор перевода нейтрализует многие слова, которые в английском варианте, то есть в оригинале, имеют постоянную негативную эмоциональную оценочность и являются стилистически маркированными. Так, на протяжении всей повести слово *dough* переводится только как *деньги*. Существуют, несомненно, такие случаи, когда приходится смягчать эмоциональную силу некоторых слов. Это в основном относится к переводу так называемых *four-letter words* и других непристойностей, встречающихся в повести. Здесь сказывается определенная разница в существую-

¹ См. интерпретацию этой идиомы: В. А. Х о м я к о в. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. Вологда (Волог. пед. ин-т.), 1974, с. 71.

щих этических и других социальных критериях двух различных обществ. Но в вышеприведенном примере подобные трудности не должны возникать. Вопрос заключается только в определении адекватной языковой единицы в языке перевода. В системе английского языка слово *dough* (по данным словарей) относится к слэнгу и включает в себя, помимо предметно-логического, эмоционально-оценочное значение, которое можно охарактеризовать как фамильярно-снишодительное. Не составляет большого труда найти в русском языке близкий эквивалент. Им может быть слово «*бабки*», которое звучит естественно в устах подростков типа Холдена Колфилда. Представляется совершенно необходимым именно так перевести слово *dough* еще и потому, что автор, наряду с этим словом, употребляет и его нейтральный синоним — *money*. Это говорит о том, что автору небезразлична эмоциональная оценочность, которая заключена в разных единицах с общей предметной отнесенностью. Именно поэтому представляется, что переводчик не вправе вольно обращаться с дополнительными стилистическими коннотациями значений слов.

Следует, однако, отметить, что вопрос адекватности перевода упирается не только в подбор языковых единиц, равнозначных в обоих языках со всех точек зрения, включая стилистическую. Нередко в этот процесс вовлекается проблема экстралингвистическая, связанная, например, с целью показать именно американского подростка, а не подростка вообще. Так, следуя схеме вышеприведенного анализа слова *dough* и его русского эквивалента «*бабки*», мы могли бы предложить перевести английское слово *buck* русским словом «*рэ*» (*рубль*), так как оба эти слова являются единицами молодежного жаргона соответственно английского и русского языков и оба включают в свою семантическую структуру фамильярно-снишодительный оттенок значения. Но употребление американским парнем слова «*рэ*» в значении *рубль* кажется неестественным, так как *рубль* — это чисто русская реалья. Поэтому в данном случае слово *доллар* представляется единственно верным переводом. Но слово *buck* встречается в повести и в следующем сочетании: *It cost him damn near 4000 bucks*. Переводчица просто опускает слово *buck* из перевода. Это вполне приемлемый вариант, так как основная информация сохранена. Но исчезли стилистический колорит и эмоциональная оценочность, присущая слову *buck*. В данном контексте все это можно было бы легко сохранить при помощи следующего перевода:

«Выложил за нее чуть ли не 40 кусков». Слово «кусок», с одной стороны, так же как слово *biscuit*, относится к молодежному жаргону, а с другой стороны, включает в свою семантическую структуру фамильярно-снихождительный оттенок значения.

Нам представляется, что перевод повести во многом проигрывает от того, что в него не включены жаргонные словечки типа «кусок», «бабки», «кореш» и т. п. Как справедливо отмечает Т. Г. Винокур, если заменить жаргонное слово «корешок (кореш)» его нейтральным эквивалентом — *приятель*, выражение утратит свой первоначальный смысл, так как объем и состав значений слов *приятель* и *кореш* не совпадают. «Кореш» — это «особый» приятель, это и собутыльник и сообщник по всякого рода сомнительным развлечениям, авантюрам, но в то же время это в большей степени «друг», чем «приятель»¹. Все эти дополнительные смыслы дают основание выделить в слове «кореш» эмоциональное значение — дружески-снихождительное. Этот детальный анализ различия между парами слов: *приятель* — «кореш»; *деньги* — «бабки»; *4000 рублей* — *40 кусков* и т. п. — наглядно демонстрирует исключительно важную роль стилистических соответствий для передачи адекватной характеристики персонажей.

Большой интерес для сопоставительного анализа представляют так называемые слова с широкой семантикой. Обозначая широкое по объему понятие и обладая недифференцированным значением, такие слова охватывают ряд понятий, обозначаемых в другом языке разными словами². Мы имеем в виду в первую очередь эмоционально-оценочные прилагательные, обозначающие положительные эмоции: *terrific*, *grand*, *marvellous* и т. п. и отрицательные эмоции: *goddam*, *damn*, *bloody* и т. п. Остановимся особо на слове *goddam*, которое является любимым словом Холдена. Мы зафиксировали 37 вариантов перевода этого слова на русский язык (повторения в расчет не принимались). Перечислим эти варианты с указанием страниц английского текста, где встречается данное слово: 1. дурацкий (44), 2. весь (44), 3. роскошный (40), 4. еще (44), 5. ни черта (45), 6. гнусные (46), 7. настоящий (47), 8. черт знает какие (48), 9. треклятый

¹ См. об этом: Т. Г. Винокур. Синонимия и контекст. В сб.: «Вопросы культуры речи», № 5, М., «Наука», 1964, с. 36.

² См.: В. Г. Гак. Беседы о французском слове. М., «Международные отношения», 1966, с. 82.

(проклятый) (48, 96), 10. ничего (50), 11. к чертям собачьим (51), 12. какое-то (51), 13. это чертово (51), 14. самого (52), 15. черт подери (52), 16. идиотские (54) 17. какая-нибудь (там) (58), 18. громкие (61), 19. форменный (61), 20. собственная (61), 21. в одних (63), 22. подлая (64), 23. этот наш (72), 24. телефончик (73), 25. к несчастью (87), 26. все время (90), 27. каждую (100), 28. поганые (103), 28. на черта (103), 29. ужасный (119), 30. пижонский (138), 31. огромный (158), 32. хорошая (164), 33. бездарные (173), 34. до черта (176), 35. что-то вроде этого самого (180), 36. эти (187), 37. нелепый (206). Мы специально перечислили зафиксированные варианты перевода одного английского слова *goddam*, чтобы наглядно представить диапазон эмоциональной функции этого слова. *Goddam* приложимо к фактически неограниченному кругу понятий, а его эмоциональная функция чрезвычайно разнообразна: в некоторых контекстах слово *goddam* становится семантически конкретным, и тогда переводчица передает его словами с конкретной предметно-логической отнесенностью (*громкий, роскошный, пижонский* и т. п.). В этих случаях слово *goddam* может выполнять три основные стилистические функции: описательно-изобразительную, оценочно-изобразительную и оценочно-характеристическую. В других контекстах это слово выступает как «бесцветный» интенсив (*весь, каждый, самый* и т. п.). И, наконец, это же слово может звучать как грубое ругательство, то есть выполнять свое прямое назначение эмоциональной оценки. Такие функциональные вариации слова *goddam* зависят, в первую очередь, от ситуации общения, то есть от того, как и при каких обстоятельствах данное слово было употреблено. Мы вполне согласны с Дж. Майлзом, что наличие слов еще не говорит о наличии эмоций, обозначаемых этими словами¹. Закон языка предполагает, что при чрезмерном употреблении какого-нибудь слова, оно (это слово) теряет свою силу и назначение. Особенно, на наш взгляд, это относится к словам, призванным служить «клапаном» для выхода эмоций. Именно этот процесс происходит со словом *goddam*. Оно употребляется автором не только и не столько в его первоначальном значении, а скорее как средство передачи сиюминутных эмоций героя. Эти эмоции могут быть положительными, отрицательными

¹ J. Miles. Words and the Vocabulary of Emotion. N.Y., 1965, p. 95.

и даже нейтральными. Все эти нюансы эмоциональных оттенков мастерски передает переводчица.

Однако следует отметить, что почти в половине случаев слово *goddam* вообще никак не было переведено на русский язык. Анализ показал, что полное опущение этого элемента из перевода в подавляющем большинстве случаев является неправомерным, так как при этом теряется своеобразная манера Холдена выражать свои мысли. Эту манеру можно охарактеризовать как небрежно эмоциональную. Мы приведем несколько примеров из оригинала со словом *goddam*, которому нет эквивалента в русском тексте, и предложим возможные варианты перевода. Так, сочетание *goddam gorgeous hair* (55) на русский язык переводится как *роскошные кудри*. Можно было бы стилистическую коннотацию слова *goddam* передать интенсивом *ослепительно*, который выразил бы явную насмешку героя над пижонами типа Стрэдлелтера. Сочетание *half his goddam life* (55) переводится как *половину своей жизни*. Можно было бы использовать в переводе слово «драгоценной (жизни)». Это — привычное русское сочетание с насмешливым оттенком значения, то есть стилистически адекватное оригиналу. Число подобных примеров можно было бы умножить, но, на наш взгляд, и приведенных достаточно, чтобы доказать неслучайность авторских повторений, а также тот факт, что игнорирование этих «примелькавшихся» элементов видоизменяет стилистическую тональность текста.

Рассмотренное выше прилагательное *goddam* является по природе своей эмоционально-оценочным. Но в анализируемой повести читатель неоднократно сталкивается со словом *old*, основное значение которого является нейтральным, логически-оценочным, однако в его семантической структуре выделяется эмоциональный элемент — фамильярно-ласкательный. В повести *old* употребляется Холденом в отношении самых различных персонажей, начиная от отвратительного швейцара в гостинице (*old Maurice*) и кончая самой большой привязанностью Холдена — его сестренкой (*old Phoebe*). Исходя из этих наблюдений, мы должны сразу исключить однозначную стилистическую функцию слова *old* в данной повести. Оно не может употребляться только как ласкательное слово (см. рекомендации словарей) и тем более только в своем основном предметно-логическом значении. В повести Сэлинджера были зафиксированы эмоционально-оценочные значения слова *old*, передающие, с одной стороны, добродушие, привязанность, восхищение

героя (все эти эмоции относятся к положительной сфере), а с другой стороны, выражающие презрение, сарказм и т. п. (эти эмоции относятся к отрицательной сфере). И, наконец, слово *old* (как и *goddam*) может выступать интенсивом без выражения определенных эмоций. Переводчица находит очень интересные решения для передачи всех разнообразных нюансов значений на русский язык. Это тем более интересно потому, что русскому прилагательному *старый* несвойствен такой диапазон стилистически маркированного функционирования. Приведем ряд примеров перевода слова *old* на русский язык, разграничив при этом сферы эмоциональности: 1. отрицательные эмоции: *чертов* (*old Naas*, 38), *подлый* (*old Naas*, 38), *дурак* (*old Stradlater*, 65) и т. п.; 2. положительные эмоции: *молодец* (*old Marsalla*, 41), *наш* (*old Marsalla*, 41), *сестренка* (*old Phoebe*, 198), *моя* (*old Phoebe*, 198) и т. п. Русские слова: *весь*, *этот (самый)*, *сам* и т. п. передают значения слова в контекстах, не конкретизирующих эмоции героя. Во всех перечисленных примерах, на наш взгляд, сохранена ситуативная стилистическая функция слова *old*, которое также относится к группе слов с широкой семантикой (см. выше), а следовательно, требует от переводчика особенно деликатного подхода.

Проведя анализ ряда стилистически маркированных лексических единиц в повести Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и способов их передачи на русский язык, мы можем сделать вывод о том, что только при сопоставительном анализе можно вскрыть новые факты, свидетельствующие об общности и различии сравниваемых языков¹, что каждый язык имеет свои неспецифические приемы передачи эмоциональных значений, которые восходят, однако, к общности психологических реакций людей. Мы не подвергали специальному анализу многочисленные просторечные слова и речения, которыми изобилует речь Холдена и которые, как правило, переводятся на русский язык без дополнительных стилистических коннотаций, свойственных оригиналу. Такой анализ намного увеличил бы объем статьи. Отметим только, что в ряде случаев переводчица справедливо избегает русских просторечий, так как роль просторечий и вульгаризмов в русском языке не так значительна, как в английском².

¹ См. об этом: В. Г. Гака. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова. «Вопросы языкознания», 1966, № 2, с. 98.

² См.: А. В. Федоров. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., «Высшая школа», 1971, с. 14.

Об этом свидетельствует современная художественная литература и специальные словари (английский язык) или их отсутствие (русский язык).

В заключение отметим, что обилие эмоционально-оценочной лексики в художественном произведении определяет вполне конкретную его модальность, то есть авторское отношение к описываемому, определенную прагматическую направленность текста. По справедливому замечанию И. Р. Гальперина, «значительную роль при выявлении модальности текста играет система стилистических приемов литературной обработки, в особенности средства образности, эпитеты, повторы и др., и более глубокий анализ энтропии семантических элементов, разбросанных в тексте и не всегда доступных декодированию»¹. Таким образом, только детальный сопоставительный анализ может помочь переводчику адекватно передать эту направленность текста, не игнорируя стилистический аспект информации, так как он (как показал анализ) нередко является главенствующим.

С. В. Алещенок
(Москва)

ОБ ИТАЛЬЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

Повесть «Пиковая дама» была первым произведением Пушкина-прозаика, переведенным на итальянский язык. Перевод «оригинальнейшего рассказа знаменитого русского поэта» был напечатан в 1877 году в ноябрьском номере журнала «Rivista Europea» за подписью Е. Z.² Впоследствии итальянские переводчики неоднократно обращались к «Пиковой даме»; последний перевод, сделанный Леоне Гинзбургом в 30-х годах нашего века, выдержал в Италии несколько изданий³.

Особенности «нагой» пушкинской прозы (предельно лаконичной и лишенной каких бы то ни было украшений), многоплановость повествования, при которой, например,

¹ И. Р. Г а л ь п е р и н. О понятии «текст». «Вопросы языкознания», 1974, № 6, с. 76.

² См.: З. М. П о т а п о в а. Русско-итальянские литературные связи. М., «Наука», 1973, с. 208.

³ А. Р у щ к и н. Novelle e racconti. Mondadori, 1963.

многие карточные термины, широко используемые Пушкиным, приобретают символическое значение, резкая речевая индивидуализация персонажей, — все это ставит перед переводчиками немалые трудности. Е. З. и Гинзбург по-разному решают эти задачи, причем в большинстве случаев они исходят из противоположных творческих установок. В этом отношении особый интерес представляет передача ими архаического языка старой графини. Дело в том, что в прозаических произведениях Пушкин стремился к созданию «демократического национально-литературного языка на основе синтеза книжной культуры литературного слова с живой русской речью»¹. Слова и целые выражения, принадлежащие разным стилям и разным жанрам художественной литературы, разным слоям тогдашнего русского общества, сочетаются Пушкиным в композиционное единство, в некий «средний язык», который казался современникам идеальным образцом светского повествования.² На этом среднем фоне выделяется сочный бытовой язык старой графини, которая как бы отделена от других персонажей повести 60-летним промежутком (она «сохранила все привычки... и строго следовала модам семидесятых годов»).

Для создания языковой характеристики графини Пушкин вводит в ее речь типичные для барской речи XVIII века лексические и синтаксические элементы «простонародности». Советский пушкинист А. Лежнев пишет, что у Пушкина «отражен бытовой факт того времени (XVIII века): наличие «простонародного» элемента в разговорном языке всех классов общества, включая и самый «верхний»³. В современном же Пушкину языке, которым говорят другие действующие лица повести, просторечные элементы встречаются гораздо реже. Таким образом, они становятся одним из основных средств создания лексической характеристики языка графини, резко отличающим его от языка Германа, Томского, Лизаветы Ивановны. Однако Е. З. в своем переводе не только не пытается передать просторечие, но и сознательно «завышает» стиль реплик графини. Он исходит из того факта, что разные языки развиваются по-разному, и компоненты, составляющие язык соответствующи-

¹ В. В. В и н о г р а д о в . Стиль Пушкина. М., Гослитиздат, 1941, с. 6.

² См. там же, с. 529—530.

³ А. З. Л е ж н е в . Проза Пушкина. М., «Худож. лит.», 1966, с. 109.

щих социальных групп (в данном случае дворянства), неодинаковы для России и для Италии XVIII века. Поэтому, если светская речь в обоих языках допускает широкое использование галлицизмов (у Пушкина это заметно в синтаксисе высказываний действующих лиц), то просторечие (выступающее в итальянском языке преимущественно в виде диалектизмов) почти полностью исключено из языка итальянской знати. Е. З. делает акцент на социальном положении графини, и читателю кажется вполне естественным, что светская дама говорит изысканным, сдержанным языком, а не выражается близкими к речи собственных крестьян оборотами.

Однако здесь таится принципиальная ошибка, свидетельствующая о непонимании переводчиком характера творчества Пушкина. Ведь «Пиковая дама», несмотря на присутствие в содержании повести фантастических элементов, относится скорее к произведениям новой, реалистической литературы. «...Существо драматического произведения вовсе не требует того, чтобы отдельные действующие лица говорили непременно по-своему, не так, как говорят остальные, и имели свою собственную языковую маску. Задача индивидуализации изображаемого, выдвинутая в особенности драмой реалистической, ... имеет своим предметом не столько портрет персонажа, сколько его характер... В этом случае индивидуализация образа средствами языка состоит не в том, что персонажи говорят по-своему..., а в том, что они говорят сообразно их характеру».¹ Это высказывание Г. Винокура о грибоедовском «Горе от ума» можно понимать и в более широком смысле — в плане противопоставления способов создания характера, с одной стороны — в произведении зарождающегося реалистического направления вообще, будь то жанр драматический или повествовательный, и с другой стороны — в произведении литературы классицизма, где языковой портрет персонажа выступает в наиболее чистом виде; этот же прием зачастую механически переносился и в некоторые произведения других литературных направлений, в частности, романтизма, в русле которого итальянская литература, в том числе и переводная, следует вплоть до последних десятилетий прошлого века. Грубоватая резкость просторечных и разговорных оборотов речи графини не только отражает исторический факт —

¹ Г. О. В и н о к у р. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959, с. 299.

отличие современного Пушкину светского языка от языка знати XVIII века, но и определенным образом свидетельствует о характере деспотичной, капризной старухи, ее бесцеремонности по отношению к окружающим.

Вводя в речь графини книжные обороты, с тем чтобы правдоподобно отразить ее социальное положение, Е. З. лишает ее речь экспрессивности и в какой-то мере искажает авторскую трактовку ее образа. Это становится особенно наглядным при сравнении его перевода с переводом Гинзбурга, который более или менее точно следует оригиналу.

Пушкин: Столбняк ли на тебя нашел, что ли? (гл. III)¹

Е. З.: Sembri una statua.²

Гинзбург: Sei diventata scema, forse ?³

Даже учитывая сравнительную распространенность и привычность для образной системы итальянского языка слова *statua*, которое не выпадает из стилистически нейтрального плана перевода Е. З., *sembra una statua казаться статуей* резко контрастирует с просторечным *столбняк нашел* оригинала и грубым *diventata scema одуреть* варианта Гинзбурга.

Е. З. обесцвечивает язык графини, избегая, к примеру, употребления частиц, которые, напротив, у Гинзбурга сразу же переводят высказывания графини в план разговорности и, таким образом, приближают его вариант к оригиналу.

Пушкин: Лизанька, Лизанька! да куда ж ты бежишь? (гл. II)

Е. З.: Lisetta, Lisetta, dove corri?

Гинзбург: Lisagnka, Lisagnka! ma dove corri mai?

Пушкин: Что ж ты не одета? (гл. II)

Е. З.: E non sei ancora vestita?

Гинзбург: E come mai non sei vestita?

Пушкин: Да что ж карета? (гл. II)

Е. З.: E' arrivata la carrozza?

Гинзбург: Ma che n'è della vettura?

¹ А. С. П у ш к и н. Сочинения, т. III, М., «Худож. лит.», 1963.

² А. П у ш к и н. «La donna di picche». Rivista Europea, 1877, v. III — IV, fasc. 4.

³ А. П у ш к и н. «La donna di picche». А. П у ш к и н. Novelle e racconti. Mondadori, 1963.

Пушкин: Раскрой-ка первый том... (гл. II)

Е. Z.: *Apri il primo volume ...*

Гинзбург: *Apri un po' il primo volume...*

Конструкция с усилительной частицей *ma i* и местоименной *pe*, как и наречие *un po'*, имеющее побудительное значение, представляют собой почти прямые стилистические эквиваленты частицам, употребленным в оригинале.

Иногда вариант Е. Z. стилистически прямо противоположен оригиналу:

Пушкин: Был ты вчерась у ...? (гл. II)

Е. Z.: *Fosti ieri sera da ... ?*

Гинзбург: *Ieri sera sei stato dai ... ?*

Употребленное здесь *passato remoto* — простое прошедшее законченное время — используется в письменной книжной речи для обозначения действий в прошлом, не связанных с моментом речи. *Passato remoto* исключительно редко встречается в разговорной речи и тем более в связи с событиями вчерашнего вечера. Слова графини приобретают, таким образом, книжный оттенок.

С той же целью повышения стиля Е. Z. употребляет отвлеченные, описательные обороты там, где у Пушкина вполне конкретные понятия:

Пушкин: Глуха что ли? (гл. II)

Е. Z.: *Non mi senti ?*

Гинзбург: *Sei sorda forse ?*

Пушкин: Брось эту книгу, что за вздор! (гл. II)

Е. Z.: *Getta codesto libro, non val nulla.*

Гинзбург: *Lascia stare questo libro, che sciocchezze !*

Пушкин: ... нечего было наряжаться. (гл. II)

Е. Z.: *Era inutile tanta eleganza !*

Гинзбург: *... era inutile mettersi in ghingheri.*

Облагораживая язык графини, Е. Z. смягчает резкие, запелляционные приказания своенравной старухи.

Пушкин: Вели скорей закладывать карету. (гл. II)

Е. Z.: *Ti ho detto di far attaccare.*

Гинзбург: *Fa' preparare presto la vettura.*

Категоричность приказа, в точности переданная Гинзбургом, сменяется у Е. Z. холодным, высокомерным напо-

минанием. В другом случае императив заменен изящной безглагольной конструкцией.

Пушкин: Отошли это князю Павлу и вели благодарить... (гл. II).

Е. Z.: Rimandalo al principe Paolo con mille ringraziamenti.

Гинзбург: Manda questo al principe Pavel e fallo ringraziare...

Из сопоставления двух переводов видно, что Гинзбург сохраняет в своем варианте присущую языку графини экспрессивность и в основном решает задачу индивидуализации ее образа средствами языка. Близко следуя пушкинскому тексту, он, однако, впадает при этом в другую крайность: в его переводе нередко встречаются буквализмы. Для передачи эмоциональности некоторых просторечных оборотов, которая нередко содержится в уменьшительных и ласкательных суффиксах слов, Гинзбург использует обыкновенную транслитерацию: Лизанька — Lisagnka, где значение русского суффикса, разумеется, не ощущается итальянским читателем (ср. у Е. Z. — Lisetta). Правда, этот случай может быть оправдан общей современной тенденцией к транслитерированию собственных имен. Однако Гинзбургом транслитерируются и просторечные обращения: *ба^вт^вюшка* batjuska, *ма^втушка* matuska, для объяснения которых приходится прибегать к обширным сноскам, что противоречит одному из главных принципов пушкинской прозы — не отвлекать от стремительно развертывающегося повествования. Ради этой «стремительности» Пушкин жертвует отдельными подробностями и деталями, этим же объясняется заметный «сдвиг» в лексическом составе повести в пользу глагола за счет «статичных» качественных элементов — прилагательных и наречий.

Не удалось передать ни экспрессивности, ни просторечного оттенка русского междометия и в следующем случае:

Пушкин: И, мой милый! Что в ней хорошего? (гл. II)

Гинзбург: Ih, mio caro! Cosa c'è di bello in lei ?

А вот пример неудачного пословного перевода просторечного обращения, где стилистическая окраска, очевидно, утрачивается:

Пушкин: Что ты, мать моя! (гл. II)

Гинзбург: Che fai, madre mia !

Однако случаи буквализмов являются издержкой той переводческой установки, которой руководствовался Гинзбург: как можно точнее следовать оригиналу, что свидетельствует не только о возросшей популярности Пушкина в Италии (и, как следствие этого, более бережном отношении переводчика к пушкинскому тексту), не только об изменении общей концепции художественного перевода за полстолетие, разделяющее переводы Е. З. и Гинзбурга, но и о более глубоко понимании реалистического характера творчества Пушкина. Это стало возможным только со сменой творческого метода в самой итальянской литературе, с появлением реалистической переводной литературы, ориентирующейся на стилистику оригинала.

А. Б. Канестри
(Москва)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РИФМЫ МАЯКОВСКОГО НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

За последние пять — семь лет в Италии было осуществлено большое количество переводов поэтических и драматических произведений Маяковского. Прогрессивная культура Италии обратилась к высокосодержательной и высокохудожественной поэзии Маяковского, потому что публицистичность, демократизм и социалистическая направленность его творчества как никогда созвучны тенденциям современного демократического искусства.

Поэзия Маяковского оказалась актуальной на современном этапе культурной жизни Италии, характеризующемся острой борьбой на фронте искусств между художниками демократического направления и представителями коммерческого, «нейтрального» искусства. С подмостков театров звучат не только драматические произведения поэта, но и поэтические композиции на его стихи. Поэтические произведения Маяковского, в отрывках и в полном объеме, все чаще появляются в книгах для чтения для средних школ.

Высокий лирический накал произведений Маяковского, эпическая устремленность его поэзии являются также одной из причин звучания его стихов как стихов современных, ибо борьба, которую вел поэт, «это борьба за будущего че-

ловека, который шире, а не уже человека вчерашнего»¹.

Вместе с тем такое широкое обращение к поэзии Маяковского стало возможным еще и потому, что за эти годы количественный рост переводов произведений поэта вылился в достаточно высокое качество переводческой работы. Установившаяся традиция перевода поэзии Маяковского на итальянский язык характеризуется достаточно внимательным и бережным обращением с текстом и заметным стремлением к сохранению и передаче ее содержания во всей полноте.

Достаточно высокий уровень качества перевода поэзии Маяковского на итальянский язык позволяет наметить тенденции дальнейшей эволюции переводческой практики и критически осмыслить недостатки, свойственные переводам поэзии Маяковского.

Общеизвестно, что поэзия Маяковского развивалась как переосмысление и обновление поэтического содержания и формы. «Русский стих, которым созданы великие произведения, вырастая, все еще не мог преодолеть наложенных на него когда-то правил, из которых он вырос.

Почувствовал другой стих Блок, но решил новый стих Маяковский (...)»². Маяковский «не поверил тому стиху, к которому он пришел, он придумал рифму для того, чтобы его стих иначе думался, и как человек, который идет, думая о своем, он прошел дальше, чем другие, он пересоздал стих, дал ему другое дыхание»³.

И сегодня поэзия Маяковского предстает как новаторская поэтическая система. Переход к тонической метрике и изменение функции рифмы, создание новой поэтической речи — вот неполный перечень основных нововведений, характерных для поэзии Маяковского. Обновленный поэтический язык его поэзии, явившийся результатом борьбы поэта со стихией инерционного поэтического языка (В. Тренин, Н. Харджиев), развернутый метафоризм, установка поэта на звучащий ораторский стих и т. д. показывают, что система Маяковского предполагает активное сопереживание и соучастие читателя/слушателя. Такое взаимодействие поэта и читателя/слушателя и рождает единство восприятия и выражения и требует определенной подготовки и определен-

¹ В. Б. Шкловский. Дневник. М., «Сов. писатель», 1939, с. 117.

² В. Б. Шкловский. Указ. соч., с. 116.

³ Там же, с. 107.

ного уровня поэтической культуры читателя/слушателя. Остается в силе вывод, сделанный в 1939 году В. Шкловским: «И Пушкин, и Маяковский требуют для понимания некоторого усилия, но это усилие вознаграждается»¹.

Сказались ли на переводческой установке эти важные особенности поэтики Маяковского? Какой предстает поэтическая система Маяковского перед итальянским читателем? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим, как в переводческой практике отражены свойства рифмы Маяковского, то есть ее смысловая и просодическая функции.

Общеизвестно, что для поэзии Маяковского характерно усиление просодико-семантической функции рифмы. «Рифма Маяковского — всегда носитель смысла, поэтому она возможна только в определенном контексте»². «... Рифма, как и все другие элементы стиха, является частью сложной словесной конструкции, в которой смысловые и фонетические стороны слова находятся в неразрывной взаимосвязанности и взаимодействии»³.

Таким образом, рифма Маяковского — составная часть содержания, важный элемент всей поэтики.

Попробуем условно вычленил этот элемент так, как он представлен в переводах, и в соответствии с проведенной исследователями (Н. Харджиев, Б. П. Гончаров, М. П. Штокмар и др.) классификацией (типологией) рифм Маяковского наметить возможную типологию итальянских рифм, аналогичных рифмам поэта с примерами рифм-омологов, осуществленных в итальянской поэзии.

Но прежде чем перейти к типологическому описанию рифмы, необходимо кратко остановиться на господствующих в итальянской переводческой практике принципах перевода.

Как известно, в современной западной поэзии господствует белый стих. Белый стих (безрифменное стихописание) распространен и в Италии, как в поэтической, так и в переводческой практике. Кроме того, в переводческой практике господствует принцип интерлинейности: переводчик создает перевод, внешне напоминающий подстрочник. Не представляется возможным в этих кратких заметках дать теоретическую интерпретацию принципа интерлинейности. Достаточно, однако, заметить, что интерлинейный перевод

¹ Там же, с. 74.

² Н. И. Харджиев. Заметки о Маяковском. В сб.: «Поэтическая культура Маяковского». М., «Искусство», 1970, с. 228.

³ Там же, с. 202.

в состоянии передать совокупность тематического содержания поэтических произведений, в которых содержание вполне, если так можно выразиться, равнодушно к форме. Поэтические же произведения, в которых осуществлена новаторская (или явная) перестройка формы, в которых достаточно зримо просматривается технология поэтического творчества, оказываются обедненными в этих своих свойствах и, следовательно, обедненным оказывается и их содержание. Следует отметить, что читатель остается, так сказать, дважды ущемленным: поскольку та форма, которую приобретает интерлинеарный перевод, для него все-таки имеет значение формы, читатель и считает ее формой данного поэтического произведения. Иначе говоря, читатель Маяковского, если он не обладает дополнительной компетенцией, приходит к выводу, что Маяковский писал белым (нерифмованным) стихом.

Интерлинеарный принцип в этом смысле в высшей степени противоречив. С одной стороны, чисто внешне он позволяет перевести поэтическое произведение, даже если данная оригинальная форма не присуща поэтической культуре переводящего языка, но с другой стороны, те, кто придерживаются этого принципа, как бы молчаливо признают, что данная форма непереводаема, не может быть воссоздана. В чисто историческом плане принцип интерлинеарности как бы подчеркивает подчиненность переводческой поэтической культуры «основной» национальной поэтической культуре, то есть культуре поэзии данного переводящего языка.

Нам кажется, что такая постановка вопроса нуждается в существенных уточнениях. Во-первых, весь опыт переводческой практики в области художественной литературы показал, что достижения именно переводной литературы нередко способствовали перестройке содержания и формы литературы оригинальной. Наиболее интересным и современным, на наш взгляд, является, например, влияние переводов американской прозы на стиль итальянской прозы, осуществленных Чезаре Павезе и Элио Витторини в 30-х—40-х годах, и влияние поэтики Маяковского и переводов его произведений на становление тонического стиха в польской поэзии¹. Во-вторых, подчиненность переводческой культу-

¹ См., например, В. В. Т р е н и н, Н. И. Х а р д ж и е в: «Революционизирующая поэтическая техника роль составных рифм Маяковского настолько велика, что они проникли даже в иноязычную (польскую) поэтическую систему, в которой по общefonетичес-

ры, о которой говорилось выше, есть подчиненность чисто умозрительная, так как достаточно переводческой культуре под действием своих внутренних причин, то есть причин, связанных со спецификой переводческого дела, подняться на уровень, соответствующий качествам переводимой или своей национальной поэзии (или обеим одновременно), чтобы эта подчиненность, эта зависимость стала вполне формальной. В самом деле, переводная литература есть часть общей, национальной литературы, и как таковая развивается вместе с ней. Это, однако, не исключает возможности своего, особого развития или, по крайней мере, своей, особой роли в общем культурно-художественном процессе. А эта особая роль может выражаться иногда и в стимулировании, под воздействием внешних причин, восходящих к качествам переводимых литератур, процессов, иногда латентных, а иногда потенциальных, происходящих в самой «большой» оригинальной, национальной литературе.

Интерлинейный перевод обедняет совокупность всех поэтических качеств произведений именно потому, что вообще сбходит стороной проблему формы, или, точнее, решает ее негативно, то есть суммарно, не выявляя ее особенностей. По существу он искажает поэтические произведения, в которых новаторские установки реализованы в конкретных поэтических новациях, в том числе формальных.

Такому обеднению и искажению подверглась поэтика Маяковского с ее намеренным, форсированным новаторством. Интерлинейный перевод не в состоянии выявить это новаторство, он искажает в глазах читателя подлинный облик его поэтики. Интерлинейный принцип наиболее негативно проявил себя в данном случае еще и потому, что в итальянской поэзии не было фигуры, сравнимой с Маяковским с точки зрения сплошного обновления содержания поэзии, ее стиля и языка.

Если исследователи творчества Маяковского у нас, в СССР, а особенно за рубежом¹, ставят подчас «завышенные

ким условиям возможен только женский тип составной рифмы (...). Маяковский о качестве стиха. В сб.: «Поэтическая культура Маяковского». М., «Искусство», 1970, с. 278.

¹ См., например, по этому поводу замечание I. A m b r o g i o: «... Поэзия Маяковского остается в какой-то мере не понятой в том смысле, что исследователи, выделяя в ней исключительно моменты новации стилистических средств и экспериментирования в области техники стиха и формы, упускали из поля зрения сложный процесс, через который эти новации становятся незаменимыми элементами

оценки» функции формы, то переводчики склонны, в силу сопротивления материала родного языка, «занижать оценки», что приводит к искажению роли и качества формальных элементов в переводимых текстах.

Поэтика Маяковского при переводе его произведений на итальянский язык может быть передана только при условии интенсивного пересмотра и сновления всех формально-технических средств, используемых при переводе, а это затрудняется тем, что современная итальянская поэзия не знает новаций, гомологичных новациям Маяковского.

Тем не менее некоторые переводчики делают попытки преодолеть недостатки интерлинейного перевода, с одной стороны, и негомологичность данностей итальянской поэзии, с другой. Эти попытки предпринимаются прежде всего в области рифмы.

О роли рифмы в поэтике Маяковского говорилось выше. Остается добавить только, что выделение рифмы в качестве объекта критического рассмотрения проблем поэтического перевода естественно должно сочетаться с анализом принципов перевода и иных аспектов поэтической формы и техники. В данной статье анализ будет посвящен рифме и только ей, так как объем этих заметок не позволяет достаточно подробно и глубоко проанализировать другие аспекты перевода.

Мы рассмотрим перевод поэмы «Владимир Ильич Ленин» и некоторых сатириконовских произведений Маяковского.

* * *

Рифма Маяковского необычна: ее просодико-семантическая функция обострена до крайности, она играет в стихе роль ритмического и звукового организатора, является элементом, организующим смысловое движение стиха.

Маяковский писал, что «без рифмы стих рассыплется», рифма «заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе»; «...я всегда ставлю самое характерное слово в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало. В результате моя рифмовка всегда несбычайна и уж во всяком случае до меня не употреблялась, и в словаре рифм ее нет». «Рифма связывает строки, поэтому ее матери-

нового мира идей и поэтики и, следовательно, не схватывают поэзию во всей ее значимости». «Formalismo e avanguardia in Russia». Roma, 1968, p. 241.

ал должен быть еще крепче, чем материал, пошедший на остальные строки»¹.

Поэт, таким образом, подчеркивает смысловую и организующую функцию рифмы, ее структурно-семантическую роль.² Вместе с тем поэт показывает, что такую роль в его поэтической системе может играть не всякая рифма, а рифма, пригодная для связывания строк. Рифма «полная, прозрачная» не годится для этих целей. В статье «Как делать стихи?» Маяковский, говоря о работе над стихотворением «Сёргею Есенину», сбъясняет, почему рифма «резвость — трезвость» для него не приемлема. «Когда вы говорите «резвость», то рифма «резвость» напрашивается сама ссбою и, будучи произнесенной, не удивляет, не останавливает нашего внимания. Такова судьба почти всех однородных слов, если рифмуется глагол с глаголом, существительное с существительным, при одинаковых корнях или падежах и т. д.»³.

В той же статье Маяковский показывает, что новая, необычная рифма не может строиться и на основе созвучия, опирающегося на согласные звуки (см. его обоснования рифмы «врезываясь — трезвость»). Это последнее обстоятельство окажется очень важным, как мы увидим ниже, для обоснования возможности создания итальянских аналогов рифме Маяковского.

Сам Маяковский сознавал важность меры и гармонии в стихотворчестве, «не догматизировал свои принципы рифмовой техники» (Н. Харджиев). «Конечно, не обязательно уснащать стих вычурными аллитерациями и сплошь его небывало зарифмовать. Помните всегда, что режим экономии в искусстве — всегдашнее важнейшее правило каждого производства эстетических ценностей. Поэтому, сделав основную работу, о которой я говорил в начале, многие эстетические места и вычурности надо сознательно притусшевывать для выигрыша блеска в других местах.

Можно, например, полурифмовать строки, связать не

¹ В. В. М а я к о в с к и й. Полн. собр. соч., т. 12, М., 1959, с. 106.

² См., например, указание на воздействие знаковой и смысловой сторон рифмы у Б. А. Л а р и н а, сделанное до выхода в свет статьи Маяковского, в статье «О лирике как разновидности художественной речи» в книге «Эстетика слова и язык писателя», Л., «Худож. лит.», 1974, с. 85.

³ В. В. М а я к о в с к и й. Указ. соч., с. 106.

лезущий в ухо глагол с другим глаголом, чтобы подвести к блестящей громкогромающей рифме»¹.

Следующей особенностью поэзии Маяковского, имеющей прямое отношение к проблеме ее перевода, является ораторский, рецитативный характер его стихов. «На характере рифмовки легче всего вскрывается уровень поэтического мастерства. Но так как рифма является только наиболее наглядным проявлением общей ритмической и звуковой организации стиха, то естественно, что Маяковский уделяет серьезное внимание и более сложным явлениям: звуковым повторам и звуковым сдвигам»². Рецитация и использование звукового сдвига или его недопущение, когда он носит отрицательный характер (см. рифму поэта: «Не придет он так же вот», где *же вот* звучит как *живот*), создает, как мы увидим ниже, дополнительные возможности при переводе рифм Маяковского.

Таким образом, у Маяковского пресобладает рифма «с повышенной звуковой ощутимостью» (Б. П. Гончаров) в силу примата произношения, то есть рифма у поэта в основном «акустическая» (Б. П. Гончаров). Это основное свойство поэтики и рифмовки Маяковского детально проанализировано в работе Б. П. Гончарова «Звуковая организация стиха и проблемы рифмы»³. В нашей типологии рифмы будут использованы отдельные виды рифм Маяковского, предложенные в классификации, сделанной Б. П. Гончаровым.

Ораторский характер поэтики Маяковского отмечен почти всеми итальянскими переводчиками. Вопрос состоит в том, чтобы выяснить, есть ли в фонетической системе итальянского языка возможности, гомологичные свойствам русского языка, а применительно к поэзии — качествам тонического стиха, ассонантики и т. д. «'Стиха вообще', стиха отвлеченного, независимого от конкретной базы того языка, к которому он принадлежит, нет и не может существовать в природе. Стих заполняется словами, которые соединяются в словесные комплексы, синтагмы, синтаксические целые по тем же принципам, что и всякая человеческая речь. Он не обладает какими-либо автономными, независимыми от данного языка средствами словособразования или сочетания слов. Как и прозаическая речь, стих воплощает в себе фоне-

¹ Там же, с. 112.

² См. подробнее: В. В. Т р е н и н, Н. И. Х а р д ж и е в. Маяковский о качестве стиха. В сб. «Поэтическая культура Маяковского», с. 278—279.

³ М., «Наука», 1973.

тическую структуру, законы морфологии и синтаксиса данного языка. Никаких фонетических признаков, отсутствующих в данном языке, язык включать в себя не может»¹. Эту формулировку следует принять с одной оговоркой. Ни синтаксис, ни фонетические реализации в поэзии в узком смысле этого слова не даны раз и навсегда, они развиваются по законам прежде всего поэзии, а потому и языка; в поэзии могут реализоваться такие свойства языка, которых мы и не увидим на его поверхности, но которые проявляются в области поэзии для ее нужд и в силу ее специфики. Свойственны ли языку итальянской поэзии некоторые характеристики поэтики Маяковского? На этот вопрос мы и попытаемся ответить, хотя по необходимости кратко и применительно только к проблемам рифмы в нижеследующей типологии.

Особая роль рифмы в поэтике Маяковского вынуждает поставить вопрос о необходимости перевода стихотворений поэта, рифмуя созвучия так, чтобы показать семантическую роль рифмы и новаторскую специфику поэтики Маяковского. Эта необходимость ощущается и переводчиками. Так, например, А. М. Рипеллино примерно из 1200 строф поэмы «Владимир Ильич Ленин» зарифмовал 85 пар строф, то есть всего 170 строк, тем самым как бы признав неправомочность бедного интерлинейрного стиха при переводе, и создал 12 пар «новых», необычных рифм и приблизительно столько же полурифм (А) (см. ниже Типология). Значительно дальше пошел переводчик Р. Факкани (В), который даже дал теоретическое обоснование своим поискам и находкам. Факкани пишет²: «В связи с относительной «подвижностью» ударения в итальянском языке, при переводе стихов Маяковского я сделал попытку применить принципы главным образом тонической версификации (...). Что же касается рифмы Маяковского (и современной русской поэзии), то надо учесть, что она рождается из созвучия по крайней мере двух звуков (двух «фонем»): как правило последней ударной гласной и «близкой» к ней согласной, которая может находиться перед ней или следовать за ней. Так, например, не дают рифмы *окно* и *ремесло*, *война* и *глаза*, но могут составить рифму *окно* и *давно* и *глаза* и *казарм*, *умер* и *думе*, *капают* и *лапками*, *городе* и *морде*. Переводя Маяковского, я и попытался отразить это явление рифмами *Peru'* — *rum*; *Onan* — *donna*; *sillaba* — *mandibola*; *tratto* — *barattoli* (привожу са-

¹ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., АН СССР, 1952, с. 226.

² Majakovski — Satyricon, il Caffè, № 1, 1971, p. 137.

мые интересные случаи). Иногда мне удавалось получить рифмы типа *nell'aria — stellare, diresti — del resto*, которые русские поэты называют «глубокими». Такая постановка вопроса о переводе рифм Маяковского на итальянский язык свидетельствует о том, что под давлением материала переводчик пытается в переводящем языке найти явления, гомологичные оригиналу, с тем чтобы добиться адекватного перевода на всех уровнях текста, ибо в данном случае «практика перевода осуществляется не во имя коммуникации или коммуникативности, но на своем языке и по отношению к своему языку для совершенно нового и истинного переосмысления традиционного языкового чутья»¹.

На какой основе, в силу каких причин переводчики, как явствует из приведенных примеров, смогли создать рифмы, аналогичные рифмам Маяковского? Было бы неправомерно утверждать, что их рифмы — создание только их поэтической техники и языкового чутья. Исторически и в итальянской оригинальной, непереваемой поэзии были отмечены сдвиги в формировании рифмы, сдвиги, которые, однако, не привели к сплошному обновлению рифмовки. И в этом еще одно доказательство того, что рифма, как и любые другие элементы так называемой формы, не создается независимо от содержания, а является его необходимым завершающим, хотя и самостоятельным, элементом.

Прецедент не стандартной, не «полной», не «прозрачной» рифмы в итальянской поэзии нового времени мы наблюдаем в произведениях Пасколи и *serpuscolari*², а из современных поэтов — прежде всего у Монтале³. Флора, в силу того обстоятельства, что такая рифмовка, например у Монтале, носит эпизодический характер, называет ее *preziosa*, то есть подчеркивает ее некоторую изысканность. Но одновременно Флора свидетельствует, что Монтале и другие поэты обращались к такой рифме довольно часто, никак не объясняя этот факт, то есть подтверждая, очевидно, что и у других поэтов она имела характер прециозности, изысканности. Другой исследователь, П. В. Менгальдо⁴, подчеркива-

¹ Bruno G e n t i l i. *Prospettive critiche nell' interpretazione dell' eta dei lirici*. Il Verri, n. 38, Milano, 1972, p. 23.

² «Сумеречная» поэзия — литературное течение конца XIX — начала XX века.

³ См., например: F. F l o r a. *Scrittori italiani contemporanei*. Pisa, Nistri-Lischi, 1959, p. 154.

⁴ P. V. M e n g a l d o. *Ricerche sulla lingua poetica contemporanea*, Liviana, 1966.

ет важность новшества, привнесенного Пасколи в итальянскую поэзию. Пасколи создал *rima ipermetra*, то есть в рифмическую систему итальянской поэзии был введен прием рифмовки слова с ударным вторым слогом от конца со словом с ударным третьим слогом от конца, то есть альтернативная (но пока не новая, в силу того что она не получила широкого распространения) система рифмовки. Все примеры такой рифмовки приведены в Типологии с указанием авторов, то есть поэтов (авторские) и переводчиков (переводческие).

В Типологии дается краткая классификация и систематизация достижений переводчиков и результатов поисков новой рифмы в итальянской поэзии в их аналогии с рифмами Маяковского. В случаях, когда аналоги-рифмы и аналоги-элементы взяты из иных источников (не поэтических), они указываются особо. Рифмы-аналоги и элементы-аналоги, предложенные автором данной статьи, даются без помет.

Типология является, как уже было сказано, классификацией и систематизацией, поэтому в ней не дается никакой оценки рифмам с точки зрения адекватности смыслу, эстетической и т. д.

Типология аналогов рифме Маяковского А. *Rima ipermetra*

1. *Рифмы авторские*

tramonto — brontola; pronto — brontola; spigo — sfrigola; intrigo — sfrigola; esali — alito; tavolo — schiavo; chiaro — cantarono; nudi — incudine; anima — umani (Pascoli, см. Flora, там же); benessere — inespresa (Pasolini); dividono — grido; vecchi — intrecciano; fuggi — ruggine; affondano — sponda; miracolo — ubriaco; alito — ali; valli — pallido; asoli — caso; s'arrovella — martellano; intristisco — fioriscono; fuggo — struggono; s'arresta — estua; pulviscolo — invischia; schegge — saccheggia и т. д. (Montale, см. Flora, там же); solitudine — nudi; templi — riempie (Martini, см. Flora, там же); stridono — grido; hiondi — rondini; poleggio — collegi (Corazzini, см. Flora, там же). Рифма может быть обогащена, как видно из примеров, ассонансом: nt — nt; tr — br: tramonto — brontola; trg — sfrg; intrigo — sfrigola; ani — ani; nm—mn: anima — umani.

Некоторые рифмы следует признать полурифмами, что при отсутствии четких критериев ее выделения тоже может представляться спорным. Для *schegge — saccheggia* Флора, например, дает определение *assonanze, pallide assonanze* (там же).

2. Рифмы переводческие

sillaba — mandibola; tratto — barattoli (Faccani); *ansito — distante; crisi — miseri; ibrida — idra; proclamati — lacrime; rombi — rompono* (Ripellino); *lacrime — arma* (Zvete, единственная рифма в переводе поэмы «Владимир Ильич Ленин», Milano, Einaudi, 1964).

Вполне обоснованным будет в этой связи предположение считать рифмой и такое созвучие, как *muscoli — molluschi*, где полнота согласных комплексов соответствует *ржём — моржам*, то есть рифме, которая строится исключительно на согласных, как указал М. П. Штокмар¹.

В. Rima composta²

I. Слово + два слова

1. Рифмы авторские

mondo — don do (Folgore da San Geminiano); *pur li' — urla* (Dante); *conosco le — Foscolo* (Gozzano, см. Флора, там же); *fumido: io — dio* (Pascoli).

2. Рифмы переводческие

nell'aria — stellare; diresti — del resto (Faccani); *di basso — Dubasov; riturbina — un'urna; frastuono — quest'uomo* (Ripellino); *disastri — d'astri* (Poggioli). К данному типу можно отнести и следующие случаи: *acerbe torture — Schlüsselburg; Zimmerwald — seppe sollevare* (Ripellino), богатые консонантикой, а также рифму Факкани, если ее улучшить: *d'Onan — donna* (у Faccani: *Onan — donna*).

II. Два слова + два слова

К этому типу можно отнести *solo Zimmerwald — seppe sollevare*, а также *rabida burrasca — barba raschi* ввиду

¹ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., АН СССР, 1952.

² Определение заимствовано из: G. Devoto, O. I. Dizionario della lingua italiana, 1971

богатства консонантики. Создание рифм этого типа не представляет особенной трудности и позволяет ввести в рифмующее единство большое количество семантических значимостей.

III. Три слова + слово

1. Рифмы переводческие

Сюда можно отнести при расширении консонантной группы *gabida burgasca — verde barba gaschi*.

Этот тип также позволяет довольно свободно соединять в спаянное семантически-рифменное целое большое количество значимостей. Кроме того, обращение к рецитативному принципу позволяет во всех типах, и особенно в этом, расширить возможности рифмовки и семантической аттракции в пределах рифмующегося единства. Так, например, рифма *me lo dici — melodici* вполне приемлема, если *me lo dici* произносить как *mee — loo — diici*. То же самое можно сказать и о *al trolo — altro, oh no*. Разложение/составление рифм из групп в два, три и более слов с группами в одно, два, три и более слов не только увеличивает беспредельно возможности новой рифмовки, но и требует определенной фантазии и чувства меры. Для того чтобы показать, что принцип такой рифмовки вполне пригоден с точки зрения технической, автор данной статьи зарифмовал все слова из словаря Салинари¹ от *gababago* до *gascendere*. Естественно, как уже говорилось выше, данные рифмы не могут и не имеют никакой эстетической ценности.

Список полученных рифм: *gababago — rabbia barbara/ rabbia di barbara; (tercio) gabattino — rabercia il tino; rabballinare — la rabbia allignare; rabbassare — con rabbia issare; rabbellire — le rabbie e le ire; rabberciare — con rabbia berciare; rabbifico — con rabbia cinico; rabbinismo — rabbie e fisime; rabbinista — rabbia innesta; rabbino — (la) rabbia, babbino rabbioso — (di) rabbia bilioso; rabboccare — (alla) rabbia abboccare; rabbonire — (le) rabbie e (le) bone ire; rabbracciare — (con) rabbia berciare; rabbreviare — (con) rabbia il breviarario; rabbrunare — (di) rabbia abbrunare; rabbruscare — (la) rabbia buscare; rabbuffare — (di) rabbia sbruffare; rabbuffo — (di) rabbia lo sbruffo/(di) rabbia il*

¹ C. Salinari. Vocabolario della lingua parlata in Italia. Milano, 1967.

bruffolo; rabbuiare — (di) rabbia abbaiare; rabdomante — (la) rabbia domante; rabescare — rabbia, esca al re; rabescato — (con) rabbia la scatola; rabesco — (con) rabbia esco; rabescame — (della) rabbia il cascame; rabicano — (con) rabbia Caino; rabido — (di) rabbia avido; rabotto — rabbia a otto; rabula — ora l'avo/l'ha ora l'avolo; raccapriccio — capricci ho; raccattare — accatta il re; raccineffare — ceffo al re; raccendere — or al cenno d'ira.

Следует заметить, что у переводчика, как и у Маяковского, есть возможность рифмовать фамилии и слова иностранного происхождения, как например: Nietzsche — camicie (Gozzano, см. Flora, там же), а с учетом рецитации возможны рифмы типа da qui a la' — d'aquila.

С. Приблизительная рифма (Б. П. Гончаров), rima elusa (Flora, там же)

1. Рифмы авторские

s'addorma — forme; pompa — rimbomba; schegge — saccheggia (Montale, см. Flora там же).

2. Рифмы переводческие

baleni — Lenin; millenni — Lenin; sillaba — scibile; turgido — gurgite; colluvie — nuvole (Ripellino); Peru' — rum; Onan — donna (Faccani); sempre — ventre; stende — costituente; antri — canti; erbivendolo — vendopo; gemono — demone (Poggioli).

К этому типу вполне можно отнести, ввиду богатства консонантики, рифмы типа zaristici — Svizzera; verde — verste (Ripellino); mano ferma — Komintern; tuoi nevai — non abaia (Poggioli). Этот тип рифмы отличается, очевидно, от квази-рифмы, как определяет ее П. В. Менгальдо: «quasi-rima *esistenza — difende*» (там же), а также от «созвучий»: «sostanza fonica consimile *rapido — orrido*» или «rima imperfetta *ruvido — diluxio*» (там же). Рифма tuRGido — guRGite богаче rUViDo — DilUVio, так как в последней uvd — div как бы растворяется в ilu.

Д. Каламбурная рифма (Б. П. Гончаров)

Этот вид рифмы сравнительно редок у Маяковского, но представляет значительный интерес как пример использования семантической аттракции в стихе. Естественно, каламбурная рифма по своей природе чаще всего используется

в иронических (сатирических) целях. Потенциально любой каламбур, выраженный одним словом, уже является рифменной парой. Каламбуры, как известно, широко используются в некоторых литературных жанрах, иногда в речи. Проблема каламбурной рифмы — это скорее проблема каламбура, чем рифмы. Как только в тексте имеется возможность соотнести фоническо-семантический облик одного слова с другим, возникает возможность создания каламбурной пары. Каламбуры в итальянском языке в основном повторяют те модели, которые используются и в других европейских языках (например, во французском), но имеются и оригинальные, как нам кажется, формулы, как например, построение каламбура при сцеплении одного слова + слова или двух слов + два слова, что особенно важно для нашей типологии составной рифмы:

«Rosso come già lo (= giallo) vedete» (P. Petrocchi, *Dizionario universale della lingua italiana*. Milano, Treves, 1891) с пометой: scherzoso, equivale di persona gialla.

«(...) Nel frattempo...» Gabrielle Orsini scrollo' il capo, sorrise; poi, traendo un lungo sospiro, disse: — «Fra Tempo e' un monaco, vecchio mio, che vuol crearmi illusioni» (Pirandello, *Formalità*).

Следующие примеры взяты из газет и журналов с расшифровкой каламбура: stato d'assedio — stato di sedie; campanello d'allarme — campanello dell'arme; Saragozza — sarà goffa; cappa e spada — chiappa e spada; la littoranea — l'elettoranea.

Естественно, каламбур может строиться и без второго члена противопоставления, но в этом случае он не будет давать рифмы. Следует отметить, что переводчики не всегда внимательно относятся к каламбурам или не в состоянии решить правильно их перевод. Так, например, при переводе каламбура «(какой) однарообразный пейзаж» переводчик Рипеллино переводит «однарообразный» как unisopforme и в сноске поясняет, как и почему он решил этот термин (!) перевести именно так. Как известно, здесь Маяковский использует сатирический каламбур. Следовательно, надо было попытаться создать гомологичный каламбур. Нам кажется, что такая возможность есть: достаточно имитировать при переводе сокращение prof. (= professore), например, расширяя его до каламбурной пары: profetico — prof. etico; profuso — prof. uso и т. д.

Е. Суммарная рифма, суммирование рифм, нелитературная постановка ударений, разговорная орфография, опоясывающая рифмовка, разорванная рифма, начальная и срединная рифма (М. П. Штокмар) и другие виды рифм и приемы рифмовки занимают большое место в технике Маяковского. Мы не будем подробно останавливаться на этих типах рифм, так как, практически, переводчики оставили без внимания заложенные в них возможности. Приведем только несколько примеров, показывающих, что создание таких рифм — дело, так сказать, техники:

La vita che dà *barlumi* (è quella che sola tu *scorgi*).
A lei tu ti *sporgi* da *questa/finestra* che non s'illumina.
(Montale, Occasioni)

Chi beve NERI NE RI beve (текст рекламы 50-х — 60-х годов).

Sul tagliere l'aglio *taglia*,
non tagliare la *tovaglia*,
la *tovaglia* non à *aglio*,
se la tagli fai upo *sbaglio* !

Вышеизложенная краткая типология аналогов рифмы Маяковского показывает, что при переводе стихотворений поэта можно воссоздать те основные принципы и виды поэтической техники, которые и сегодня являются отличительными чертами его творчества. Такая типология имеет, как уже говорилось выше, методологический характер и не является сводом рекомендуемых рифм. Вместе с тем типология сама по себе не решает всех проблем, возникающих при переводе поэзии Маяковского. Эта типология должна быть дополнена типологией построения неологизмов (главным образом, сатирических) у Маяковского, типологией гиперболы и т. д. Таким образом, типология технико-формальных приемов, дополненная анализом семантического содержания поэтики и метафоризма и всех содержательностей поэзии литературоведческого плана, позволит поднять на более высокий уровень переводы произведений Маяковского и опровергнуть еще встречающиеся заявления о непереводемости поэзии Маяковского¹. «Маяковский переводим, и его ощущение мира ново для Запада, ново для Америки. Понимают его образы, и понимают не систему стиха только, но

¹ См., например: Vladimir M a j a k o v s k i j. V. I. Lenin, перевод Pietro Zvete, Einaudi, Milano, 1946.

необходимость новой системы»¹. Понимание системы и отношение к поэзии Маяковского как к системе позволит поставить по-новому многие вопросы перевода отдельных произведений поэта и его поэзии в целом.

Типологическое описание поэтики сведет к минимуму статистическую величину непереводаемости, даст возможность преодолеть конфликт между «тенденцией к приближению оригинального текста ко вкусу читателя» и тенденцией к приближению читателя к оригинальному тексту² в пользу второй, как нам кажется, более соответствующей принципу адекватности применительно к поэзии нашей современности.

Переведенные на такой типологической основе произведения Маяковского предстанут перед итальянским читателем во всей их значимости. Перевод, осуществленный по этой методике, не будет являться лишь плодом верности оригиналу, а творением, основанным как на верности оригиналу, так и на новаторстве по отношению к переводящему языку в его поэтической функции, адекватность средств которого оригиналу сам переводчик докажет своим переводом. Думается, что неудача переводчика, действовавшего при такой установке, будет существенно отличаться от частичного успеха при интерлинейном переводе, являющемся признанием а priori своей технической и поэтической беспомощности.

¹ В. Б. Шкловский. Дневник. М., «Сов. писатель», 1939, с. 108.

² Bruno Gentili. Prospettive critiche nell'interpretazione dell'eta del lirici. Il Verri, n. 38, Milano, 1972, p. 23.

IV. ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Б. И. Горбис

(Одесса)

ПСИХОЛИНГВИСТИКА И ПОРОЖДАЮЩАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Вопрос, рассматриваемый в настоящей статье, может быть сформулирован следующим образом: задана некоторая реальность, описываемая текстом на языке перевода (причем безразлично, задается ли текст в письменной или в какой-либо другой форме). Предполагается, что эта же реальность должна быть выражена иноязычными средствами с учетом правил и норм функционирования знаков в языке перевода. В процессе вторичной речевой деятельности (деятельности перевода) переводчик обращается к словарю. Спрашивается, каким должен быть текст словаря, по каким принципам он должен быть организован и что в себя включать? Естественно, что на эти вопросы невозможно ответить, не получив решения основной задачи: какой цели должен служить словарь и что ожидает от него переводчик?

Ряд проведенных нами экспериментальных обследований убедительно показал, что наряду с обычными терминологическими словарями существует необходимость в словаре, текст которого состоял бы из определенных единиц, выделяемых не на лексическом, а на синтаксическом и фразеологическом уровнях. В одном из таких обследований нам удалось установить неполную, но вместе с тем весьма характерную типологию случаев, вызывающих необходимость в словаре такого рода:

а) перевод глаголов, обозначающих действие над объектом или характерное действие объекта, например: *находить дефекты, поджимать винт, откачивать насосом, сходить ремня со шкива, метод вошел в практику;*

б) перевод устойчивых словосочетаний типа: *получить опытное подтверждение, предъявлять особые требования, пересмотреть исходные предположения, оказаться ниже всякой критики* и т. п.;

в) перевод предложных словосочетаний, например: *прийти к заключению, выкачивать что-л. из емкости, напомнить о чем-л.* и т. п. Особый случай представляют словосочетания, в которых возможно использование разных предлогов, выражающих отношения орудийности и агента действия и, соответственно, вызывающих затруднения при переводе;

г) перевод клишированных оборотов, характерных для стиля научной речи, например, модальных зачинов типа: *необходимо раз и навсегда установить, следует признать, здесь важно оговориться* и т. п.;

д) перевод выражений, относящихся к чтению чертежей, графиков; всевозможные описания символических обозначений, например: *по направлению стрелки, заключенный в рамку, индекс сверху, подчеркнутый одной чертой*;

е) перевод выражений, относящихся к чтению формул, уравнений и их преобразований, например: *приняв $y = M$, получим, подставляя значение для M , имеем ..., полагая в (9) что $a = y$, приведем выражение к следующему виду* и т. п.

Существенно отметить, что вне зависимости от того, ошибались ли испытуемые или нет при переводе таких словосочетаний, эти ситуации переживались ими как проблемные, вызывая сомнение в адекватности предлагаемого перевода не только в содержательном плане, но и в плане соответствия сочетательным нормам языка перевода. Иначе говоря, у них возникало особое психологическое состояние — необходимость обращения к словарю, имеющее статус мотива отдельных действий (информационный поиск), подчиненных общей деятельности перевода. Структура этих действий тесно связана со структурой самого текста словаря и во многом ею определяется.

Принципиальное отличие структуры любого словаря от всех остальных текстов состоит в том, что материал в нем организован на уровне отдельных единиц (в подавляющем большинстве случаев — слов или терминов), связанных между собой определенными отношениями. Текст словаря представлен в виде упорядоченной системы, задающей определенную стратегию поиска. Другое немаловажное отличие состоит в том, что словарь содержит имплицитные правила перекодирования вышеупомянутых единиц. Одноязычные словари (синонимические, толковые и т. п.) содержат внутренние метасемиотические правила приравнивания; двуязычные словари, в том числе и отраслевые, применяют правила межъязыкового перекодирования; в интересующем

нас аспекте эта разница не имеет никакого значения. Для нас важно то, что необходимость обращения к словарю вызывается незнанием правил перекодирования (или, как частный случай, сомнением в точном их знании), причем, как следует из нашего анализа, незнанием правил перекодирования, задаваемых на уровне значительно более высоком, чем поэлементный. Назовем этот уровень **уровнем оперативных единиц речевой деятельности**.

Последнее требует некоторого пояснения. Система конкретных действий переводчика, связанная с описанной выше структурой словаря, включает в себя такие действия, как поиск, чтение, приравнивание и извлечение. Однако, помимо этих действий, зависящих в своих операциях, как мы уже отмечали, от самого словаря, существует ряд действий, определенно с ним связанных, но, в силу лексикографических традиций, на словарь почти не опирающихся. Мы имеем в виду последующие действия при переводе: сопоставление извлеченных данных с исходным текстом и трансформацию их в порождаемый текст перевода. Это те действия, во имя которых переводчик, собственно, и берет в руки словарь. Выше мы показали, какие именно элементы исходного текста обычно требуют реализации всей системы действий; подчеркнем сейчас, что эти элементы функционируют в процессе перевода как целые оперативные единицы, относительно которых и должны задаваться правила перекодирования.

Возвращаясь к ранее сформулированным вопросам, можно предположить, что основным принципом построения и организации текста словаря, предназначенного для перевода на иностранный язык, должен явиться принцип, согласно которому правила перекодирования задаются на уровне моделирования речевой деятельности. В предлагаемом построении словарь рассматривается как дополнительная память переводчика, а обращение к нему понимается как интегральный компонент вторичной речевой деятельности.

Остановимся на уже частично затронутом нами вопросе об основных единицах такого словаря. Мы исходим из того, что искомым конечным результатом является составление текста словаря в виде списка формализованных отрезков речи, приближающихся по своей структуре к моделям оперативных единиц порождения и восприятия речевого высказывания и списков правил двух типов:

1) правил перекодирования указанных отрезков (лексических единиц словаря) из одного языка в другой и

2) правил сочетания уже перекодированных единиц в иностранном языке (представляющих собой образцы грамматических единиц словаря).

Что касается лексических единиц словаря, то, в первую очередь, имеется в виду их соотношенность с синтагмами, объединенными предикативной связью. При этом мы опираемся на ряд данных, прямо или косвенно свидетельствующих в пользу того, что глагольно-именные и предикативные синтагмы представлены в психике носителя языка в виде целостных образований, и, что не менее важно, воспринимаются как таковые.

В качестве грамматических единиц словаря отбираются наиболее характерные сочетательные схемы предложений с данной лексической единицей словаря. Остается, однако, нерешенным целый ряд связанных с этим положением проблем. Неясно, например, как трактовать понятие «наиболее характерные сочетательные схемы»: будут ли это схемы предложений, для которых данная лексическая единица словаря является ядерной конструкцией, или же, основываясь на принципе частотности, следует довериться статистическому анализу... Эти и другие вопросы, например принципы отбора лексических единиц, еще ждут своего разрешения.

Но допустим, что уже пройден первый этап построения словаря — выбор опорного слова и подбор соответствующих словосочетаний с одновременным описанием наиболее типичных сочетательных схем. Перейдем теперь к разрешению следующего вопроса — о принципах построения самого текста словаря. Мы исходим при этом из следующих предпосылок:

1. Текст словаря в целом может рассматриваться как неопределенное количество предложений, записанных после разбивки на синтагмы. Обращение к такому словарю предполагает формирование (порождение) из единиц словаря и на их основе лексически, грамматически и ситуативно правильных предложений на иностранном языке, которые соответствовали бы по содержанию исходному замыслу.

2. Текст словаря можно организовать таким образом, чтобы выделить в нем внешние ориентиры, опираясь на которые переводчик будет совершать действия по формированию высказывания.

3. При пользовании словарем, как и при восприятии

любого текста, читатель движется в поле некоторых признаков; набор этих признаков, их сконструированность и первоочередность существенно зависят от установки и цели чтения. Признаки текста словаря могут быть использованы как опорные ориентиры при порождении высказывания.

4. Результат перевода (здесь при помощи словаря) рассматривается с позиции читающего, для которого язык перевода является родным. Соответственно, установка на выбор определенных признаков текста понимается как настройка субъекта, формирующего сообщение, на такую стратегию речевого поведения, которая была бы главным образом ориентирована на читающего. В тексте словаря должны быть с достаточной полнотой представлены те признаки, которые будут наиболее существенными в восприятии читающего перевод.

Исходя из этого, цель обращения к словарю можно определить как поиск данных, необходимых для адекватного (безошибочного в представлении читающего¹ и соответствующего исходному замыслу) перевода и порождение на основании этих данных соответствующего речевого высказывания.

Таковыми данными в словаре являются лексические и грамматические единицы словаря, правила перекодирования и признаки текста. Под последними будем понимать: а) сигнал, знак, помету, характеризующую, указывающую на характер какого-либо из вышеперечисленных элементов словаря, и б) сообщение, понижающее неопределенность в ситуации выбора.

Для отраслевых словарей признаков, на которые ориентируется переводчик, вообще говоря, немного. Во-первых, это признак принадлежности данной единицы-термина какому-нибудь подъязыку (определяющий отношение ее к языковой ситуации, характерной для данной отрасли); во-вторых — звуко-буквенный признак, на котором основан поиск этой единицы. Естественно, что в нашем случае этих признаков окажется заведомо недостаточно.

Перед тем как перейти к описанию необходимых признаков текста предлагаемого словаря, отметим, что они могут

¹ С точки зрения составителей словаря словосочетаний, все три английских перевода русского словосочетания *приходить к соглашению* являются адекватными, хотя англичанин точно знает, где и как употребить каждый из них.

делиться на внутренние и внешние. Под первыми будем понимать такие признаки, которые принадлежат данному элементу исходного текста, например, последовательность букв, в которой ведется поиск. Под внешними предлагается понимать признаки, выбор которых задается исходным текстом. Таковым, к примеру, является признак принадлежности определенному подязыку.

Попробуем в самых общих чертах осветить вопрос об иерархии признаков текста, как внешних, так и внутренних. Первым к иерархии внешних признаков стоит принадлежность левой части словаря определенному языку. В нашем случае это — русский язык. Далее следует признак функционального стиля текста (например, научно-технической литературы), затем признак определенной ситуации общения (например, признак языковой ситуации патента, научно-популярного очерка, монографии или инструкции по эксплуатации) и, наконец, признак принадлежности данного текста определенному подязыку.

При этом наша схема, возможно, не является окончательной. Но это и не существенно, поскольку основная цель описания этих признаков — выявить те главные ограничения выбора речевого действия, которые накладываются самим фактом перевода определенного текста на определенный язык. В словаре совокупность этих признаков принимает для переводчика вид «обстановочной афферентации» (в смысле П. К. Анохина), определяя задачу выбора одного из множества возможных решений.

Говоря о внутренних признаках — опорных ориентирах порождения высказывания, следует оговорить, признаки какого текста имеются в виду. Ведь в словаре можно различать: а) текст словника — список опорных слов, организованный по определенному принципу; б) текст гнезда с данным опорным словом и в) текст описания конкретной лексической единицы словаря. Таким образом, признаки текста располагаются одновременно как бы по двум осям — вертикальной (признаки движения внутри самого словаря, признаки позиции опорного слова и т. п.) и горизонтальной (признаки, принадлежащие тексту, описывающему перекодирование конкретной единицы). Рассмотрим в связи с этим вопрос о принципах построения каждого из выделенных текстов.

Текст словника может быть представлен как совокупность опорных слов, отобранных в результате принятой процедуры и расположенных в двух последовательностях: ал-

фавитной (справочной) и в виде тезауруса (идеографического словаря). Здесь важно отметить следующее. Обычно тезаурусы составляются на основании предметно-логических связей, существующих в природе. Здесь же речь идет о такой классификации тезауруса, которая обеспечивала бы практически полное снятие многозначности, в первую очередь за счет вхождения отдельных значений опорного слова в различные темы и подтемы. Выделение отдельных подстатей, впрочем, не является самоцелью и обуславливается наличием у данного слова нескольких функционально маркированных лексико-семантических вариантов. Для конкретно рассматриваемого словаря основным принципом классификации является следование логическим связям внутри научного текста. Это позволяет группировать в словаре, скажем, речевые штампы и формулы зачина текста и его окончания; это позволяет выделить в отдельные темы: вводные фразы, умозаключения, чтение рисунков и графиков, преобразование математических выражений, обзор литературы, оценку чьей-либо деятельности, выражения благодарности за критику или содействие; выражения, характерные для выдвижения гипотез, постановки задач, описания эксперимента и обсуждения результатов исследования и т. д. и т. п. Таким образом, положение опорного слова внутри темы или подтемы является признаком, по которому соответствующая лексическая единица словаря может входить в не меньшие, чем предложение, речевые образования тематического характера. Текст словника задает также признак наличия у опорного слова множества значений.

Текст гнезда построен по следующим принципам.

1. Словосочетания с данным опорным словом группируются по однотипным синтаксическим связям, а весь массив словосочетаний разбивается на разряды.

2. Разряды делятся на более и менее информативные. Соответственно этому определяется их порядок следования в тексте гнезда. (Например, для существительных наиболее информативными будут разряды словосочетаний, объединенных предикативной связью, а наименее информативными — словосочетания, связанные комплетивной связью, то есть дополнительные). Таким образом, в тексте гнезда имплицитно задается признак коммуникативной значимости словосочетаний.

3. Текст гнезда рассматривается как элементарная модель порождения высказываний, в силу чего в нем должны выделяться признаки текста, необходимые и достаточные для

осуществления заданного переводчику варианта речевого поведения. В качестве таких признаков и «работают» указания на тип синтаксической связи и условия перехода от более информативных к менее информативным разрядам, задаваемые так, чтобы соответствовать реальному процессу разворачивания высказывания в конкретном языке.

Деятельность по порождению высказываний в опоре на эти признаки напоминает детскую игру, где задан персонаж и надо последовательно отвечать на вопросы: «Что он делает?», «Какой он?», «Что с ним сделали?» и т. д. Другими словами, такое поле признаков текста гнезда является совокупностью признаков правил, разрешающих порождение высказываний из имеющихся коммуникативных единиц разного типа, и правил их объединения.

Текст описания конкретной лексической единицы словаря есть уже совокупность правил предписывающих (хотя и здесь проявляется вариативность в оформлении высказывания). Соответственно и набор признаков в этом случае состоит из тех, что указывают на необходимость осуществления речевого действия по этим правилам. К ним, в первую очередь, относятся признаки самих правил перекодирования. Таким признаком является и указание на типичные сочетательные схемы предложений (см. выше). Нам кажется плодотворной идея о представлении таких схем в виде графических коррелятов фразовых стереотипов (см. работы Н. И. Жинкина и И. М. Бермана), хотя вопрос об их типологии пока, как нам известно, не ставился. Уже опираясь на одни эти признаки, читатель может породить конечное количество грамматически правильных предложений с данной единицей.

Не менее важным признаком является указание на тип падежного управления словосочетаний, задаваемое направленными ассоциациями в форме падежных вопросов. Особая роль отводится признаку, указывающему на то, какие слова или группы слов могут замещать внутренние или терминальные синтаксические позиции в данном словосочетании. Используя определенную систему помет и индексов, можно регулярно проводить разграничение между уникальной (единичной или ограниченной) емкостью синтаксической позиции и емкостью неограниченной, практически бесконечной.

Мы также уделяем большое внимание признакам, позволяющим разграничивать сферу действия синонимичных оборотов и слов в языке перевода. Здесь мы вновь, но уже

на уровне конкретного указания, возвращаемся к признакам данной ситуации общения, к признакам определенного подъязыка и используем новые признаки, например, признак общеупотребительности, признак отсутствия регулярного перевода, признак устаревшего употребления, словосочетания и т.п.

Хотя выше и декларировался принцип системной организации признаков текста словаря на всех уровнях, нам не удалось полностью достичь этого в описании. И дело здесь, как нам думается, в том, что при обращении к предлагаемому словарю поиск отдельной единицы и ее перевода не является основной целью (а в этом случае только и возможно представление признаков текста в виде иерархической структуры). Цель же словаря, ориентированного на моделирование речевой деятельности, — дать читателю возможность, опираясь на текст словаря, породить конечное количество грамматически, лексически и ситуативно правильных предложений. При этом, надо полагать, читатель будет ориентироваться во всем поле признаков текстовownika, гнезда и описания отдельной единицы.

В заключение следует упомянуть еще об одной характеристике предлагаемого словаря. В принципе, перед любым словарем стоит задача сделать себя ненужным, а перед переводчиком — как можно реже к нему обращаться. Другими словами, словарю должна быть придана обучающая функция. Тот факт, что переводчик оказывается вовлеченным в сложную деятельность по формированию высказывания, помогает осуществлению этого пожелания. Именно то, что материал словаря включается в операции порождения, обеспечивает его интериоризацию — перенос из дополнительной памяти (какой является словарь) в долговременную, уже не внешнюю относительно переводчика.

Приложение

Приведенные выше теоретические выкладки могут быть наглядно проиллюстрированы схемами перевода русского текста на английский язык и английского текста на русский язык при помощи описанного словаря. Следует оговорить, что объем статьи не позволяет полностью использовать всю систему помет и указаний, которая находится в стадии разработки и требует детальных пояснений. Применяемые здесь пометы поясняться не будут, поскольку они совпадают с устоявшейся лексикографической традицией.

Перевод будет осуществляться по этапам. Арабская цифра в скобках обозначает переход к следующему этапу. Термины и терминологические словосочетания, представленные в соответствующих отраслевых словарях, не переводятся. Значок Σ указывает на промежуточную запись перевода в процессе его формирования.

Как уже отмечалось, станция управления обычно позволяет оператору осуществлять дистанционное управление при помощи вычислительной системы, обеспечивающей ритмичную и эффективную работу и высокое качество продукции. Снабженная выносным цифровым табло и запоминающим устройством, где производится одновременная запись информации на магнитную ленту, эта система сводит к минимуму труд оператора.

As it was stated above, a control station will generally enable an operator to exercise remote control by means of a computerized system which is used to secure smooth and efficient operation and high quality of the products. The system which is equipped with a digital output display and a storing system where data is stored simultaneously on magnetic tape reduces an operator's labour to a minimum.

1. Перевод русского текста на английский язык

(1) Идеографическая часть

Раздел «логические элементы текста»

Группа «вводные обороты»

как (уже) отмечалось — I (в литературе) — as it was previously discussed, noted, mentioned; II (в этом тексте) — см. «как указано выше» — as (it was) mentioned (stated) above.

(2) Статья «ПОЗВОЛЯТЬ»

Подстатья А «давать возможность»

(2.1) Разряд I «дополнительные словосочетания» (модель «инфинитив в действительном залоге»)

А позволяет (B) сделать что-л. А $\left. \begin{array}{l} \text{allows (B)} \\ \text{enables (B)} \\ \text{permits (B)} \end{array} \right\}$ to do smth.¹

¹ to allow — давать возможность что-л. (сделать) в силу того, что это входит в функции А, является его свойством, качеством

- (2.2) Разряд II «атрибутивные словосочетания»
 (это) обычно позволяет — A will generally allow (enable)
- (3) Статья «УПРАВЛЕНИЕ»
 Подстатья Б «действия по направлению, регулировке»
- (3.1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
 осуществлять управление (посредством чего?) — to exercise control (by means of what?)
- (3.2) Разряд III «атрибутивные словосочетания»
 дистанционное управление — remote (distance) control
- ΣAs it was mentioned above, A will generally enable B to exercise distance control...
- (4) Статья «ПОМОЩЬ»
 Разряд V «устойчивые обороты»
 при помощи (посредством) — with the help (of what?), by means (of what?)
- (5) Статья «СИСТЕМА»
 Подстатья Д «конструкция, устройство»
 Разряд III «атрибутивные словосочетания»
 вычислительная система — computerized system
- (6) Статья «РАБОТА»
 (6.1) Подстатья А «функционирование устройства»
 Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
 обеспечивать (прилагательное положительной оценки: нормальную, отличную, высокоэффективную) работу — to secure (normal, excellent, effective) work;
- (6.2) Разряд III «атрибутивные словосочетания»
 ритмичная работа — steady running (work); smooth operation
- (7) Статья «КАЧЕСТВО»
 Подстатья Б «степень достоинства, ценности»
- (7.1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
 обеспечивать (прилагательное положительной оценки: высшее, отличное, только хорошее) качество — to secure (high, excellent, only top) quality;
- (7.2) Разряд IV «дополнительные словосочетания»
 качество продукции — quality of products

to enable — под действием или в связи с наличием А находится в состоянии, позволяющем что-л. делать (сделать)

to permit — дать возможность что-л. делать (сделать) в силу определенных условий, обстановки и т.п.

Σ...by means of a computerized system which secures steady and effective work and high quality of the products.

(8) Статья «СНАБЖАТЬ»

Подстатья Б «оборудовать»

Разряд I «дополнительные словосочетания» (модель «инфинитив в страдательном залоге»)

быть снабженным (чем?) — to be equipped (provided) with smth.

(9) Статья «ИНФОРМАЦИЯ»

Разряд «глагольно-именные словосочетания»

запоминать информацию — to store data (information);

(10) Статья «ОДНОВРЕМЕННО»

Разряд I «предложные обороты»

одновременно с — I (о протекании процессов) — coincidentally with; concurrently with; simultaneously with; II (о появлении) — at the same time with; contemporaneously with.

(11) Статья «МИНИМУМ»

Разряд I «глагольно-именные словосочетания»

сводить к минимуму — to reduce smth. to a minimum; to minimize (о чем-л. нежелательном)

Σ... which is equipped with... where data is stored simultaneously on magnetic tape reduces an operator's labour to a minimum.

II. Перевод английского текста на русский язык (словарь для носителей английского языка)

(1) Идеографическая часть

Раздел «логические элементы текста»

Группа «вводные обороты»

as stated above — как уже отмечалось (было отмечено) выше.

(2) Статья «TO ENABLE»

Раздел I «дополнительные словосочетания»

A enables B to do smth. — A позволяет (дает возможность) (B) (с)делать что-л.

Σ как уже отмечалось выше, ...даст возможность...

(3) Статья «CONTROL»

Подстатья А «monitoring»

(3.1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»

to exercise control (by means of what?) — осуществлять (производить) управление (при помощи/посредством чего?);

(3.2) Разряд III «атрибутивные словосочетания»

remote control — дистанционное управление, управление на расстоянии;

(4) Статья "SYSTEM"

Подстатья E "equipment"

Разряд III «атрибутивные словосочетания»

computerized system — система, основанная на применении ЭВМ; вычислительная система; система машинной обработки информации;

(5) Статья "OPERATION"

Подстатья B "running"

(5.1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»

to secure operation — обеспечить работу (чего?)

(5.2) Разряд III «атрибутивные словосочетания»

efficient operation — эффективная работа

smooth operation — ритмичная (равномерная) работа

(6) Статья "QUALITY"

Подстатья B "property of products"

(6.1) Разряд I «глагольно-именные словосочетания»

to secure (high, excellent...) quality — обеспечи(ва)ть (высокое, отличное ...) качество

(6.2) Разряд IV «дополнительные словосочетания»

quality (of what? products, production) — качество (чего? изделий, продукции)

Σ...производить. дистанционное управление при помощи вычислительной системы, которая обеспечивает ритмичную и эффективную работу и высокое качество изделий

(7) Статья "TO EQUIP"

Разряд I «дополнительные словосочетания» (модель «инфинитив в страдательном залоге»)

to be equipped with smth. — быть снабженным (оборудованным) чем-л.

(8) Статья "DATA"

Разряд I «глагольно-именные словосочетания»

to store data on smth. — записывать данные (информацию) на чем-л.

(9) Статья "SIMULTANEOUSLY"

Разряд I «предложные обороты»

simultaneously with — одновременно с;

(10) Статья "MINIMUM"

Разряд I «глагольно-именные словосочетания»
to reduce smth. to minimum — сводить что-л. к минимуму;
сводить до минимума;

Снабженная ... и ... где производится одновременная запись на .., эта система сводит до минимума

Сравнивая промежуточные записи перевода с исходным текстом, нетрудно отметить, что существующие между ними расхождения в плане выражения практически не приводят к искажениям в плане содержания. На это необходимо обратить особое внимание, поскольку основным критерием проверки словаря является смысловая изоморфность исходного текста и текста, порождаемого с помощью словаря, что дает возможность оценивать тот или иной лексикографический опыт, опираясь на экспериментальные данные.

А. Р. Арутюнов
(Москва)

НЕСКОЛЬКО СЛОВАРНЫХ ТОЛКОВАНИЙ

В настоящей статье обсуждается нередкая в преподавании иностранного языка ситуация, в которой прямой перевод на иностранный язык ведет к чувствительной потере информации исходной (русской) фразы или к искажению ее смысла. Для преодоления интерференционных ошибок такого типа ниже предлагается использовать идею языка толкования (= семантического языка), которая развивается в работах по ТКС¹.

Обратимся теперь к интересующей нас ситуации. Наиболее распространенный в преподавании способ объяснения значений через прямой перевод (родное слово → иностранное слово) наталкивается на такие принципиальные трудности: (1) обычно переводимое и переводящее значения не тождественны, что вытекает из признания системности в лексике, и (2) переводимое значение недостаточно полно из-

¹ Толкованию значений посвящены многочисленные публикации в сборниках «Машинный перевод и прикладная лингвистика». МГПИИЯ, вып. 13—16. М., 1970—1972; Материалы к толково-комбинаторному словарю. Ин-т русского языка АН СССР, Предварительные публикации. М., 1972—1974.

вестно обучаемому, хотя и принадлежит его родному языку. Рассмотрим кратко обе трудности.

1. В шутке: «На иностранном языке мы говорим по-русски, только иностранными словами» кроется иронический смысл. Из того, что значение a русского слова A передается на немецком языке через значение b слова B , мнится, но совершенно не следует тождество значений переводимого и переводящего слов, не следует $a(A) = b(B)$. Из факта переводимости следует только, что переводящее значение имеет максимальное число общих смысловых элементов с переводимым, хотя оба значения имеют и свои индивидуальные смысловые компоненты. Например, словарная статья: *Unterredung* 1. *bеседа*¹ не утверждает, что первое значение *Unterredung* *bеседа*, а содержит эмпирическое наблюдение о том, что из всех русских слов *bеседа* ближе всего по значению к данному немецкому слову.

Наивное (но глубоко укоренившееся в психике обучающегося) понимание переводимости двух слов как их равнозначности ведет к сдвигу в представлении о смысловых отношениях между лексемами в иностранном языке. Действительно, пусть русское $b(B)$ переводится через немецкое $a(A)$ и $v(B)$, что нередко бывает, если например, оба немецких слова — синонимы или квазисинонимы. Тогда из неверной посылки $b(B) = a(A)$ и $b(B) = v(B)$ делается и неверный вывод о том, что $a(A) = v(B)$: *entschuldigen* *прощать, извинять* (с. 260) и *verzeihen* *прощать, извинять*, отсюда: *entschuldigen* = *verzeihen*; *Gespräch* *разговор, беседа*, (с. 364) и *Unterhaltung* *беседа, разговор*, отсюда: *Gespräch* = *Unterhaltung*. Пытаясь преодолеть в рамках двуязычного перевода первую трудность, мы сталкиваемся со второй.

2. Как правило², в русском языке для немецких $a(A)$ и $v(B)$ имеется не один эквивалент $b(B)$, а несколько, так что для $a(A)$ практически всегда найдется такой перевод, который не годился бы для перевода $v(B)$, и наоборот. Здесь мы сталкиваемся с такой модификацией переводной методики толкования значений: переведи русское $b(B)$ через немецкое $a(A)$, если $b(B)$ в русской фразе можно заменить на

¹ «Немецко-русский словарь» под ред. А. А. Лепинга, Н. П. Стреховой. М., «Сов. энциклопедия», 1965, с. 850, далее ссылки на него же.

² Это следует из представления о переводных эквивалентах как о словах с нетождественными, а только с пересекающимися смысловыми компонентами (см. пункт 1 выше).

г(Г); переведи русское б(Б) через немецкое в(В), если в русской фразе б(Б) можно заменить на д(Д). Это правило, где критерием межъязыкового перевода служит тест на внутриязыковую переводимость, оказывается часто эффективным в практической работе, особенно когда переводящие (немецкие) значения достаточно удалены друг от друга. Например, для перевода: «Внимание!» можно сформулировать правило предложенного выше типа: если «Внимание!» можно заменить на «Осторожно», выбери немецкий эквивалент из ряда: acht geben, Achtung; если «Внимание!» можно заменить на «Слушай!», «Смотри сюда!», «Не отвлекайся!», выбери немецкое слово aufpassen.

Подобная техника, помимо трудоемкости, предполагает профессиональное знание родного языка, так как переводимое и переводящее значения во внутриязыковом переводе могут быть весьма близкими. Например, переводы для aufholen *нагонять, догонять, подтягиваться* (с. 82) и nachholen *наверстывать, нагонять, догонять* (с. 613) различаются словами *подтягиваться* и *наверстывать*, так что формально мы можем воспользоваться правилом (2). Однако различие между тестовыми словами не очевидно для многих русскоговорящих, ср.: «Ты должен подтянуться». = «Ты должен наверстать упущенное».¹

Изложенные соображения о существенных недостатках толкования значений через их перевод на родной язык (1) или через перифразы (2) объясняют желание использовать идею семантического языка — посредника (= языка толкований) в практике обучения переводу.

Словарные толкования строятся на противопоставлении значений, входящих в одну семантическую парадигму с учетом лексикографических данных (в нашем случае, Der Große Duden, Bd. 8. Mannheim, 1970). Вычлененные из смысловых оппозиций семантические компоненты составляют инвентарь толкований, они поддаются контролю через принцип семантической конгруэнции², согласно которому соче-

¹ В преподавательской практике (см., например, пособия типа А. Л. Карлин, Р. А. Черфас, В. А. Соловьян. Wählen Sie das richtige Wort, вып. 1. М., «Международ. отношения», 1967; А. Л. Карлин, Р. А. Черфас. Wählen Sie das richtige Wort, вып. 2, М., «Международ. отношения», 1972) используется еще и третий критерий: система разрешений и запретов на семантическую сочетаемость; в настоящей статье он специально не обсуждается, хотя используется для проверки толкований.

² Одно из изложений этой концепции помещено в лексиконе „Die deutsche Sprache, kleine Enzyklopädie“. Leipzig, 1969.

тание двух слов допустимо, если оба слова содержат тождественные семантические компоненты. Принцип семантической конгруэнции позволяет контролировать правильность экспериментально полученных толкований в виде требования: толкование некоторого значения корректно, если оно объясняет допустимость одних сочетаний слова с этим значением и недопустимость других. В настоящей статье толкования даются в первом приближении: от них требуется не полное описание толкуемого значения, а явная формулировка различительного признака, обеспечивающего верность выбора одного из двух возможных немецких эквивалентов. Ниже приводятся толкования пар немецких значений, которые регулярно передаются на русский язык одним эквивалентом, что затрудняет их объяснение через прямой перевод. Толкования снабжены контрастивными иллюстрациями¹.

1. fassen — зафиксировать положение предмета так, чтобы его часть находилась внутри того, чем берут; greifen — то же, но рефлекторно (= «не думая»); поэтому: *Он схватил проволоку клещами.* — *Er faßte den Draht mit der Zange.* *Возьмитесь за руки.* — *Faßt euch an den Händen.* Но: *Утопающий хватается за соломинку.* — *Der ertrinkende greift nach rettendem Strohalm.* *Он схватился за голову от удивления.* — *Er griff sich an den Kopf vor Staunen.*

2. aufpassen — направить свои органы восприятия или ум на что-л.; acht geben — то же, но для того, чтобы избежать негативных последствий²; поэтому: *Ты опять был невнимателен (не слушал) на уроке.* — *Du hast wieder schlecht aufgepasst im Unterricht.* Но: *Внимание, здесь ступени.* — *Gib acht (Achtung, Vorsicht), Stufen!* *Будь с ним осторожен.* (так как он может причинить тебе вред) — *Nimm dich vor ihm in acht (er kann dir schaden).*

3. anfertigen — создавать ручным способом один предмет от начала до конца; herstellen — создавать промышленным способом и (обычно) массово, по операциям; поэтому: *Kleider und Schuhe werden (auf Maß) angefertigt,* если создаются в ремесленной мастерской, но они же *werden hergestellt* на фабрике. Второй глагол всегда предпочтителен, если имеет место массовое производство (см., например,

¹ Случаи допустимости замены «в одну сторону», имеющие место для некоторых пар, в настоящем сообщении не обсуждаются.

² «негативный для А» = «приносящий А вред»

„Wörter und Wendungen“, Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch, hrsg. E. Agricola, Leipzig, 1962, S. 278).

4. aufholen¹ — ликвидировать задолженность и выполнить в срок; nachholen — ликвидировать задолженность после установленного срока; поэтому: *Поезд нагнал опоздание в пути* (то есть прибыл в срок) — *Der Zug hat den Zeitverlust aufgeholt. Unternehmen naht ein* (то есть предприятие нагоняет отставание в выполнении производственного плана). — *Der Betrieb holt den Planrückstand auf.* Но: *Ученик должен нагнать пропущенное.* (то, что его одноклассники уже сделали — *Der Schüler muß das Versäumte nachholen.*

5. A wartet auf X — A не предпринимает действий до события X; A erwartet X — A считает событие X в большей степени вероятным и готовится в нему; поэтому: *Она ждет ребенка на углу.* — *Sie wartet auf das Kind an der Ecke. Мы ждем обедать Мюллеров.* (не начинаем есть до их прихода) — *Wir warten mit dem Mittagessen auf Müllers.* Но: *Она ждет ребенка* (= она в положении) — *Sie erwartet ein Kind. Мы ждем к обеду Мюллеров.* (мы их пригласили и готовимся) — *Wir erwarten Müllers zum Mittagessen.*

6. sorgen für X — создавать условия для нормального функционирования X; kümmern sich um X — делать так, чтобы X имел место; поэтому: *Социалистическое государство заботится о воспитании молодежи.* *Der sozialistische Staat sorgt für die Erziehung der Jugend. Отец заботится о семье.* — *Der Vater sorgt für die Familie.* Но: *Ты должен позаботиться о билетах.* — *Du mußt dich um die Karten kümmern. Мне еще нужно позаботиться о подарке для матери.* — *Ich muß mich noch um ein Geschenk für die Mutter kümmern.*

7. die Aufgabe — ситуация, в которой для достижения цели нужно совершить некоторую последовательность действий; der Auftrag — поручение выполнить „Aufgabe“; поэтому: *Ученик справился с задачей по арифметике.* — *Der Schüler hat die Mathe-Aufgabe geschafft. Перед нами стоят важные задачи.* — *Wir stehen vor wichtigen Aufgaben.* Но: *Он взялся выполнить это поручение и выполнил свою задачу.* — *Er hat den Auftrag übernommen und ausgeführt.*

8. A schützt B vor C — C действует во вред B и A служит препятствием для C (A, B, C — не обязательно сознательные деятели); A verteidigt B gegen C — C действует во вред B и A действует во вред C и этим самым на пользу B; поэтому: *Дерево защитило путника от дождя.* — *Ein Baum*

¹ «задолженность» = «то, что обязан сделать, но не сделал»

schützte den Wanderer vor Regen. *Армия защищает страну от нападения.* — Die Armee verteidigt das Land gegen die Angreifer. Ср.: *Армия защищает страну от угрозы нападения.* — Die Armee schützt das Land vor der Gefahr eines Angriffs.

9. A bittet B um Entschuldigung — A говорит B одну из формул, принятых, если действия A по отношению к B нарушают нормы вежливости; A bittet B um Verzeihung — A говорит B одну из формул, которые приняты, если действия A являются проступком¹ перед B; поэтому: *Простите (извините), пожалуйста, я вас толкнул.* — Entschuldigen Sie bitte, ich habe sie angestoßen! *Извините, что я вам помешал!* Entschuldigen Sie, daß ich störe! Но: *Извините (простите), я не хотел Вас обидеть (задеть).* — Verzeihen Sie bitte, ich wollte Sie nicht kränken! *Этого он мне никогда не простит!* — Das verzieh er mir nie!

10. A hat X — X имеется в наличии у A; A besitzt X — то же + A пользуется X-м, поэтому: *У Карла есть жена, дети, друзья.* — Karl hat eine Frau, Kinder, Freunde. Но не: *Karl besitzt eine Frau, Kinder, Freunde.* Ср.: *У Карла есть библиотека, машина.* Karl besitzt eine Bibliothek, einen Wagen.

11. A gebraucht X — пользоваться X-м в соответствии с его функцией; A benutzt X — пользоваться в своих целях, не (обязательно) совпадающих с функцией X; поэтому: *Как пользоваться этим инструментом?* (= в чем его функция?) — *Wie gebraucht man dieses Werkzeug? Он ни на что не годится.* (= нет такой функции, к которой он бы подходил) — *Er ist zu nichts zu gebrauchen!* Но: *Воспользуйся благоприятной возможностью.* — Benutze die günstige Gelegenheit! *Она хорошо воспользовалась своим временем.* — Sie hat ihre Zeit gut benutzt.

12. A ersetzt X — A функционирует вместо X; A vertritt X — A временно функционирует вместо X; поэтому: *Предохранитель перегорел, его нужно заменить.* — Die Sicherung ist durchgebrannt, man muß sie ersetzen. *Дядя заменил детям отца.* — Ein Onkel ersetzte den Kindern den Vater: Но: *Он может временно заменить ее. Но постоянно? Не может быть и речи!* — Er kann sie eine Zeitlang vertreten. Aber ersetzen? Kommt nicht in Frage!

¹ «проступок» = «нарушение норм поведения, принятых в данном языковом коллективе»

13. A stört B bei X — А делает так, что В трудно продолжать действие X; A (ver)hindert B bei X — А делает так, что В не может продолжать X; поэтому: *Больная нога мешает ему подниматься по лестнице* (но он все же поднимается) — Das kranke Bein stört ihn beim Hinaufsteigen. Но: *Обстоятельства мешают мне прийти.* — Ich bin verhindert, zu kommen. *Он помешал мне говорить дальше.* (я не продолжаю свое выступление) — Er hinderte mich, weiterzusprechen.

14. falsch — не в соответствии с истиной или правилом; verkehrt — не в соответствии с поставленной целью; поэтому: *Ты неправильно пишешь это слово.* — Du schreibst dieses Wort falsch. — *Счет неправилен.* — Die Rechnung ist falsch. Но: *Вы неправильно сели.* (в транспорт) — Sie sind verkehrt eingestiegen. Ср. *Ты делаешь это неправильно.* (= твои действия нарушают правило) — Du machst das falsch. *Ты делаешь это неправильно.* (= делая так, ты не достигнешь цели) — Du machst das verkehrt.

15. vereinen — слить самостоятельные единицы в целое; vereinigen — слить в целое, сохраняя, однако, отдельнооформленность частей; поэтому: *объединенными силами, усилиями* — mit vereinten Kräften, Anstrengungen. Но: *объединение крестьян в кооперативы* — die Vereinigung der Bauern in die LPG's; *Соединенные Штаты Америки, Индии* — Die Vereinigten Staaten von Amerika, von Indien.

16. ausruhen sich — пополнить ежедневно расходуемые ресурсы организма; erholen sich — пополнить истощенные ресурсы¹ организма; поэтому: *Она выспалась и выглядит отдохнувшей.* (= сна было достаточно для восстановления ее ресурсов) — Sie hat/ist ausgeschlafen und sieht ausgeruht aus. *После болезни ей нужно хорошенько отдохнуть.* (оправиться) (= болезнь истощила ее ресурсы) — Nach der Krankheit muß sie sich richtig erholen.

17. aufgeben — вынужденно (и поэтому часто не без сожаления) перестать делать X из-за недостатка ресурсов; verzichten — не продолжать делать X по некоторым соображениям; поэтому: *Врач отказался от больного.* (у врача нет ресурсов, чтобы вылечить больного) — Der Arzt hat den Kranken aufgegeben. Но: *Мы можем отказаться от переводчика, потому что Петер хорошо говорит по-русски.* (имеется разумное основание для отказа) — Wir können auf den Dolmetscher verzichten, denn Peter kann gut russisch.

¹ «истощенный» = «близкий к нулю количества X»

Он отказался от борьбы. (не имел сил, чтобы продолжать борьбу) — Er gab den Kampf auf. Он отказался от борьбы. (счел невыгодным, безрезультатным... продолжать борьбу) — Er verzichtete auf den Kampf.

18. schlecht — плохо¹; schlimm — имеющий вредные последствия; поэтому: Дело кончилось плохо. (результаты оказались негативными) — Die Sache endete schlecht. Дело кончилось плохо. (имело негативные следствия для участников) — Die Sache endete schlimm. Он плохой человек. (сам по себе) — Er ist ein schlechter Mensch. Он плохой человек. (способен принести вред другим) — Er ist ein schlimmer Mensch.

19. verstehen — уметь извлечь информацию из X; begreifen — уметь извлечь информацию об устройстве, функционировании X; поэтому: Я понимаю тебя. (например, твои слова) — Ich verstehe dich. Я понимаю тебя. (= почему ты так поступаешь) — Ich begreife dich. Отсюда и возможность совместного употребления: Я понимаю, что ты говоришь, но не понимаю внутренней связи частей высказывания. (= смысла) — Ich verstehe dich ja schon wohl, aber ich begreife dich doch nicht.

20. A bietet B X an — A побуждает B взять у него X; A schlägt B X vor — A побуждает B совершить действие X, часто совместно с A; поэтому: Он предложил ей сигарету, свою помощь, деньги. — Er bot ihr eine Zigarette, seine Hilfe, Geld an. Он предложил встретиться у него, перенести собрание на другой день. Er schlug vor, daß wir uns bei ihm treffen, die Versammlung auf einen anderen Tag verlegen. Отсюда и различие в переводе: Он предложил проверить результаты эксперимента. (как услугу) — Er bot an, die Ergebnisse des Experiments zu überprüfen. Он предложил проверить результаты эксперимента. (проверяет другой или он совместно с другими) — Er schlug vor, die Ergebnisse des Experiments zu überprüfen.

21. beeilen sich — делать быстрее, чем до этого; eilen — делать быстрее, чем обычно (быстрее того, что является нормой для данного лица), поэтому: Поспеши без спешки. (= делай быстрее, чем до этого, не быстрее, чем предел твоей нормы, «не суетясь») — Beeile dich, ohne zu eilen. Куда ты спешишь? (= я вижу, что ты двигаешься быстрее, чем привык) — Wohin eilst du? Но не: Wohin beeilst du dich?

22. A erträgt X — A подвергается негативному воздей-

¹ «плохо» — «низшая отметка на оси качества»

ствию X и не сопротивляется ему¹; A duldet X — A подвергается негативному воздействию X, имеет ресурсы, чтобы противодействовать ему, но не делает этого; поэтому: *Я не выношу твоих капризов* (= мне тяжело их переносить), *лучше я уйду*. — *Ich ertrage deine Launen nicht, ich gehe lieber. Я не выношу* (= не желаю оставаться пассивным) *твоих капризов, я накажу тебя*. — *Ich dulde deine Launen nicht, ich bestrafe dich! Он не терпит, когда ему противоречат*. (он болезненно реагирует на это) — *Er erträgt keinen Widerspruch. Он не терпит противоречий*. (он карает за это) — *Er duldet keinen Widerspruch*.

23. A verlangt X — A сильно желает X, потому что чувствует потребность в X²; A fordert X — A желает X, опираясь на закон или моральное право; поэтому: *Больной потребовал врача*. (он считает, что врач ему необходим) — *Der Kranke verlangte nach dem Arzt. Посетитель потребовал кружку пива*. (ощутил сильное желание) — *Der Gast verlangte ein Bier. Но: Правительство признало, выполнило, отклонило требования горняков*. — *Die Regierung hat die Forderungen der Bergarbeiter anerkannt, erfüllt, abgelehnt*.

Примечание. Для дефиниции 23 оказывается затруднительным найти сопоставимые контрастные контексты³: *Der Lehrer fordert/verlangt von seinen Schülern Gehorsam. Die Völker fordern/verlangen die Freiheit vom Kolonialjoch*. Тем не менее, различия в толкованиях все же прослеживаются в словосочетаниях. Так, из толкования *Verlangen* вытекает смысл «немотивированно внешне, интенсивно», который отсутствует в значении *Forderung*, что прослеживается при сопоставлении *ein dringliches, sehnsüchtiges, heißes, leidenschaftliches, heimliches Verlangen*, но не: *eine dringliche, sehnsüchtige, heiße, leidenschaftliche, heimliche Forderung; eine gerechte, strenge, sittliche Forderung*, но не: *ein gerechtes, strenges, sittliches Verlangen*.

Рассмотренные словарные дефиниции позволяют высказать методические соображения о (1) форме словарной статьи в учебном переводном словаре и (2) тактике презентации значений в обучении.

1. Словарное толкование в учебном словаре, видимо, целесообразно строить по схеме:

лексема_{ин. яз.} = лексема_{р. яз.} + дифференциальные семанти-

¹ «A сопротивляется X» = «A действует против X с целью восстановить ситуацию, которая имела место до действий X против A».

² «X потребность A» = «X есть условие нормального функционирования A по его мнению».

³ На это указал автору М. Я. Цвиллинг.

ческие компоненты толкуемой лексемы (ин. яз. — иностранный, р. яз. — родной языки), например, *scharf* = острый + такой, что режется; *spitz* = острый + такой, что колется.

2. Презентацию лексической единицы целесообразно проводить с помощью двух операций:

2.1 толкования через переводной эквивалент родного языка: *scharf* = острый, *spitz* = острый и

2.2 семантизации дифференциальных семантических компонентов в контрастивных упражнениях: *ein scharfes Messer, ein scharfes Beil, eine scharfe Schere — ein spitzer Pfeil, eine spitze Nadel.*

Такая дифференциальная тактика презентации значений способствует интенсификации обучения, так как она позволяет толковать и затренировывать не общие (и, следовательно, известные из родного языка), а дифференциальные смысловые компоненты, овладение которыми фактически и означает овладение изучаемым языком.

V. РЕЦЕНЗИЯ

А. В. Федоров
(Ленинград)

Л. С. БАРХУДАРОВ. «ЯЗЫК И ПЕРЕВОД (ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ И ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА)»¹

1973—1975 годы были особенно «урожайными» на книги о переводе и, в частности, на книги по лингвистической теории перевода, причем урожай был и богатым, и интересным, и разнообразным (даже в пределах одной только лингвистической разработки проблемы — направления, объединяющего и Я. И. Рецкера, опубликовавшего за это время три книги², и А. Д. Швейцера, автора книги «Перевод и лингвистика»³, и В. Н. Комиссарова с его монографией «Слово о переводе»⁴, и автора рецензируемой работы).

Все вышеперечисленные труды роднит то, что вопросы перевода поставлены их авторами в теснейшую связь с наукой о языке, с ее новейшими достижениями; то, что задачи теории в них органически взаимодействуют с интересами переводческой практики, в частности, — проблемами подготовки квалифицированных переводчиков; то, что в них используется преимущественно материал научных и публицистических текстов, в меньшей мере — художественных, и что в значительнейшей своей части они посвящены взаимоотношению языков русского и английского. Помимо теоре-

¹ Л. С. Бархударов. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., «Междунар. отношения», 1975, 238 с.

² Я. И. Рецкер. Пособие по переводу с английского языка на русский. Л., «Просвещение», 1973; его же. Курс перевода с английского языка на русский язык для 3, 4, 5 курсов переводческого факультета (ч. I). М., МГПИИЯ им. М. Тореза, 1973; его же. Теория перевода и переводческая практика. М., «Междунар. отношения», 1974.

³ А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973.

⁴ В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., «Междунар. отношения», 1973.

тико-переводческого интереса все эти книги представляют также и общезыковедческую ценность.

Рецензируемая книга Л. С. Бархударова, построенная на материале русского и английского языков, имеет принципиально важный подзаголовок: «Вопросы общей и частной теории перевода». Это означает, что в ней рассматриваются и общие проблемы лингвистической теории перевода и специфические особенности перевода с английского языка на русский и с русского на английский, которые и выступают как конкретная реализация общих закономерностей перевода, устанавливаемых на основе наблюдений над фактами перевода с одних языков на другие, но проверяемых и иллюстрируемых на материале одной определенной пары языков; таким образом, закономерности общие и частные оказываются тесно соотнесенными и постоянно служат целям взаимопроверки. Вместе с тем конкретный материал переводов, привлекаемый в книге, и выводы из его анализа представляют бесспорную практическую ценность и в деле преподавания перевода (а также «самообучения» переводчика).

Автор опирается и на новейшую языковедческую теорию, отечественную и зарубежную, и на богатый классический опыт традиционного языкознания, и на достижения современной теории перевода — в большей мере советской, чем иностранной, поскольку именно у нас в стране особенно интенсивно и плодотворно развивалась эта филологическая дисциплина в ее лингвистическом аспекте. Используя опыт предшественников и современников, на которых всюду сделаны точные ссылки, автор в своей концепции перевода, в формулировке основных общих положений, в конкретных частных решениях является вполне самостоятельным и оригинальным. Как чрезвычайно положительную черту книги следует, по-моему, отметить реалистичность автора как лингвиста в подходе к своей задаче: я имею в виду то, что, будучи глубоко осведомлен в области современных направлений языкознания и методов лингвистического исследования, в частности и переводческого исследования, автор не увлекается структуралистскими концепциями, извлекая из них ценное, излагая его в легко доступной форме, но воздерживаясь от их крайности, критически относясь к их содержанию и сдержанно применяя соответствующую терминологию. Книга, в полной мере находясь на уровне советской лингвистической теории перевода, представляет творческую, то есть — повторяю —

оригинальную разработку ее прогрессивного содержания, вносит новое, свое и в трактовку ее основного принципа — принципа переводимости — и в критику враждебных ему взглядов зарубежных языковедов.

Как и в большинстве современных работ о переводе, внимание в рецензируемой книге сосредоточивается на процессе перевода, как межъязыковой трансформации, то есть, как это и оговаривается автором, не на психологической стороне процесса, а на различных формах или способах самой трансформации, на ее приемах и условиях, в которых осуществляется перевод, на преследуемых им в разных случаях целях, поскольку эти условия и цели оказывают влияние и на выбор переводческих средств и на конечный результат работы — текст перевода. В соответствии с данной установкой находится и построение книги: глава 1 рассматривает «сущность перевода» (здесь определяются и «предмет теории перевода», и «сущность перевода» как особого вида речевой деятельности, и «место теории перевода среди других дисциплин», и классифицируются «виды перевода»); темой главы 2 являются «языковые значения и перевод»; глава 3, самая большая по объему, посвящена «семантическим соответствиям при переводе» в их разновидностях, зависящих от характера передаваемых значений и их соотношения с контекстом и ситуацией; в короткой главе 4 (не имеющей разделов или параграфов) трактуется «проблема единицы перевода»; глава 5 (последняя) дает классификацию, характеристику, описание «переводческих трансформаций», то есть конкретных приемов передачи текста подлинника (перестановок, разнообразных и многочисленных замен, добавлений, опущений); «Заключение» кратко суммирует содержание книги.

Такая проблематика и структура книги ни малейших сомнений и возражений не вызывают, и надо подчеркнуть, что интересы теории и практики нигде не приходят в столкновение, хотя содержание глав 2 и 3 имеет в значительной мере общезыковедческий характер и теоретическую направленность, а глава 4 и, в особенности, 5 в большей мере ориентированы на практику, получающую, правда, освещение на фоне поставленных ранее широких теоретических проблем. Очень ценной особенностью книги является неизменно четкое, понятное, живое (при всей его серьезности) изложение, ясность и логичность классификаций, прекрасный выбор примеров, подаваемых последовательно и комментируемых содержательно и интересно.

Автор подчеркивает свое понимание «частной теории перевода» как дисциплины, имеющей дело с переводом на материале двух конкретных языков, а не с переводом произведений того или иного жанра. Тем самым проблемы жанровой специфики той или иной разновидности перевода или — тем более — индивидуального стиля не находят себе самостоятельного места в книге, где и не ставится целью их рассмотрение, но они затрагиваются попутно (например, в связи с «прагматическим аспектом перевода» и с «контекстом и ситуацией» — в главе 3). Книга Л. С. Бархударова так же, как и книги Я. И. Рецкера, В. Н. Комиссарова и А. Д. Швейцера, не относится к области теории художественного перевода, хотя в ней, как и в работах трех других авторов, неоднократно затрагивается вопрос о средствах передачи экспрессивности — стилистического явления, столь важного в художественной речи, также неоднократно рассматриваются примеры из произведений художественной литературы с учетом их жанрово-стилистической специфики (наряду с примерами из текстов научных и публицистических).

Межъязыковые переводческие закономерности, устанавливаемые в книге, заслуживают внимания переводчиков всех видов текстов, в том числе и художественных, так как с подобными случаями, случаями трудными, требующими творческих поисков, постоянно встречается и переводчик художественной литературы. Между тем автор не касается специфической проблематики перевода художественной литературы как искусства, предполагающего передачу неповторимо индивидуальных особенностей стиля и требующего уникальных решений. Такой задачи автор перед собой не ставит. В сферу его рассмотрения (сферу достаточно обширную) входит то, что поддается, хотя и широким, но типовым обобщениям. Это и оговорено им. И это не снижает ни теоретического интереса, ни практической ценности книги, поучительной для исследователя-филолога и чрезвычайно полезной для переводчика как для начинающего, так и для профессионала.

Каких-либо существенных, тем более принципиальных, разногласий с автором у меня нет, но я позволю себе здесь поделиться с читателем несколькими соображениями.

Сомнение и сожаление вызывает то, что автор употребляет термин «эквивалент», «эквивалентный», «эквивалентность» в чрезвычайно широком и общем значении «соответствие», «соответствующий», «соответственность». Тем самым теряется точный смысл удачного термина, предложенного в

свое время (Я. И. Рецкером¹ и впоследствии неоднократно (вплоть до 1973—1974 гг.) конкретизировавшегося им: у Я. И. Рецкера этот термин означает постоянное, однозначное, не зависящее от контекста (в пределах материала определенной отраслевой тематики) соответствие слову или словосочетанию исходного языка. Этот термин прекрасно оправдал себя в отношении научно-технических текстов (особенно применительно к терминам, к названиям реалий и т. п.). Стоит ли расшатывать, размывать его значение и фактически стирать грань между ним и термином и понятием «адекватность» (на с. 186 между ними ставится знак равенства, тогда как это разные вещи) или, как это делается на с. 103, говорить об «окказиональном переводческом эквиваленте»? Конечно, при переводе на английский язык труднее, может быть, подобрать слово для передачи термина «соответствие», но данный вопрос, как мне кажется, заслуживает того, чтобы отнестись к нему со всей осторожностью. (Так как подобное употребление термина «эквивалент» и производных от него проходит через всю книгу, не указываю отдельных страниц.)

На с. 42—43, ссылаясь, в частности, и на пишущего эти строки и соглашаясь с тем, что «выработка нормативных принципов», «правил» перевода возможна лишь в ограниченных пределах (то есть в относительно простых случаях) и всегда в относительно общей форме», автор книги далее определяет лингвистическую теорию перевода как «двустороннюю, дескриптивно-прескриптивную дисциплину, в которой ведущим является дескриптивный (то есть объективно-констатирующий — А. Ф.) аспект, а прескриптивный играет подчиненную, но тем не менее весьма существенную роль». И далее речь идет о том, что «теоретические выводы» (из анализа практического материала) «вновь проецируются на практику в виде определенных нормативных установок, которые имеют вид не жестких и нерушимых «правил на все случаи», а типовых рекомендаций, носящих не абсолютный, а относительный характер и подлежащих той или иной модификации в зависимости от каждого конкретного случая» (с. 43). В принципе это верно, но все же смущают такие формулировки, как «нормативная установка», и замечание о столь существенной роли «прескриптив-

¹ Я. И. Р е ц к е р. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык. В сб.: «Вопросы теории и методики учебного перевода». М., Изд-во Акад. пед. наук, 1950, с. 157.

ного аспекта». В этой связи хотелось бы обратить внимание автора также на отдельные места в книге, где он говорит о «правилах» (правда, в кавычках) «переводческой трансформации» (с. 29), о «способах («правилах») перехода» от ИЯ к ПЯ (с. 36), о «каких-то нормативных установках» или «предписаниях» (с. 41) или подходит нормативно-оценочно к некоторым конкретным случаям перевода (например, на с. 12 строки 17—18 сверху, там же строки 16—17 снизу, на с. 126 строка 17 снизу и следующие, на с. 131 строка 19 сверху и следующие, на с. 189 строка 12 сверху и следующие). Против существования оценок у меня нет возражений, но хотелось бы видеть их в иной «модальности», то есть не в форме прямых оценок или рекомендаций, а в форме указания на смысловую или жанрово-функциональную ответственность оригиналу (в выборе средств перевода).

Некорректна формулировка на с. 95 (строка 5 сверху и следующие), где реалии определяются как «слова, обозначающие предметы, ситуации» и т. д. Реалии — именно не слова, а как раз те самые предметы, ситуации и проч., которые словами обозначаются, и поэтому следует говорить не о реалиях, а о «названиях реалий», которые и подлежат переводу. Напомню, что среди терминов теории перевода есть и такой, как «слова-реалии», и он тоже мог бы быть использован.

Что касается сказанного на с. 99 о более редком в настоящее время использовании приема транслитерации и транскрипции, то следовало бы, точности ради, оговорить, что это относится главным образом к переводу с западноевропейских языков на русский (и, по-видимому, обратно), то есть к переводу с языков одного и того же культурного ареала, тогда как в переводах (все более многочисленных) с восточных языков этот же прием получает в настоящее время все более широкое распространение, что вызвано, вероятно, тенденцией к подчеркиванию национальной специфики восточных реалий.

Вряд ли можно утверждать сейчас, как это делается на с. 109, что поэзия «имеет свой специфический словарь». На протяжении всего XIX столетия как в русской, так и в западноевропейской литературе происходил непрерывный процесс демократизации и, в связи с этим, расширения словаря поэзии (Байрон, Гейне, Некрасов); этот процесс продолжается и ныне в необыкновенно широком масштабе.

И в заключение хотелось бы высказать одно пожелание общего характера, на случай переиздания, связанное с тем,

что книга, не ставящая задачей рассмотрение проблем художественного перевода, имеет, тем не менее, самое прямое отношение к эстетике слова, выступающей достаточно ясно во всех видах словесной деятельности, во всех видах текстов, в том числе научных и тем более публицистических (все цитируемые в книге примеры переводов из этих текстов, равно как и из художественной литературы, стоят на высоком стилистическом уровне и проанализированы тонко, с большим вкусом, со знанием дела). Мне уже довелось писать о том, что в «научно-техническом тексте есть своя эстетика, та эстетика, о которой теперь часто говорят и пишут в связи с промышленным и жилищным строительством, с планировкой, устройством и оформлением цехов и других помещений, с внешним видом и функционированием машин. Это эстетика целесобразности, четкости, продуманности формы. А в тех более редких случаях, когда в произведении научной литературы на фоне общих формально-логических норм стиля выступают черты индивидуального мастерства, выражающиеся в средствах образности или в использовании иронии для целей полемики, встают и такие эстетические задачи, которые не чужды и переводу художественной литературы»¹. Подобные же задачи фактически все время встают и решаются в связи с материалом переводов, даваемых в книге Л. С. Бархударова, и мысль, высказанная в приведенной мной автоцитате, имплицитно присутствует в этом труде. И пожелание мое состоит в том, что следовало бы высказать эту мысль в определенном месте также и эксплицитно, подчеркнуть ее, с тем чтобы стало яснее, насколько широк диапазон вопросов, затрагиваемых Л. С. Бархударовым, и как велик интерес, представляемый его трудом для обширнейшего круга читателей — не только переводчиков, но и читателей переводов.

¹ А. В. Ф е д о р о в. Из истории работы над проблемами перевода научной и технической литературы в СССР. В кн.: «Первая Всесоюзная конференция по теории и практике перевода» (Функциональный стиль научной и технической литературы). Тезисы докладов. Каунас, 1975, с. 219.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Вопросы теории перевода

- К. Ю. Амбрасас-Саснава.* Еще о разделах переводоведения 3
Д. И. Ермолович. Типичность ситуации и перевод на уровне
сообщения 11

II. Вопросы практики перевода

- Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман.* Актуализация и перевод 22
Р. И. Розина. Американский слэнг XX в. в аспекте перевода 36
Т. Д. Жеру. Лексическая сочетаемость и виды переводческих
соответствий 45
Г. В. Чернов. Еще раз о схеме организации синхронного пере-
вода 51

III. Вопросы художественного перевода

- З. Н. Волкова.* Перевод и семантика средневекового текста 59
Н. М. Павлова. Стилистические коннотации как компонент
адекватности перевода 67
С. В. Алещенко. Об итальянских переводах повести А. С. Пуш-
кина «Пиковая дама» 80
А. Б. Канестри. Проблемы перевода рифмы Маяковского на
итальянский язык 86

IV. Вопросы лексикографии

- Б. И. Горбис.* Психолингвистика и порождающая лексикогра-
фия 103
А. Р. Арутюнов. Несколько словарных толкований 116

V. Рецензия

- А. В. Федоров, Л. С. Бархударов.* «Язык и перевод» 126

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА,
ВЫП. 14

Редактор *М. А. Романова*
Издательский редактор *Н. С. Новова*
Художественный редактор *Р. А. Казаков*
Младшие редакторы *Г. И. Колодкова,*
Е. П. Политова
Технический редактор *Т. С. Орешкова*
Корректор *О. Г. Мирнова*

ИБ № 78

А 11618. Сдано в набор 18/XI-1976 г. Подписано в печать 15/II-1977 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 7,14. Уч.-изд. л. 7,10. Тираж 13000 экз. Изд. № 35/76 ф. Издательство «Международные отношения» 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24-26. Цена 48 коп. Зак. № 880. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

**Издательство
«Международные отношения»
выпустило в свет
следующие книги:**

**КОМИССАРОВ В. Н. Слово о переводе.— 1973,
159 с., 71 к.**

**ЛОПАТИН Г. С., ВОРОНОВ К. Г., БОЙКО В. Н. Ком-
мерческая корреспонденция на французском языке. —
1975, 280 с., 68 к.**

**СОСНИНА В. А., АВРАМЕНКО Р. Ю., МЯСНИКО-
ВА Г. В. Коммерческая корреспонденция на немецком
языке. — 1976, 264 с., 83 к.**

**ЧЕРДАНЦЕВА Т. З. Совершенствуйте свой итальян-
ский.— 1972, 320 с., 74 к.**

**Эти книги имеются в магазине № 64 «Кни-
ги на иностранных языках» (103031, Москва
К-31, Кузнецкий мост, 18).**

**Наложным платежом литературу высыла-
ет магазин № 124 «Книга — почтой» (125299,
Москва А-299, ул. Космонавта Волкова, 19).**

48 коп.

